

DUNGEONS & DRAGONS®

FORGOTTEN REALMS®

РИЧАРД И БАЙЕРС

БРАТСТВО ГРИФОНА • КНИГА IV

ВЕДЬМЫ В МАСКАХ

Аот Фезим и его отряд наемников восстановили попорченную репутацию и нашли новых солдат в поредевшее войско. Но остается еще одна проблема. Слишком много ездовых грифонов были убиты в прошедших битвах. И если имя "Братство Грифона" — не просто пустой звук, нужно найти им замену.

У рашеменских ведьм есть грифоны — и смельчаки, которые победят нежить, разоряющую земли этой страны, смогут их забрать. Аот и его отряд, так же, как и другие, намерен поучаствовать в этой битве за боевых зверей. Но вещи вновь оказываются не такими, какими казались. Эпические сражения между наемниками и берсерками с участием воздушных кораблей пунктиром проходят через эту историю в варварских землях оракулов, духов природы и говорящих зверей.

О ПЕРЕВОДЕ

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**ForgottenRealms**". Перевод выполнен для улучшения изучения английского языка и не предназначен для продажи.

Переводчик: **PyPPen**

Редактор: **Easter**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Спонсоры перевода: **Алексей Кузьмин, semrai, Алексей Кирик**

Если во время чтения Вы обнаружили какие-то огрехи, замечания, стилистические неточности, то прошу отписать о них на shadowdale.ru.

Регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru - новые книги вас будут ждать только там.

Спасибо!

РИЧАРД ЛИ БАЙЕРС

«ВЕДЬМЫ В МАСКАХ»

Судьба главы Братства

Сила, подобно молнии, пронзила Вандара. Она была ошеломляющей, как вопль, полный силы и радости, но в то же время ярости и жажды убийства.

Он издал свой собственный боевой клич, имитирующий визг грифона, и прыгнул навстречу двум поднятым гоблинам. Когда они ударили его, он увидел их оружие — ятаган и копье, — но смог парировать атаку одним взмахом. Первым ударом своего палаша он рассёк голову зомби справа от себя. Желтый блеск в его глазах погас, а колени согнулись.

Ухмыляясь, Вандар попытался выдернуть свой меч, но тот застрял в ране. Между тем, ятаган другого гоблина сверкнул ему навстречу. Вандар отпрыгнул назад и уклонился от удара, но для этого ему пришлось отпустить рукоять собственного оружия.

Второй зомби двинулся вперед и нанес еще один удар, оттесняя Вандара все дальше и дальше от его клинка. Прежде чем зомби успел поднять скимитар для четвертой атаки, воин бросился на него и перебросил вонючее существо за спину. Моментально развернувшись, Вандар упал коленями на грудь зомби и ударил обеими кулаками ему в лицо. Кость захрустела, мерцание цвета мочи исчезло из глаз существа, и оно перестало двигаться. Небольшая часть Вандара, еще не охваченная яростью, осознала, что он тоже мог только что пораниться. Но сейчас он не чувствовал этого.

Теперь он мог забрать свой меч, но ярость не оставила ему времени для того, чтобы вырвать палаш из черепа зомби. Схватив ятаган, Вандар вскочил на ноги и повернулся к фигуре в плаще.

ПРОЛОГ

Вандар Черлинка поднял обернутую соломой глиняную бутыль. Небольшой вес ясно дал понять, что внутри осталось всего несколько глотков джуйлда, и ему захотелось оставить себе терпкое огненное вино.

Однако только на мгновение, а затем он решительно выбросил эту мысль из головы. Ибо ни один человек не мог возглавить клык берсерков не став столь же доблестным, сколь и щедрым. Он сказал себе, что его эгоистичное желание вызвано только...неуживчивостью его попутчика.

Проблема была не в том, что леди Йельбруна — по общему мнению старейшая хатран во всем Рашемене — никогда не снимала свою коричневую кожаную маску, перчатки и даже не откидывала капюшон своей мантии на глазах у Вандара. Как и

любой другой парень, он задавался вопросом – под маской была женщина, сохранившая молодость с помощью магии, или ужасная морщинистая старуха – только эти мысли и развлекали его. Но он знал, что не узнает этого. Нет, что раздражало его, так это ее унылое молчание милю за милей — тишина, нарушаемая только ее непонятным бормотанием себе под нос и случайными краткими командами.

Тем не менее, он не позволит ее надменной отчужденности превратить себя в плохого компаньона. Он вытащил пробку — та вышла с небольшим хлопком, — и предложил женщине бутыль. Вместо того чтобы взять её, она вдруг отвернулась от воина и от костра, чтобы взглянуть в черные горы, возвышающиеся на фоне ночного неба. В лунном свете снежные вершины казались бледными пятнами на тёмном полотне.

Сердце Вандара забилось немного быстрее. Он огляделся, но ничего не увидел, что не обязательно означало отсутствие кого—либо чужого на склоне горы. В Высокой Стране было много опасностей, и, возможно, хатран чувствовала то, чего не мог ощутить даже опытный охотник.

— В чем дело? – прошептал он.

— Замолчи, — ответила она своим стальным контральто, — и услышишь сам.

Он напрягся, прислушался, и через мгновение уловил шум. На востоке, выше по горе, на которую они поднимались и где разбили лагерь, раздался грохот.

Йельбруна вскочила на ноги, словно была юна и подвижна.

— Возьми свой меч и дротик. — сказала она.

— Почему? — спросил Вандар, потянувшись к оружию, лежавшему в пределах досягаемости его руки.

— Потому что тебе нужно что—то убить, и будет лучше, если оно не услышит, как мы приближаемся, — ответила она. — Так что закрой свой рот и следуй за мной.

Проглотив раздраженный ответ, он повиновался.

Высокогорье могло быть опасным даже днем. Помимо троллей, кобольдов и прочих подобных существ, поджидающих в засаде, путнику приходилось опасаться обвалов камней под ногами и лавин с вершин скал. Но Йельбруна шагала в холодном осеннем воздухе, как будто подобные опасности не беспокоили ее. Вандар мог только надеяться, что ее магия заключала в себе способность видеть в темноте подобно сове.

Может быть, так оно и было, потому что они достигли вершины хребта, не наткнувшись ни на одну из опасностей. Они начали спускаться в своего рода выемку в склоне горы — длинный, узкий карман, где лежал снег и не таял от зимы к зиме. Равномерный стук стал громче, и Вандар уловил сопровождавшее его мягкое пение. Он не мог разобрать слов, но сила в них скрутила его кишки и оставила металлический привкус во рту.

Йельбруна подняла руку, остановив их продвижение. Она подняла палочку из синего дерева.

Вглядываясь, он разобрал, на что она указывает, несмотря на мрак, который в этой маленькой долине была еще гуще, чем на склоне. Но помог снег — из этого белого ковра поднимался менгир, и фигура в плаще стучала по камню кривым посохом. Судя по маленьким телам, на камень и мужчину смотрела пара гоблинов.

Йельбруна легким взмахом палочки приказала Вандару идти вперед.

Он был не против. Вожак берсерков никогда не уклонялся от боя. Тем не менее, он посмотрел на нее, одним взглядом спрашивая – должен ли он, несмотря на силу хатран, справиться с врагом в одиночку. Она ответила кивком.

— Типично. — пробормотал он.

Раздраженный и удивленный, Вандар начал красться вниз по склону. Насколько он мог судить, ни у кого из троицы внизу не было ни лука, ни пращи, ни какого—то другого дальнобойного оружия. Но даже если бы оно у них было, Вандар постарался бы подкрасться поближе.

Все было хорошо. Пока он не достиг снега. Затем, несмотря на его усилия сохранять тишину, его шаги издали тихий хруст, и, в конце концов, гоблины и фигура в плаще повернулись в его сторону.

Скрытность в значительной степени выполнила свою задачу. Еще несколько шагов и он окажется достаточно близко, чтобы метнуть копье. Вандар побежал, но тут ему в голову ударил сокрушительный визг.

Он знал — или знала часть его, — что визг длился всего мгновение или два. Но эхо этого ужасного шума волнами разливалось по его сознанию, пугая и мешая мыслить ясно. Ко всему прочему, этот шум почти ослепил его.

Почти, но не совсем. Он заметил гоблинов, бредущих к нему сквозь снег, и понял, что должен быть готов к бою. Подобно утопающему, выбирающемуся на поверхность воды, он напрягся, изгоняя страх и смятение и заставляя вой в своей голове замолчать. Через мгновение фантомный шум стих.

Когда это произошло, он увидел, что с гоблинами что—то не так. Они двигались неуклюже, и от них воняло гнилью. Желтый блеск в их запавших глазах не имел ничего общего с лунным светом.

Зомби. Вандар улыбнулся, потому что это его не испугало. Как и каждый воин—рашеми, заслуживающий этого имени, он много раз сражался с легионами Тэя — нежитью, руководимой некромантами.

Тут он понял, что в его руках больше не было дротика – должно быть. Он уронил его, когда шум сбил его с толку. Не имея других причин медлить, Вандар представил себе могучий крылатый тотем Грифона — наполовину орла и наполовину льва — и заставил себя сойти с ума.

Сила, подобно молнии, пронзила Вандара. Она была ошеломляющей, как вопль, полный силы и радости, но в то же время ярости и жажды убийства.

Он издал свой собственный боевой клич, имитирующий визг грифона, и прыгнул навстречу двум воскресшим гоблинам. Когда они ударили его, он увидел их оружие — ятаган и копье, — но смог парировать атаку одним взмахом. Первым ударом своего палаша он рассёк голову зомби справа от себя. Желтый блеск в его глазах погас, а колени согнулись.

Ухмыляясь, Вандар попытался выдернуть свой меч, но тот застрял в ране. Между тем, ятаган другого гоблина сверкнул ему навстречу. Вандар отпрыгнул назад и уклонился от удара, но для этого ему пришлось отпустить рукоять собственного оружия.

Второй зомби двинулся вперед и нанес еще один удар, оттесняя Вандара все дальше и дальше от его клинка. Прежде чем зомби успел поднять скимитар для четвертой атаки, воин бросился на него и перебросил вонючее существо за спину.

Моментально развернувшись, Вандар упал коленями на грудь зомби и ударил обеими кулаками ему в лицо. Кость захрустела, мерцание цвета мочи исчезло из глаз существа, и оно перестало двигаться. Небольшая часть Вандара, еще не охваченная яростью, осознала, что он. Но сейчас он не чувствовал этого.

Теперь он мог забрать свой меч, но ярость не оставила ему времени для того, чтобы вырвать палаш из черепа зомби. Схватив ятаган, Вандар вскочил на ноги и повернулся к фигуре в плаще.

С более близкого расстояния Вандар смог разглядеть, что это была одна из женщиноподобных существ, известных как ведьмы. Она была более похожа на человека, чем некоторые другие, и не выше его. И до того, как она стала нежитью — когда её кожа начала гнить, а в глазах зажглось болезненное янтарное свечение, — она, возможно, могла сойти за человека, пока прятала свои искривленные руки с длинными когтями под мантией.

Вандар бросился на ведьму, и она снова закричала. Шум жег его лицо и грудь, будто на него свалился град мелких камушков, но он не сводил с ума. Его спасла ярость.

К сожалению, вопль был не единственным ее трюком. Ведьма вытянула руку, и ледяной ветер завыл и оттолкнул берсерка в сторону. Подхваченный вихрем, возникшим вокруг нее, снег поднялся в воздух.

Потеряв равновесие, Вандар упал. Инстинкт подсказывал ему, что нельзя оставаться там, где он упал, и поэтому, едва сдерживаемый снегом, он бросился в сторону. Прогремел гром, и ослепительная вспышка осветила выемку в горе, лишив его ночного видения. Намек на молнию, от которой он только что увернулся, пронзил землю.

Вновь повинувшись инстинкту, он вскочил на ноги и ударил тень. Изогнутый меч пронзил что-то твёрдое. В то же мгновение что-то зацепилось за его жилет из вываренной кожи — когти ведьмы сорвали броню и поцарапали его плоть.

Вандар вырвал ятаган из того места, где он застрял, и нанес удар по темной фигуре перед ним, но карга была слишком близко, чтобы он мог использовать незнакомый клинок с максимальной эффективностью. Даже сила берсерка не могла заставить клинок пронзить тело ведьмы глубоко. В то же время карга продолжала рвать в клочья его доспех.

Инстинктивно метя в колено, Вандар ударил вниз и почувствовал, как клинок столкнулся с плотью и костью. Атака ведьмы прекратилась, но уж точно не потому, что он попыталась сбежать — нежить была бесстрашна.

«Должно быть, она пытается обойти меня сзади, — подумал Вандар, — или увеличить дистанцию, чтобы использовать магию».

Щурясь из-за ветра, Вандар повернулся в поисках ведьмы. Вскоре к нему вернулось достаточно зрения, чтобы он мог увидеть её в двух шагах от себя. Она опиралась на здоровую ногу и слегка прикрывала горизонтальную рану на животе. Капюшон сполз с ее головы назад, а длинные белые волосы развевались в вихре вместе с изодранной одеждой. Внутри ее скрюченных пальцев дёргался мерцающий свет, время от времени просвечивая кости, что напоминало длинные чумные пятна на коже.

С ревом Вандар набросился на нее, а она прыгнула ему навстречу. Он перерезал ей шею, и через мгновение она вонзила когти обеих рук ему в грудь.

Что—то затрещало. Его тело будто загорелось, и это заставило его дернуться, как будто его охватил какой—то припадок. Когти карги выскользнули из его груди, и она рухнула. Когда она упала на землю, ее голова, почти отрубленная ятаганом, полностью оторвалась от шеи. Желтый блеск в ее глазах погас, и неестественный ветер улетучился.

Когда все трое врагов Вандара были уничтожены, ярость берсерка сошла на нет. Он чувствовал слабость и дрожь, а внезапная пульсирующая боль в его покрытой волдырями, кровоточащей груди и на избитых руках лишь усугубила общее болезненное самочувствие. Задыхаясь, воин плюхнулся на снег.

Вандар услышал треск и хруст камня. Он покрутил головой и огляделся.

Он впервые внимательно посмотрел на менгир: струны маленьких зубчатых рун тянулись от вершины гранитной глыбы до её основания. Хотя он и не мог их прочитать, Вандар узнал письменность ромвиранцев, живших на этих землях в древние времена и оставивших руины и памятники, подтверждающие их проживание.

Хотя деревянный посох не мог разбить гранит, ведьме удалось стереть некоторые символы, и даже когда ее безголовое тело лежало на земле, ее работа продолжалась. Камень продолжал разваливаться, и от краёв исчезающих рун поползли трещины.

— Это как вылупление из яйца. — Прошептал Вандар. Он не мог точно объяснить, откуда он это знал, но он знал — точно так же, как он чувствовал, что что бы ни «вылупилось» из менгира, даже ведьма, в сравнении с *этим*, покажется пустяком

Все еще дрожа, он поднялся на ноги и приготовился впасть в ярость во второй раз. Было бы тяжело сделать это снова так скоро, особенно когда он был ранен. Но он знал, что выбора у него нет.

Йельбруна двигалась по камню, хотя и не по прямой. Ее путь петлял из стороны в сторону и даже в некоторых местах сворачивал назад, как будто следы, оставленные ею на снегу, сами по себе были некой формой письма. Она взмахнула палочкой из синего дерева вверх—вниз и из стороны в сторону, напевая рифмованные строки тоном, напомнившим Вандару о командах, отдаваемых непослушной собаке.

Менгир содрогнулся сильнее. Еще больше рун рассыпалось. Хотя он не был мистиком и не разбирался ни в каких тайнах, кроме тайн своего клыка, Вандар внезапно ощутил чей—то восторг. Это психическое вторжение было настолько мощным, что на мгновение он разделил эту эмоцию, хотя и понял, что как только вещь в камне освободится, она попытается убить и его, и Йельбруну.

Хатран запела слова в другом ритме. Ее голос напомнил Вандару звук горна на поле боя. Она прижала руки к щекам.

Кожаная маска хатран засветилась как солнце. Сияние, которое она излучала, освещало пространство перед ней, но. Казалось, большая часть света падала на менгир.

После этого трещины закрылись, и образовался новый камень, который запечатал сломанные места. Глифы переписали сами себя.

Чужое ликование, вторгшееся в разум Вандара, уступило место ярости и решимости. Существо в камне сделало величайшее усилие, и на мгновение над стоящим камнем появилась огромная призрачная фигура с рогами, загибающимися назад с двух её рептильных голов, и несколькими щупальцами, извивающимися от каждого плеча вместо рук. Затем, со смесью ненависти и разочарования, она исчезла. К облегчению Вандара, его связь с существом исчезла вместе с ним.

Йельбруна плюхнулась в снег. Он поспешил к ней и увидел, что ее маска исчезла – возможно, как только она израсходовала всю магию, хранящуюся в ней.

Ее сердцевидное лицо было юным, с гладкой кожей и румяными щеками. Оно было более девичьим и менее царственным, чем он мог себе представить, с большим носом и намеком на игривость в уголках широкого рта.

Он опустился на колени рядом с ней.

— Вы в порядке? – Спросил он.

— Просто устала, — сказала она, улыбаясь. — Теперь ты видел мое лицо, и при данных обстоятельствах в этом нет никакого кощунства. Но ты никому не расскажешь о том, что видел.

Он задавался вопросом — откуда она знала, что он надеялся увидеть ее без маски?

— Клянусь тотемом своего клыка, я не расскажу, — ответил он. — Но не могли бы вы рассказать мне, что только что произошло? Что это было?

— А, — начала Йельбруна. — Ромвиранцы, которые когда-то жили в этих горах, были врагами наров, а нарсские волшебники были мастерами призыва дьяволов и демонов для выполнения своих приказов. Они посылали таких демонов, чтобы беспокоить Высокую Страну, но маги Роматари справились с этими набегами, соорудив ловушки, подобные этой. Дух, который некогда блуждал слишком близко к ней, был втянут внутрь.

— И будет там сидеть, пока что-то не освободит его. – Закончил Вандар.

— Именно, — ответила хатран. — Мы, Вичлараны, проверяем и ремонтируем такие камни каждый год. Этого достаточно, чтобы противостоять последствиям простого обветшания и чего-то, подобного этому. Но, очевидно, это не может предотвратить намеренное уничтожение.

— Творимое грязными тейцами. — Сказал Вандар.

— Вполне возможно. — Ответил Йельбруна.

— Будь они прокляты, — сказал он. – Сейчас же даже нет войны. Это просто... зло. Выпустить демона на свободу, чтобы он бродил вокруг и причинял вред любому, кому не посчастливилось столкнуться с ним.

Ее улыбка немного расширилась.

— Мне жаль, если тэйцы разочаровали тебя.

Эта шутка вызвала у него смехок, из-за чего боль в его груди усилилась.

— Все в порядке, — ответил он. — По правде говоря, я никогда не был о них очень высокого мнения.

— Я тоже, даже сто лет назад, когда Тэй был жестоким, злобным врагом, он и близко был не таким мерзким, как сейчас, — сказала она, коснувшись своего лица. — Я думаю, что восстановила достаточно сил, чтобы залечить твои раны. После этого я очень хотел бы попробовать то огненное вино, которое ты предложил.

Дружелюбие Йельбруны продолжалось до конца ночи. Но утром, к его разочарованию, она повязала шарф на нижнюю часть лица и как будто снова окутала себя суровостью. Они шли по тропе молча, как и прежде.

Полдень привел их к плоской овальной вершине. На юг, так далеко, как только могли увидеть глаза, уходили Горы Восхода, самой северной частью которых была Высокая Страна. В противоположном направлении вдалеке вздымались горы, но зоркий глаз мог разглядеть место, где они сменялись плоскогорьем, бывшим большей частью безлюдной пустыней. На западе лежало серебристо—зеленое сердце Рашемена с его лесами, реками и озерами; а на востоке — бескрайние степи, называемые Землями Орды.

Йельбруна огляделась, что—то пробормотала себе под нос и начертила палочкой в воздухе Z—образную фигуру.

— Я проведу ритуал здесь. — сказала она.

Вандар улыбнулся.

— Ты не сказал мне, что путешествие почти закончилось. — ответила хатран.

— Я могу чем—то помочь? — спросил Вандар.

— Пока держись подальше от меня и молчи.

Вандар изо всех сил старался подчиняться, пока хатран ходила вокруг вершины. То молча, то напевая, она периодически останавливалась, чтобы взмахнуть своей палочкой из синего дерева и нарисовать в воздухе замысловатые узлы. Она просила помощи у местных духов. И один за другим они появлялись и исчезали из поля зрения: огромный ворон сидел на выступе, в стороне стоял человек размером с куклу из камня, появилась призрачная росомаха.

Когда Йельбруна закончила свои приготовления, она поманила Вандара властным взмахом палочки. Он присоединился к ней рядом с выступающим куском гранита, где появился дух ворона.

— Дай мне руку. — сказала она.

Когда он это сделал, она перевернула её ладонью вверх и провела по ней кончиком палочки. Округлая голубая древесина разрежала его кожу, как бритва. Хотя это было не больно — а даже если бы и было, ему было бы стыдно вздрогнуть, — у него перехватило дыхание от удивления.

Она промокнула выступившую кровь, используя свою палочку как кисть, и нарисовала ею символы на выступе. Несмотря на стилизацию, некоторые из них были менее загадочными, чем руны Роматари. Вандар узнал розу Чонтии, глаза и звезды Селунэ, голову единорога Миликки и крылатого четвероногого зверя с клювом, который, предположительно, был тотемом его клыка.

Когда Йельбруна закончила писать, она взмахнула палочкой. Затем она подняла лицо к небу и начала петь песню, перемежающуюся хриплыми визгами, похожими на боевой клич берсерка, только еще более реалистичный, леденящий кровь. Сила, которую она вызывала, заставила снег под её ногами переливаться, подобно воде в пруду.

Она пропела заклинание три раза и начала в четвертый раз, прежде чем нечто ответило. Затем над вершинами к югу появилось пятнышко.

Быстро летя, оно направлялось к людям на вершине горы, пока Вандар пытался разобрать его внешность Хлещущие крылья. Голова орла с золотыми глазами и

изогнутым клювом, не уступающим в остроте хищным когтям на передних лапах. Львиные задние конечности и хвост, вокруг которого перья сменялись рыжевато—коричневым мехом.

Он кружил над вершиной горы, по—видимому, осматривая людей. Затем к нему по одному присоединилось еще два грифона. Йельбруна объяснила Вандару, что призывает этих тварей с юга, где они нашли легкую добычу возле рудников Теткеля. Они пожирали мулов, коз, овец и даже людей, что побуждало местных жителей просить хатран положить конец бойне.

Поначалу десятки парящих зверей представляли собой великолепную и хаотичную картину, но постепенно Вандар стал замечать различия между ними. Тот, что сейчас поднимался, имел темно—коричневое оперение с едва заметным оттенком бронзы. Тот, который продолжал держаться особенно низко, был в основном меховым — перья у него были только на крыльях. Третий был без кончика хвоста.

Какими бы ни были их черты, все они были великолепны. Вандар заворуженно изучал их. Он хотел заполучить их так сильно, как не хотел никогда и ничего.

Дикая сила существ говорила с самой глубокой его частью — той, которая впервые привлекла его к тотему грифонов и к Дому Грифонов. Но сейчас она была еще больше. Хотя его клык занимал почетное место, он ни в коем случае не был самым большим или самым престижным в Рашемене, а сам он не был выдающимся воином. Но существа, парящие над его головой, могли это изменить. Однажды они даже могут сделать своего хозяина следующим Железным Лордом, когда Манган Урук присоединится к своим предкам.

Вандар с самого начала был достаточно уверен, что Йельбруна намеревается отдать грифонов на его попечение. Он был и очевидным кандидатом, и единственным мужчиной, которому она приказала сопровождать ее в этих поисках. И, конечно же, случайная встреча прошлой ночью подтвердила правильность ее выбора. Ухмыляясь, он попросил Богинь благословить вонючих тэйцев и все их гнусные замыслы, ибо благодаря им Йельбруна своими глазами увидела, каким стойким героем был Вандар.

И снова хатран охрипшим голосом дошла до последней строчки своей песни. Она расправила рукава своего объемного плаща так, будто расправила собственные крылья. После этого она издала свой самый громкий крик.

Как один, грифоны устремились к вершине горы.

Если бы они вдруг решили наброситься на людей, осмелившихся призвать их, то запросто убили бы их. Даже магия Йельбруны не могла отразить сразу столько могущественных зверей. И все же Вандар рассмеялся и приветственно поднял пустые руки, потому что не сомневался, что ведьма держит ситуацию под контролем. Как могло быть иначе, когда грифоны были его судьбой?

Как он и ожидал, звери просто приземлились на снег. Многие повернули головы, чтобы посмотреть на него, но не предприняли никаких действий, чтобы атаковать.

С наполовину сложенными крыльями самый большой из всех грифонов парил прямо перед Йельбруной. Некоторые из его перьев были скорее золотыми, чем бронзовыми, а глаза были такими же голубыми, как чистое небо над головой. Они смотрели в лицо Йельбруне, а она упорно смотрела в ответ.

Вандар недоумевал, как он раньше не разглядел этого грифона среди толпы. Это явно был вожак, а значит даже если все грифоны будут принадлежать клыку Вандара, именно этот грифон будет самым сильным зверем из всех.

Зачарованный, он подошел ближе, пробираясь сквозь младших грифонов. Связанные чарами Йельбруны, они позволили ему пройти беспрепятственно, мимо клыков, которые могли одним ударом пробить его череп, и когтей, способных вывалить кишки берсерка на снег. Чем ближе он подходил, тем более величественным казался голубоглазый грифон, и когда Вандар оказался на расстоянии вытянутой руки, он, наконец, отвернулся от Йельбруны, чтобы посмотреть на него.

Он протянул дрожащую руку, чтобы погладить перья на его шее. Йельбруна развернулась и провела палочкой по кончикам его пальцев. Поразительный всплеск боли заставил его отдернуть руку, и, возможно, взволнованный внезапным движением, грифон издал визг.

Вандар повернул на Йельбруна.

— Что случилось? — спросил он. — Зверь мой, не так ли? Для этого я здесь.

— Ты так думаешь, — сказала ведьма в самодельной маске. — Ты здесь, потому, что мне пригодилась сила твоей крови. Я пока не знаю, кто может претендовать на грифонов. Нам придется подождать, пока Трое заговорят.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пока он и его спутники летели с юга, Аот Фезим изучал заснеженный город впереди: набор крепких домиков с крутыми крышами—гребнями. В центре возвышался массивный замок из камня и железа, возвышавшийся над всеми остальными постройками и выглядевший гораздо более... ну, цивилизованным. Аот предположил, что на то была причина. Хотя Железные Лорды занимали эту грудку с тех пор, как они были военачальниками Рашемена, изначально это была крепость наров, и, возможно, архитектурный стиль все же больше напоминал о них, чем о ком—либо другом.

Было немного странно видеть Иммилмар, столицу Рашемена, да и вообще любую часть северных земель. Мысли об этом месте часто занимали его еще с юности. Простолюдины Тэя, такие как Аот, были потомками рашеми. Хотя он родился в семье бледных и долговязых аристократов—муланов, озорная судьба наделила его темной кожей и невысоким крепким телосложением представителя низших сословий. В результате в детстве он был объектом насмешек и инициатором драк, а Красные Волшебники так и не сочли нужным принять его в один из своих тайных орденов.

Позже, став боевым магов в легионе Тэя, Аот сражался с истинными рашеми на северной границе своей страны. Но до своего путешествия в Иммилмар он видел только южную окраину Рашемена — ни до Войны Зулкиров, ни за все последующие десятилетия.

— Ты все еще её не увидел, — сказал Джет, передавая свои мысли в голову Аоту. — Ты слишком занят своими воспоминаниями. Вытащи свою голову из задницы и посмотри туда, куда смотрю.

Учитывая, что у них была общая психическая связь, и что зверь в данный момент использовал глаза своего хозяина, это было несложно. Джет часто пользовался зрением Аота, потому что та же магическая буря, которая продлила ему жизнь, даровала зрение более острое, чем у грифона.

Аот разглядел рыбаков и людей, катавшихся на коньках по поверхности замерзшего озера Ашейн, хотя на таком расстоянии они были всего лишь крошечными точками. Более того, Аот смог увидеть, что корабль с широкими бортами, стоявший у воды, был не просто каноэ, плотом или фелюгой, а скорее трехмачтовым судном с парой странно выглядящих панелей по бокам корпуса. Ему было место в открытом море, а не во внутренних водах. Носовой фигурой корабля была рогатая демоница с обнаженной грудью, а на флаге на центральной мачте был изображен ухмыляющийся красный череп со скрещенными желтыми молниями под ним.

У Аота перехватило дыхание и он собрался выругаться, но Цера Иуртос спросила: — Что случилось?

Сидя позади Аота и обнимая его за талию, жрица почувствовала, как его тело шевельнулось.

— Этот корабль у озера — «Буря Возмездия». — Ответил он.

— Корабль наемников?

— Да, и по общему мнению Марио Без заработал весьма много, сражаясь на побережье Побережья Дракона.

— И ты думаешь, он тоже собирается купить грифонов?

— Да. «Буря Возмездия» — небесный корабль, поэтому выставление отряда всадников на летающих животных соответствовало бы его стилю ведения боя. Я не могу представить, что еще могло привести его сюда. Даже если бы рашеми нанимали наёмников, то зима неподходящее время для Марио.

— Ну, не беспокойся об этом. У тебя тоже был хороший год. Ты спас Чессенту от гибели, и Шала Каранок соответствующе наградила тебя. Я уверена, что ты сможешь перебить цену капитана Беза.

— Я надеюсь.

Ему нужны эти грифоны. Братство Грифона, его собственная компания наемников, пережила пару тяжелых лет. То, что мир в целом рассматривал как неудавшееся вторжение в Тэй, запятнало его репутацию и опустошило его ряды. Своего рода поражение в Импилтуре лишь усугубило общую картину.

Но, как сказал Цера, прошлым летом он и его товарищи изменили ситуацию в Чессенте и Трескеле. Они одержали несколько крупных побед. И, как следствие, к ним хлынули потоки рекрутов.

Но осталась одна проблема — они потеряли слишком много грифонов в битвах против Сзасса Тэма, Аласклербанбастоса и Чазара. Чтобы Братство продолжало практиковать свой собственный высокоэффективный стиль ведения войны, им нужно было получить новых ездовых животных. Итак, известие о том, что у Железного Лорда есть дюжины грифонов на продажу, заставило Аота поспешить на

север только с тремя спутниками: Джетом, Церой и Джесри Колдкрик, которая в настоящее время летела на гигантском ястребе, которого она создала из ветра. Большая группа передвигалась бы медленно, поэтому некоторые из лейтенантов Аота остались следить за зимними квартирами.

Аот полагал, что он не будет единственным потенциальным покупателем, спешащим в Иммилмар. На самом деле, он вообще не мог медлить. Распознав направление мыслей своего хозяина, Джет спикировал во двор за главными воротами цитадели.

Золотистые волосы Джесри развевались за ее спиной, когда она послала своего сотворенного ястреба в погоню за Джетом и его всадниками. Ее залатанный, испачканный боевой плащ и мантия мага развевались вокруг ее стройного тела.

Приземлившись, она прыгнула со своего скакуна, поблагодарила его на одном из языков Небесного Дома, царства воздушных элементарей, и позволила ему снова раствориться в чистом ветре. Перед тем, как уйти, ветер завывал и сдувал частицы снега из сгребенных куч на расчищенные участки двора.

Джесри была рада, что ее недавняя авария, если ее можно было так назвать, не лишила ее способности управлять другими элементами, кроме пламени. В какой—то степени она могла сдерживать жар внутри себя. Она могла носить одежду или сидеть на стуле, и она не могла загореться. Но если бы она очень долго ехала верхом на лошади из плоти и костей, контакт с ней причинил бы бедному животному боль и волдыри.

А это означало, что сама она больше никогда не полетит верхом на грифоне. Это огорчило ее, но это была единственная часть ее трансформации, о которой она сожалела. Сначала эта перемена была шоком, но в конце концов она принесла ей своего рода покой.

Однако Аот, похоже, не поверил этому. Хотя он этого не сказал, она знала, что он взял ее с собой отчасти потому, что подозревал, что она в отчаянии и нуждается в уходе — забота, которая в равной мере раздражала и трогала ее.

Во всяком случае, она была рада сбежать из Чессенты. В детстве она ненавидела это место, а с восстановлением законов Зеленой Руки, предназначенных для ограничения и маргинализации тех, у кого есть тайные таланты, она снова возненавидела его. Возможно, несмотря на свою варварскую репутацию, Рашемен окажется более подходящим по духу.

Однако при первом осмотре в этой конкретной крепости не было ничего радостного или гостеприимного. Он был сплошь из серого камня и черного железа — наверняка зачарованного для защиты от ржавчины — с длинными сосульками, свисающими с нижней стороны зубчатых стен. На другом конце двора часовые и слуги настороженно поглядывали на вновь прибывших.

Возможно, отчасти виновата внешность Аота, подумал Джесри. У него было телосложение и цвет лица рашеми, но его выбритая голова и татуировка, которая ползла по его шее и даже образовывала своего рода маску вокруг его светящихся голубых глаз, были типично тэйскими.

Пухлая и хорошенькая, со светлыми, взлохмаченными ветром кудрями, одетая в желтое одеяние, Сера одарила присутствующих щедрой, заискивающей улыбкой, которую Джесри никогда не смогла бы выдать в свой самый счастливый день.

— Благословение Хранителя на всех вас, — сказала жрица и взмахнула рукой по дуге, что наводило на мысль о прохождении ее божества по небесам. На мгновение послеполуденный солнечный свет стал ярче, и тепло прогнало зимний холод. Зрители—рашеми заметно расслабились.

— Мы мирные путешественники из Чессенты, — продолжила Сера. — Я Сера Эртос, солнечная леди Сулабакса. Мои друзья — Аот Фезим, капитан наемников; и Джерри Колдкрик, один из его главных помощников.

— И мы здесь, чтобы увидеть Железного Лорда, — сказал Аот, выгибая спину, чтобы размять затекшие от седла мышцы. Это действие заставило его кольчугу звякнуть. — Немедленно, если можно.

К удивлению Джесри, один из копеечников, стоявших по бокам от двери, ведущей внутрь замка, ухмыльнулся.

Аот тоже это заметил. — Я сказал что—то смешное? - спросил он.

— Простите, капитан, — ответил охранник. — Просто вы все так торопитесь, когда приезжаете, а потом... ну, не мне это объяснять. Скоро вы сами это узнаете. Пойдем со мной, и я посмотрю, что могу сделать для тебя.

— Спасибо, — сказал Аот. Он повернулся к Джету. «Облетайте вокруг и узнайте, где они держат грифонов. Посмотрите, сколько их на самом деле и в какой форме они находятся».

— Верно, — ответил Джет. С горящими алыми глазами на черноперой голове фамилляр повернулся, пробежал несколько шагов неровной походкой своего вида, взмахнул крыльями и прыгнул в воздух. Женщина с ведром в руке издала тихий крик, хотя Джет не прыгал в ее сторону и вообще никому не угрожал.

Аот оглянулся на солдата, который предложил провести их всех внутрь.

— Мы готовы. — сказал он.

* * * * *

Внутри замок был несколько менее защищенным, чем снаружи. Рашеми смягчили его суровые линии и пещерный мрак резьбой по дереву, фресками, в основном лишенными перспективы, и охотничьими трофеями. Не впечатленная Джесри стала искать выгравированные символы, алтарь или какую—нибудь другую реликвию древних наров, но смогла найти ни одного. Может быть, рашеми намеренно стерли все столь тревожные следы своих предков.

Если это было так, то только потому, что гости были похожи на чессентцев, опасавшихся магии. Пока часовой вел Джесри и ее спутников вглубь замка, периодически они встречали женщин в масках из жесткой лакированной ткани, кожи, дерева, глазурованной керамики, меди или серебра. По большей части дамы — знаменитые хатран, как предположила Джесри, — несли посохи, подобные её, жезлы, шары или другие орудия мистического искусства. Чаще всего они с холодным взглядом оценивающе смотрели на нее и Церу. Казалось, их меньше интересовал Аот, хотя он казался самым странным и, по крайней мере, таким же грозным заклинателем, как и любой из его товарищей.

После одной из таких встреч Цера толкнула боевого мага локтем под ребра.

— Видел? — прошептала она. — Я слышала об этом. Женщины здесь заправляют всем, а мужчины знают своё место. Мне следовало переехать сюда давным—давно.

Аот фыркнул.

— Я не думаю, что ты была счастлива там, где придется прикрывать свое красивое личико. — возразил он.

— Хм. Должна ли я воспринимать это как комплимент моей внешности или как критику моего тщеславия?

Слушая их шутки, Джесри представила себе кривую ухмылку Гаэдинна, и что—то сжалось в ее груди. Она подавляла чувства, которые пытались расцвести внутри нее, и сжимала их, пока от них ничего не осталось.

Вскоре она услышала голоса, эхом разносившиеся по коридору, и сталь, звенящую о сталь.

Джесри и ее спутники вошли в просторную комнату с высоким потолком, освещенную и согретую потрескивающими очагами с обеих сторон и заполненную разными людьми. Там были люди шу с миндалевидными глазами, одетые в развевающиеся шелковые одежды и вооруженные странно изогнутыми клинками и алебардами. Другие — темноволосые, краснокожие люди и стройные полуэльфы — носили атрибуты «Наездников Агларонда на грифонах», в том числе крылатые оловянные броши и болтающиеся ремни, которые пристегивались к их седлам. В отличие от единообразия других групп, наемники капитана Беза носили любую одежду, доспехи и оружие, подходящие им, но каждый из них, так или иначе, использовал жёлтый флаг их корабля как какой—нибудь элемент одежды. Коренастые рашеми казались плохо экипированными по сравнению с остальными — с нагрудниками из вываренной кожи, ног с множеством копий, топоров, боевых молотов и даже мечей.

Лязг исходил от двух парней, практикующих удары и парирования боевым клинком. Мечники, в действиях которых было больше бравады, чем здравого смысла, подумала Джесри. Застучали игральные кости, пустая бутылка врезалась в стену, кружок слушателей хохотал над концом анекдота или рассказа, а пара мужчин даже лежала на полу и храпела.

Джесри мало знал о Рашемене и еще меньше о Теске. Тем не менее, несмотря на выставленные экзотические доспехи, оружие и стили одежды, а также речь со странным акцентом, которая заполнила ее уши, сцена казалась достаточно знакомой, чтобы она чувствовала себя как дома. За годы работы наемником она часто наблюдала, как солдаты бездельничают, пытаясь отогнать скуку, пока ждут сражений, марша или каких—либо других заданий.

Судя по всему, некоторые из людей находились в этом замке достаточно давно, чтобы между группами установились дружеские отношения. Один из фехтовальщиков был шу, а другой — наемником. Другие наемники играли в азартные игры с наездниками на грифонах. Только рашеми, казалось, держались особняком, сердито глядя на гостей.

— Во имя Черного Пламени. — Сказал Аот с отвращением.

— Подождите здесь, — сказал провожатый. — Я спрошу Железного Лорда, примет ли он вас. — Он направился к двери в дальней стене, у которой стоял собственный довольно скучающий часовой.

— Фезим! — Раздался веселый бас. Джесри обернулась и увидела, как Марио Без поднимается из круга игроков в кости, сидящих на корточках на полу.

Без был крепким мужчиной средних лет, который был бы красив, если бы не горбатый нос. Его длинные седеющие волосы были собраны в хвост. Рапира и кинжал, висевшие у него на бедрах, отличались магическими знаками, вырезанными на наконечниках, на гарде и на лезвии. Джесри подозревала, что, как и копье Аота, они служили и мирским оружием, и средством концентрации магии.

— Рад тебя видеть, — сказал Без, подходя ближе. — Хотя грустно, что ты все еще такой же жадный, как и тогда, когда мы ссорились из-за добычи в Термише.

— В каком смысле? — спросил Аот.

— У тебя уже есть свои грифоны, а ты пришел забрать и это... стадо? Нет, наверное не так. Да ты еще и гордец — не довольствуешься обществом одной красавицы, и пришел с двумя. Дамы. — Он потянулся к руке Джесри, ухмыляясь. Хотел поклониться и поцеловать её, предположила она.

Она позволила огню внутри нее вырваться наружу и поджечь ее руку. Без отдернул пальцы.

— Извините, — сказала она, не утруждая себя попытками звучать так, как будто ей было не все равно. — Я просто не люблю, когда ко мне прикасаются.

— А я люблю. — промурлыкала Цера, протягивая свою руку, и, конечно же, наемник поцеловал ее, задержавшись на одно сердцебиение дольше, чем нужно. Она озорно ухмыльнулась Аоту над головой Марио, и он хмыкнул в ответ.

— Хорошо, — сказал Аот, как только Без выпрямился. — Поговорим о деле. Мне нужны новые грифоны, и мы с моими людьми знаем, как их дрессировать. У тебя есть небесный корабль, и я подозреваю, что ты не знаешь, как посадить на грифона седло или даже как ухаживать за ним или как ездить на нем.

— Я могу научиться, — ответил Без. — Не хотите ли вы с дамами немного огненного вина? Рашемен — это то место, откуда оно происходит, и единственная вещь, которую я усвоил во время своего пребывания здесь, это то, что местные жители приберегают лучшее из него для себя. — Он махнул в сторону стола с бутылками и чашками.

Аот взял открытую бутылку, наполнил оловянные кубки темно-красным вином и передал их Цере и Джесри.

— Но зачем браться за такое сложное предприятие? — спросил он, — Зачем опустошать свою казну, платя высокую цену, учитывая количество участников торгов? Что, если я заплачу тебе, чтобы ты забрался обратно на борт «Шторма» и улетел?

Наемник покачал головой.

— Извини, не могу, — сказал он. — Вы знаете, что я и моя команда состоим в одной из пяти рот Яулазны?

— Да. — ответил Аот. Яулазна была парящим островом, плавающим над Великим морем далеко на юге. Пять банд наемников, каждая из которых владела небесным кораблем, делили его в качестве базы для операций.

— Ну, — начал Без. — Мне кажется, что Пять рот могли бы улучшить свое состояние, объединившись в одну, под командованием самого способного капитана.

— И ты думаешь, — сказала Цера, — что отряд наездников на грифонах поможет доказать, что ты тот самый капитан.

Без улыбнулся.

— Я должен был ожидать, что Повелительница Солнца окажется столь же умной, сколь и красивой. — ответил он.

Забыв о чашке, Аот сделал глоток из горлышка бутылки, которую держал в руке.

— Хорошо, — сказал он. — Если я не могу подкупить тебя, чтобы ты ушел, как насчет кого—нибудь из этих других? Ты пытался?

— Нет, — ответил Без. — Потому что, как оказалось, все мы, кто так долго и упорно шли по зимнему холоду, чтобы добраться сюда, ошибались. Это дело — не просто торги.

— Тогда что? — спросил Аот.

— Это святое дело. — прорычал новый голос.

Удивленная Джесри напряглась и повернулась. Чувствительная к любому, кто приближается слишком близко, она обычно чувствовала, когда кто—то подходил к ней сзади, но в этой комнате было так шумно и многолюдно, что сейчас она упустила этот момент.

Голос принадлежал воину—рашеми, на полголовы выше многих своих товарищей, с квадратной сжатой челюстью и сверкающими карими глазами. На нем были какие—то разноцветные регалии, вышитые бисером, и на каждой их части был изображен грифон. На его нарукавных повязках бегали вздымающиеся процессии этих зверей, а один большой грифон был изображен на его жилете.

Джесри удивилась, почему он выглядел таким сердитым.

— Это Вандар Черлинка, — сказал Без. — В Рашемене можно встретить многих гостеприимных людей, но он не один из них.

Вандар нахмурился, услышав эту насмешку, и Джесри подумала, что знает, почему она попала в цель. Насколько она понимала, рашеми считали гостеприимство неприкосновенным качеством своего народа.

— А какова ваша история? — спросил Аот, обращаясь к вновь прибывшему.

Возможно, удивленный мягким, рассудительным тоном собеседника, Вандар моргнул. Но голос рашеми оставался таким же хриплым, как и прежде:

— Грифоны — это чудо Трех, — сказал он. — Никогда в истории они не разводились в таком количестве. Я руководил Приютом Грифонов и помогал спускать зверей с гор. Нет ничего яснее, чем то, что духи хотят, чтобы мои братья и я оседлали их для защиты Рашемена. Они, конечно же, не хотят, чтобы Железный Лорд обменял их у чужеземцев на простые монеты. Особенно для того, чтобы грязные тэйцы, поклоняющиеся Бэйну, повернулись против нас!

Аот фыркнул:

— Думаешь, я эмиссар Сзасса Тэма? И зачем бы мне тогда приезжать в место, где меня могут убить в любой момент? Это правда, я родился в Тэе, но я давно отказался от своей родины, и лич замучает и убьет меня, если я когда—нибудь попаду в его руки. Теперь, если духи должны решать, кому достанутся грифоны, как это произойдет?

— На самом деле это означает, — вмешался Без, — что это хатран решат, чье предложение принять. Железный Лорд всего лишь их посредник в этом вопросе. Ходят слухи, что они ждут знака.

— Я предполагаю, — сказал Аот Вандару, — что у вичларан есть собственное место силы где—то в городе.

Глаза рашеми сузились.

— Да. Зал ведьм.

— Тогда я не знаю, почему вы все слоняетесь здесь, когда вместо этого могли бы помочь себе, — сказал Аот. — Цера, Джес, выпейте, и двинемся туда.

Без рассмеялся.

— Они не станут обращать на тебя внимания. Наоборот – посчитают тебя грубым и неучтивым.

Аот ухмыльнулся.

— Может быть, на тебя они и не станут обращать внимания, — возразил он, — но я предусмотрительно привел в Иммилмар женщину—жрицу и волшебницу. Если понадобится, мы смастерим для них маски.

— Это может сработать. — сказала Джесри. Она хотела, чтобы с ее лица вырвался пламенный покров.

Вандар отшатнулся на полшага, прежде чем поймать на своём лице хмурый взгляд. Очевидно, вождь клыка не должен был показывать смятение. Веселый до этого момента Без сузил свои темные, несколько налитые кровью глаза, как будто вдруг поверил, что Аот вполне может преуспеть в приобретении грифонов.

Дверь в дальней стене распахнулась, и внутрь ворвалась дюжина мужчин, включая стражника, сопровождавшего Джесри и ее спутников в зал. Тот, что шел впереди, был таким же высоким и мускулистым, как Вандар, но старше, с каплей седины в короткостриженной бороде. На нём был железный обруч, тонкий кожаный камзол с замысловатым чеканным узором и сапоги из оленьей кожи со шнуровкой до колен.

Это почти наверняка был Манган Урук, Железный Лорд. Невысокий шу в длинном зеленом пальто с золотой отделкой и агларондский офицер направились прямо к нему. Не обращая внимания на них — и на Аота, Церу и даже Джесри с ее огненной маской — он направился прямо к Безу, который старался не выглядеть удивленным, как все остальные.

Без поклонился.

— Ваше Высочество... — Начал он.

— Твой корабль, — выстрелил Манган. — Как скоро он сможет взлететь?

— Как только я отдам приказ, — ответил Без. Джесри подозревала, что он преувеличивал. — Что—то не так?

— Да, — сказал военачальник. — Насколько не так еще предстоит увидеть. Воробей, принесший весть, умер, пока еще пытался что—то объяснить. Либо он напряг свое сердце, пытаясь добраться до нас, либо что—то отравило его.

Воробей, принесший весть, с удивлением подумала Джесри. Согласно рассказам путешественников, Рашемен якобы был полон говорящих животных не меньше, чем духов природы. Возможно, истории были правдой.

— Ну, — сказал Без, — не волнуйтесь. Скоро я приглашу вас туда, чтобы вы все увидели сами, — он повысил голос до крика. — Буря Возмездия! Вставайте, ленивые ублюдки! Мы нужны Его Высочеству!

Даже самые пьяные наемники поспешили к своему капитану. Агларондцы тоже поспешили зашевелиться по приказу полуэльфа со шрамом на лице, который, должно быть, был их командиром. Хотя Железный Лорд не просил их о транспорте, они явно собирались сопровождать Железного Лорда в надежде найти способ снискать его расположения. Не имея собственных средств полета, шу в зелено—золотом плаще умолял Беза, а затем и полуэльфа подвезти его. Оба проигнорировали мольбы.

Аот повернулся к Джесри.

— Сможешь ли ты заставить ветер унести всех нас троих, как ты сделал той ночью в Лутчеке?

— Конечно. — Ответила она нахмурившись.

— Хорошо, — сказал Аот. — Кажется, Без и агларондцы хотят быть полезными и снискать расположение Железного Лорда — и, как я полагаю, ведъм тоже. Мы должны лететь вместе с ними и внести свой вклад, — наёмники всех мастей уже хлынули из комнаты. — Ну давай же.

— Возьмите и меня! — сказал Вандар.

— Извини, — ответил Аот. — Было бы глупо с моей стороны помогать сопернику.

— Все вы, чужеземцы, хватаетесь за шанс служить, — крикнул Вандар. — Но в команде Беза много наемников, агларондцев тоже много, а вас всего трое. Как вы можете рассчитывать на достижение чего—то, что другие не могут сделать лучше, если у вас нет компаньона, который знает эту землю?

Аот заколебался.

— Нет способа заранее узнать, будет ли это иметь значения. — ответил воин—маг.

— Может, ты боишься, что один берсерк—рашеми затмит всех вас, «искушенных» южан? — продолжил Вандар.

Аот усмехнулся.

— Раз ты так выразился, то не думаю, — сказал он. — Ты когда—нибудь летал?

— Нет. — ответил Вандар.

— Тогда я просто должен взять тебя с собой. После этого тебе могут даже не понадобится грифоны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Джет не видел себе подобных с тех пор, как покинул Лутчек, и перспектива увидеть их радовала его. Хотя, надо отдать им должное, люди — неплохая компания. В самом деле, он делился с ними вещами, которыми никогда не мог поделиться со своими менее умными родичами. Но он также обладал нечеловеческими чувствами и амбициями, которые даже Аот с их психической связью мог понять лишь частично.

Выйдя из Иммилмара, Джет достаточно быстро обнаружил прайд грифонов на заснеженном поле к северу от города. Но он также нашел солдат, которые пасли зверей — их шатры и знамя Агларонда были водружены в промерзшую землю. Джет предположил, что симбархи отправили посланника и его эскорт, дабы попытаться купить диких грифонов, и эти люди оставили своих крылатых скакунов достаточно

далеко от города, чтобы избавить их от постоянного искушения перекусить лошадиным мясом.

Как обычно, кисло подумал Джет, Аот поставил их в ситуацию, которая оказалась более сложной, чем ожидалось. Он подумывал сообщить о своем открытии боевому магу, но потом решил, что Аот, вероятно, уже узнал эту плохую новость.

Поэтому Джет просто — и озорно — прокричал приветствие, пролетая над головами прайда. Грифоны внизу закричали в ответ и беспокойно встряхнули крыльями. Охранники сновали вокруг, успокаивая их и следя за тем, чтобы они не попытались улететь и присоединиться к своему собрату в небе.

Джет нашел диких, но заколдованных грифонов — тех, которых рашеми, по—видимому, намеревались продать — бродящих по белым склонам холмов на востоке и в небе над ними. Его глаза расширились от их количества. Удивительно, что их разводили или ловили в таком изобилии, и он почти не сомневался, что здесь замешано волшебство или прихоть какого—нибудь бога.

В любом случае, магия, безусловно, была ответственна за то, чтобы удерживать их там, где они находились. По мере того, как Джет подлетал ближе, его тело покалывало что—то вроде потрескивающей сырости в воздухе, а цвета то пестрели, то тускнели от мгновения к мгновению. Человеческая женщина в зеленом одеянии бесстрашно прогуливалась среди огромных зверей на земле. Она подняла свое лицо в маске, чтобы посмотреть на приближающегося Джета. Возможно, она хотела укрепить свои чары.

Джет подумал, не вернуться ли ему, чтобы заклинание не зацепило и его. Но он не чувствовал никакого принуждения, пытающегося проникнуть в его разум. И, кроме того, если магия действительно захватит его в плен, Аот обязательно освободит его. Поэтому он полетел дальше, чтобы рассмотреть выводок поближе.

Ведьма не пыталась его остановить, но один грифон издал хриплый вопль, взмахнул крыльями и вскочил с земли.

Благодаря благотворным чарам Аота, наполнявшими Джета с момента его зачатия, он отличался от любого обычного существа своего вида. Мало того, что он был умнее и мог говорить, он был больше и сильнее, с блестящими черными перьями и малиновыми глазами.

Джет впервые увидел такого необычного грифона, как он сам. Другой зверь был еще крупнее, с крыльями в золотую полоску и блестящими голубыми глазами вместо обычных желтых.

Поскольку рашеми недавно вырвали зверей из дикой природы, Джет сомневался, что заклинатель изменил существо. Скорее, магия самой этой странной северной земли, где разговаривали животные, а в каждом ручье, кусте и дереве предположительно обитал дух—хранитель, должна была сделать этого грифона высшим существом.

Высшим существом, которому не нравился Джет. Поднявшись на ту же высоту, золотой грифон снова закричал, и в его крике безошибочно угадывались ярость и вызов.

Джет понял почему. В дикой природе грифоны часто жили поодиночке, за исключением случаев спаривания или для воспитания детенышей. Но в районах, где дичи было много, они иногда образовывали прайды. И конечно, когда они служили

ездовыми животными для воздушной кавалерии, они были вынуждены жить группами.

В таких ситуациях обычно доминировал один грифон. И, очевидно, голубоглазое существо увидело в Джете потенциальную угрозу своему господству.

Джет обдумывал, как лучше ответить. Он все еще размышлял, когда Аот заговорил с ним.

— *Мы летим на восток от Иммилмара. Присоединяйся к нам.*

— *Оставайся в моей голове,* — сказал Джет, поворачиваясь. — *Направь меня к тебе.*

— Хорошо, — ответил Аот с оттенком юмора, — но я не думаю, что ты пропустишь нас. Тут настоящий парад.

Когда Джет закончил поворачиваться, голубоглазый грифон закричал, насмехаясь над проявлением страха. Другие звери издавали собственные хриплые, презрительные крики. Их крылья щелкнули, и они полетели за ним.

Волна ярости захлестнула Джета. Ему хотелось снова повернуться и доказать свою силу и отвагу, разорвав в клочья грифона с крыльями с золотыми прожилками. Он мог бы растерзать весь прайд, если бы это было необходимо.

Но это был порыв зверя. Джет был больше, чем просто зверь, и Аот нуждался в нем. Он помчался вперед. Не в силах покинуть пределы своей невидимой клетки, дикие грифоны вскоре прекратили погоню.

* * * * *

Цера привыкла к езде на Джете, но парить по небу, будучи поддерживаемой только «ветром», было тревожно. Ее тело продолжало напрягаться, и она была уверена, что вот—вот упадет.

Конечно, ее разум понимал происходящее лучше. Джесри, которая в какой—то момент погасила свою огненную маску, могла быть угрюмой и молчаливой спутницей — особенно в последние недели — но она по—прежнему оставалась верным другом и истинным адептом стихийной магии. Она не собиралась никого бросать.

Цера попыталась отвлечься, оглядываясь по сторонам. Аот хмурился, хотя, вероятно, не потому, что боялся падения. В его татуировке была заключена магия, которая обеспечила бы ему мягкое падение. Просто ему не нравилось быть пассажиром.

Вышитый бисером жилет Вандара развеивался и слабо позвякивал на ветру. У него был натуженный взгляд, который говорил о том, что он боится, но старается не показывать этого. А может быть он просто не хотел вздрагивать и стучать зубами на морозе. По разным причинам трое его товарищей были либо невосприимчивы к зимнему холоду, либо, по крайней мере, могли сопротивляться морозу, но у берсерка такого преимущества не было. Цера пробормотала молитву Хранителю, чтобы тот согрел его.

Впереди неслась «Буря Возмездия» — складные конструкции из парусины и дерева теперь выступали из боковых сторон ее корпуса и развивались на ветру. Небесный корабль скрипел и стонал, как обычное судно в море, и члены экипажа

ловко, как белки, карабкались по снастям. Манган Урук смотрел вперед с носа, рядом с ним стоял Марио Без.

Повсюду, справа и слева, вверху и внизу, двадцать или около того агларондцев подгоняли своих грифонов вперед криками и легкими ударами наконечников копий.

На фоне Желтого Солнца все это превратилось в великолепное зрелище. Цера любила Аота не только потому, что ее общение с ним приводило ее к чудесам и волнениям, которые она, будучи жрицей в тихом рыночном городке, никогда не могла себе представить. Ей нравилось и то, что подчас эти чудеса оборачивались смертельной опасностью.

Могла ли она отказаться от мирной жизни? Отдать её? Она не хотела этого, но из—за роли, которую она сыграла в уничтожении Чазара и изгнании Хранителей Змей, ее братья по вере вполне могли попытаться провозгласить ее Солнечной Леди всей Чессенты. Эта честь привяжет ее к королевству на всю оставшуюся жизнь, а день, когда Аот и Братство Грифона уйдут, должен был наступить.

И если ей предложили должность бедного Даэлрика Апатоса, что это могло быть, если не воля Амаунатора? А в таком случае, как она могла оправдать отказ от плана Бога для нее?

Цера согласилась сопровождать Аота в Рашемен отчасти потому, что надеялась, что это путешествие каким—то образом поможет ей ясно увидеть свой путь. А если нет, то, по крайней мере, это был еще один шанс побыть с ним, оставить воспоминания, которыми она могла бы дорожить в предстоящие годы одиночества.

— Там! — сказал Аот, вырвав ее из задумчивости. Он указал копьем.

К югу стояла заснеженная роща дубов и сосен, видневшаяся вдалеке темной массой, словно обособленный кусок великого Ясеневого леса. Пара хижин стояла среди деревьев, и это почти все детали, которые Цера могла разобрать. Однако она предположила, что Аот заметил признаки неприятностей, и именно поэтому он был уверен, что это и есть их цель.

Джесри произносил слова на языке, который Цера приняла за язык ветра, и они пролетели над рощей, чтобы рассмотреть угрозу поближе. Пикирование было еще больше похоже на падение, что вызвало у Церы мгновенный укол страха — вероятно потому, что она была слишком занята высматриванием реальной опасности.

Хотя она ничего не увидела, она заметила трех ведьм и огромную лису, неподвижно растянувшихся на расчищенной площадке перед хижинами. Одна из женщин была одета в белую мантию и маску с единственным рогом, торчащим из лба. Очевидно, она присягнула богине Милики, Лесной Королеве. Другая была в коричневом и зеленом, и с обручем маленьких красных розовых бутонов, которые, должно быть, расцвели для нее посреди зимы, чтобы увенчать ее как хатран Чонтии, Матери—Земли. Последняя ведьма была одета в черное и серебряное и, вероятно, была жрицей Селунэ, Лунной Девы.

Цера сначала подумала, что лиса была одним из нападавших, но увидела, что она смотрит в сторону от ведьм. В таком случае казалось более вероятным, что животное пострадало, пытаясь защитить их.

Цера посмотрела на Джесри.

— Пожалуйста, отведите меня туда, — сказала она. — Может быть, кто—то еще жив.

— К сожалению, нет, — сказал Аот.

По команде Джесри ветер позволил им резко упасть, замедлив спуск в последний момент. Сапоги Церы слегка коснулись снега, и она смогла увидеть то, что Аот увидел с высоты. Тела перед ней были иссохшими и искривленными и уже воняли гнилью, несмотря на холод. Она вздохнула от жалости и разочарования.

Когда она подняла глаза от трупов, Аот, Джесри и Вандар осматривались вокруг, держа оружие наизготовку. Их приоритетом был поиск скрытых врагов, а не изучение тел. В этом, размышляла Цера, и заключалась разница настоящими воинами и теми, кто в глубине души — сколько бы отчаянных подвигов она ни пережила — всегда будет клириком и целителем.

С хриплыми криками и шелестом крыльев спустились грифоны и их хозяева — агларондцы. Менее маневренная в полете, с частично сложенными парусиновыми крыльями все еще маневрировала постепенно опускаясь «Буря Возмездия».

Полуэльф со старым белым шрамом на щеке и слегка подергивающимся уголком рта уставился на Аота.

— Вы все, отойдите оттуда. — сказал он.

— Нет, — ответил Аот. — Не по твоему приказу. Это не Агларонд, и здесь у вас нет полномочий. Если кто-то и имеет их здесь, то это вождь клыка — по крайней мере, до тех пор, пока не приземлится Манган Урук.

Вандар выпрямился.

— Да, — сказал он. — И я говорю, что мы должны выяснить, кто совершил это безобразие, а не ссориться между собой.

— Ладно, — отрезал полуэльф. Он повернулся к своим людям. — Мы пройдем в лес. Посмотрим, что сможем найти.

Когда наездники на грифонах двинулись дальше, а их звери пошли рядом с ними, словно верные гончие, Аот кивнул Вандару.

— Спасибо, что поддержали меня. — сказал он.

Берсерк пожал плечами.

— Мы договорились, что пока будем помогать друг другу, — ответил он. — Я так понимаю, Фолькер Дульсаэр тебя не любит.

— Это его имя? — спросил Аот. — Однажды я разорвал контракт с Агларондом и вместо этого сражался на стороне его врага. Думаю, он этого не забыл.

— И тебе не стыдно в этом признаться? — усмехнувшись, спросил Вандар.

— Ты ничего об этом не знаешь, — ответил Аот. — И вообще, это не имеет никакого отношения к тому, что произошло здесь. Давай попробуем разобраться в произошедшем. Расскажи мне об этом дереве.

Аот указал своим копьем на соседнее дерево.

Это был высокий старый дуб, и Цера вздрогнула, увидев его нынешнее состояние. Кора отслаивалась, а заболонь покрылась пятнами черной слизистой гнили. Голые ветки искривились в неестественных формах, напомнившие ей изгибы тел мертвых хатран.

Вандар нахмурился.

— Вот почему это место было священным, — сказал он. — Причина, по которой ведьмы жили здесь. В дереве жил мудрый старый дух. Если дуб был убит — что, судя

по всему, и случилось — погиб и телтор.- Он протянул руку и коснулся своего сердца, что Цера восприняла как знак почтения.

— Значит, смысл всего этого был в осквернении. — сказала она. Эта мысль заставила мышцы ее шеи напрячься от гнева.

— Осквернения и грабежа, — сказал Аот. — Сомневаюсь, что все три женщины умерли без палочки или посоха в руках. Да и хижины разграблены.

— Чего я не вижу, — сказал Вандар, — так это явных следов кого бы то ни было, кроме хатран и лисы.

— Я тоже это заметил, — сказал Аот. — Есть заклинания, стирающие человеческие следы, но через какое—то время их сила иссякает. Значит, агларондцы думают в верном направлении. Если мы сдвинемся с этого места, может быть, мы сможем найти след. Цера, останься со мной.

Она фыркнула.

— Я думаю, что доказала, что могу позаботиться о себе.

— Ну, ты оставила свою булаву и щит на седле Джета, — сказал Аот. — Я понимаю, что у тебя все еще есть твоя магия, но все равно держись за меня.

— Да, капитан. — ответила она улыбаясь.

Сначала они не нашли ничего, кроме мертвой, гниющей совы, возможно убитой случайной атакой того врага, который убил хатран, лису и священное дерево. Но тут Аот увидел темное пятно среди сплетения корней, за которым виднелся заснеженный бугор.

— Дыра, — сказал он. — А бугор за ней — какой—то старый памятник. Видишь, где каменная кладка проступает сквозь заросли и снег?

— Нет, — сказала Цера, — но я уверена, что она есть. Что—то вылезло из дыры или заползло в нее?

— Этого я не могу сказать. Есть ли шанс, что я смогу убедить тебя остаться здесь?

Она прошептала молитву и провела рукой по дуге. Золотое сияние пробежало по ее желтой перчатке. Теперь если она войдет в темноту, её кожа засияет от поглощённого солнечного света.

— Тогда держись поближе. — сказал Аот. Он опустил на живот и прополз сквозь корни.

Спустя какое—то время его голос позвал её:

— Я нашел лестницу. — крикнул он.

Когда Цера проползла сквозь корни, она увидела крутые узкие ступени, спускающиеся во тьму за пределы досягаемости ее магического свечения. Куски камня и грязи усеивали верхние ступеньки. Она предположила, что когда—то вершину лестницы покрывала плита, возможно, присыпанная землей, скрывающей её. Но что—то — возможно, просто времени или медленное упорство растущих корней — сломало её.

— Готова? — спросил Аот, понизив голос.

— После тебя. — ответила она.

Удерживая копьё поднятым, он направился вниз. Она последовала за ним.

Ступеньки привели их туда, где один каменный проход изгибался вправо, другой изгибался влево, а третий тянулся прямо вперед. Стену усеивали ряды квадратных плит, каждая из которых была украшена иероглифами, которые Цера не могла

прочесть. Но кое—где таких табличек не было, только пустые отверстия, за которыми были пустые отверстия, заросшие грибами.

— Это склеп. — сказала Цера.

— Думаю, да, — сказал Аот. — Старый, то ли Нар, то ли Роматари, то ли чей—то другой, я не знаю. Остерегайся стражей и ловушек.

Да, но, как оказалось, ей не стоило беспокоиться. Если у мертвых когда—либо и был страж, то он давно покинул свой пост или рассыпался в прах. Точно так же и механизмы – если они и должны были сбросить грабителя в яму или пронзить его лезвиями, то ныне безнадежно заржавели.

Склеп оказался круговым, с двумя боковыми проходами, пересекающимися в центре, как спицы колеса. В этом центре на пьедестале стоял саркофаг с изображением спящего человека в чешуйчатых доспехах и странной зазубренной короной.

Аот осмотрел его, затем пожал плечами.

— Если его недавно открывали, то я не могу сказать это с уверенностью.

— Так что у нас есть? — спросил Цера. — Хоть что—нибудь?

— Насколько я вижу, ничего, — ответил он. — Здесь ничего нет, и нет выхода, кроме того, через который мы вошли. Также стоит полагать, что ведьмы знали о склепе и не беспокоились о нём. Так что, по всем признакам, он не имел никакого отношения к нападению.

— Тогда давай вернемся и посмотрим, не нашел ли кто—нибудь еще что—нибудь. — сказала она.

— Хорошая идея. — Ответил он, направляясь к проходу, ведущему обратно к лестнице. Внезапно он развернулся.

Ее сердце забилося быстрее, и она посмотрела туда, куда он смотрел.

— Что? — Спросила она.

Он указал копьем.

— Там.

Над аркой были вырезаны три небольшие вертикальные канавки, которые вели в один из других прямых коридоров. Обрадовавшись, что Аот не заметил призрака или что—то подобное, Цера выдохнула и спросила:

— А что с ними?

Он покачал головой.

— Не знаю. Но все остальные фрагменты резьбы, которые мы видели, были либо на плите, либо на саркофаге. Это единственные следы на ровном участке стены.

— Это забавно, — сказала она. — Но ты же сам сказал, что мы даже не знаем, кто построил эту гробницу. А еще мы не знаем, каковы были их традиции. И мы исследовали этот проход так же, как и другие. Ничего особенного в нём не было.

— Совершенно верно, — ответил он. — Давай выбираться отсюда.

К тому времени, когда они выползли обратно на зимнее солнце, «Буря Возмездия» приземлилась, и Манган и Без стояли у хижин и мертвых хатран, совещаясь с Дульсаэр, Джесри и Вандаром. Снег хрустел под ботинками, и Аот отряхнул грудь и двинулся к остальным. Цера поспешила за ним.

— Разве вы, волшебники, не можете указать путь? — прорычал Железный Лорд.

Джесри перехватила свой новый посох, отрезок меди, украшенный рунами и восьмиугольный в поперечном сечении.

— Я могу попробовать, — сказала она, — но это займет у меня некоторое время, и никаких результатов я не обещаю. Такая магия не моя специальность.

— И ни моя, — ответил Без, — ни мага на борту моего корабля. Мы боевые волшебники, а не прорицатели.

— Если колдовство бесполезно, — сказал Дульсаэр, стягивая крылья своего кожаного плаща на флисовой подкладке, чтобы не замерзнуть, — тогда давайте попробуем подумать. Противник, вероятно, атаковал ночью. Но сейчас не ночь, и на их месте было бы безрассудством бродить по открытой местности при дневном свете. Где они могли спрятаться?

Манган нахмурился.

— Ясневый лес — самое очевидное место, — сказал он. — Это недалеко, и, среди прочего, это пристанище троллей и эттеркапов.

— Насколько я понимаю, — сказал полуэльф, — он также достаточно плотный, чтобы группа воинов могла надеяться спрятаться там. Возможно, это тэйские мародеры.

Он взглянул в сторону Аота.

— Интересная мысль, — ответил Аот. — А ты придумал, как такие рейдеры будут оставаться незамеченными, маршируя за сотни миль к северу от Ущелья Гауроса?

Дульсаэр нахмурился.

— Я допускаю, что тэйский военный отряд — это лишь одна из возможностей, — сказал он. — Моя точка зрения такова: мои люди и я можем искать врага с воздуха. Тот факт, что ветки сбросили листья, должен значительно помочь, — он повернулся к Мангану. — Мы найдем убийц, Ваше Высочество, и накажем их, как они того заслуживают.

Без кивнул.

— Естественно, Буря тоже будет участвовать.

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказал агларондец, — что один небесный корабль не может прочесать землю так, как это могут сделать двадцать наездников на грифонах.

— Возможно, — сказал наемник, улыбаясь, — но, по крайней мере, я знаю, что могу рассчитывать на то, что вы, агларондцы, вызовете меня для настоящего боя. Я имею в виду, учитывая, что Его Высочество едет на борту моего корабля. Вы наверняка не планируете нападать на врага, не сообщив ему об этом.

— Конечно нет. — отрезал Дульсаэр.

— Давайте уходить, — сказал Манган, и в следующий момент Дульсаэр и Без оба выкрикивали команды. Другие агларондцы вели своих визжащих грифонов туда, где просветы в ветвях над головой могли облегчить взлет. Несколько наемников бросились собирать тела хатран и лисы. Остальные поспешили к своему кораблю.

Вандар повернулся к Аоту и Джесри.

— Чего ты ждешь? — спросил он. — Позови другой ветер.

Аот покачал головой.

— Нет необходимости, — сказал он. — Мы не пойдем.

Вандар уставился на него.

— Почему нет?

— Это как—то связано с гробницей? — спросила Цера. — Отметимины?

— Возможно да, — сказал Аот. В этот момент облако закрыло собой солнце, и во внезапном сумраке его светящиеся голубые глаза, казалось, вспыхнули ярче. — Возможно нет. Но у меня есть предчувствие. Все удивляются, как убийцы ушли, не оставив следа. Но что, если следа нет, потому что они так и не ушли?

— И мы пропустили их? — спросила Джерри. — Это возможно с твоим истинным зрением?

— Даже я вижу не все, — сказал Аот. — В любом случае, спросите себя, какой смысл осквернять место силы?

— Может быть, просто для того, чтобы испортить его людям, которых ты ненавидишь, — сказала Цера. — Но иногда, чтобы испортить силу для использования в более темной форме магии.

— Именно, — кивнул Аот. — Так что, быть может, после того, как Манган и остальные уйдут, а солнце сядет, убийцы выйдут из своих укрытий — или прокрадутся обратно в рощу, если они действительно где—то спрятались. А мы их встретим.

Вандар нахмурился.

— Нет, — сказал он. — Для меня всё это звучит как догадка. Я пойду с остальными.

— Можешь попросить тебя подвезти, — сказал Аот, — но я сомневаюсь, что тебе повезет больше, чем шу. И даже если кто—то сжалится над тобой, и даже если другие действительно обнаружат врага, как ты покажешь своё мастерство, пока агларондцы стреляют из луков, а люди Беза швыряют вспышки пламени и молнии? А если останешься здесь, то сможешь доказать, чего ты стоишь

Злясь, Вандар задумался. В конце концов, он сказал:

— Я останусь. Но тебе же лучше, если ты окажешься прав.

Огромная черная фигура рухнула с высоты. Цера подскочила, и Вандар закинул копье через плечо для броска.

— Что я пропустил? — прохрипел Джет.

* * * * *

Летя над рощей, Аот почувствовал холодок. Прикосновением и мыслью он пробудил магию одной из своих татуировок, но результатом была лишь слабая, мимолетная волна тепла. Он слишком часто вызывал чары. Его сила восстановится, но она понадобится вечером.

— Вы, люди, такие чувствительные, — сказал Джет. Он развернулся для еще одного захода, и его черные перья отразили блеск серебристого света Селунэ. Это напомнило Аоту о слуге Лунной Девы, лежащей скрюченной и гниющей в ее черной серебристой мантии, и он почувствовал укол гнева.

Воин полагал, что это было глупо, если не откровенно непрофессионально. В конце концов, он даже никогда не встречал эту женщину, и во всем Фаэруне нет людей, которые видели больше трупов, чем он. Но сейчас его беспокоила мысль о жрице, убитой магией. Чати так и умерла.

Он все еще время от времени скучал по ней, даже спустя сто лет. Он задавался вопросом — не будет ли он скоро скучать и по Цере, как только другие Повелительницы и Повелители Солнца решат возвысить ее, как она того заслуживает. Они собирались выбрать преемника Даэдрика в Гринграссе, так что...

Движение среди деревьев внизу отвлекло его от размышлений.

Темнота для него была почти тем же, что и свет, а расстояние было гораздо меньшей помехой, чем для других людей. Тем не менее, сверху сквозь перекрещенные ветки он смог разглядеть только вершины капюшонов, но в течение нескольких ударов сердца стали проявляться детали.

Покачиваясь и шагая в унисон, словно под музыку, которую могли слышать только они, шеренга женщин в мантиях петляла к хижинам и увядшему дереву. Учитывая их местонахождение, можно было предположить, что они выползли из древней гробницы. Аота эта возможность озадачила, но не так, как тот факт, что они были в масках.

Во имя глубочайшего Ада, что? — подумал он думал. Существует ли такая вещь, как хатран вне закона? Отступницы хатран?

— *Без сомнения,* — сказал Джет. — *Разве ты плохо знаешь людей?*

Среди женщин в масках рыскали волки и смутные, плавные формы, похожие на тени волков. Аот нахмурился. Фантомы напомнили ему существ, с которыми он сражался во время Войны Зулкиров — сама тьма, обретшая форму и насмехавшаяся над жизнью с помощью некромантии.

Он напрягся, когда процессия приблизилась к месту назначения. Мелким недостатком нечеловечески острого зрения было то, что иногда трудно было судить, насколько хорошо кому—то удалось спрятаться. Несмотря на то, что Джесри, Цера и Вандар прятались за укрытием и едва не зарылись в снег, Аот отлично их видел. Он вздохнул с облегчением, когда никто из врагов не обратил на них никакого внимания. Ведьмы, казалось, понятия не имели, что поляна была окружена.

Тем не менее, они поставили часовых, хотя и бессистемно. Волки, телесные и фантомные, рыскали, обнюхивали и всматривались в деревья. Ведьмы — всего Аот насчитал тринадцать — выстроились полукругом перед увядшим дубом и начали стонать заклинание.

Аот нахмурился, потому что мрачный вой был приглушенным и далеким. Он прислушался, но даже тогда сомневался, что вообще что—то слышит, за исключением, может быть, отголосков безумия, эхом отдающихся в его голове. Воздух стал холоднее.

— *Они занимаются некромантией.* — заключил Аот — *Или они сами нежить.*

— *Или и то, и другое.* — ответил Джет.

Некоторое время женщины в масках только стонали. Затем они начали делать манящие движения к дереву, сгибая рассмотренные теперь Аотом серые сморщенные пальцы. Пятна гнили бурлили и пузырились, и весь дуб корчился. Со ствола отвалилась кора, с ветвей посыпались ветки.

Внезапно с дерева прыгнула фигура, словно пьяница, спотыкающийся о дорожную колею.

Существо было в два раза выше любой из хатран—нежити — поскольку Аот был практически уверен, что это именно они — и, по—видимому, состояло из пятна

зеленоватого свечения. Или было им по большей части. Как у дуба были очаги гниения, разъедавшие его, так и у нематериального гиганта были кусочки и пятна тьмы, портившие его очертания.

Великан махнул рукой на ведьм, но удар безвредно прошел над их головами. Единственным эффектом было то, что «мудрый старый дух» Вандара — а ведь он был, конечно, не убит, а ранен и искалечен — потерял равновесие и бесшумно упал на колени. Пара волков из плоти и крови зарычала, воя от его беспомощности и унижения. Это проявление жестокого веселья заставило Аота рассмотреть возможность того, что звери на самом деле были оборотнями.

Одна из ведьм заставила их замолчать щелчком пальцев, прежде чем она и ее сестры возобновили свои стоны. Пятна тени на теле гиганта расширились, посылая чернильные щупальца сквозь свечение, после чего дух опустил голову и вздрогнул.

Аот задумался, как долго ведьмы будут продолжать. Он и его товарищи многое узнали, наблюдая за происходящим. Тем не менее, они не могли позволить духу дуба быть убитым, поработленным или опороченным.

Он все еще обдумывал этот вопрос, когда Вандар издал боевой клич, который был точной имитацией визга грифона, вырвался из—под сосны, где он прятался, и бросился в атаку. Он снял свои регалии из бисера, возможно, чтобы не повредить и не испачкать их кровью.

Вздрогнув, ведьмы и их четвероногие слуги на мгновение замерли. Это дало берсерку, который в тот момент погрузился в ярость, шанс нанести удар по голове одного из материальных волков. Зверь упал, но снова вскочил на ноги — его сопротивление обычной стали подтвердило подозрения Аота.

— Идиот! — сказал Джет с рычанием.

Аот согласился. Он не слишком беспокоился о превосходстве ведьм—нежити или их предположительно мощной магии, потому что рассчитывал, что он и его союзники предпримут скоординированную внезапную атаку. Но теперь не получится.

Конечно, подумал Аот, некоторые люди могли бы сказать, что последствия безрассудства Вандара не так уж плохи, потому что Вандар на самом деле не был его товарищем. Он был конкурентом, и миссия Аота была бы намного проще, если бы рашеми не пережил последствия его безрассудства. Но даже когда эта мысль мелькнула в его голове, он уже целился копьем в ведьм, а Джет, угадывая его истинное намерение, нырнул вниз.

Аот произнес командное слово, и стрелы голубого света полетели из наконечника его оружия в тело раненого оборотня. Оборотень рухнул, но уже не вскочил обратно как после атаки Вандара.

Притаившись за сосной, Джесри сделала резкий взмах посохом. Медь засветилась, как и ее золотые глаза, а вечнозеленые ветви, касавшиеся металла, обуглились. Пламя вырвалось из острия магического оружия, уничтожив одного из тeneвых волков, а затем перепрыгнуло на оборотня.

Цера выпрямилась и вышла на открытое пространство. Размахивая своей позолоченной булавой над головой, она кричала:

— Ваше время прошло!

Свет вспыхнул вокруг нее, как будто посреди ночи под её ногами рассвел солнце. Призрачный волк, бросившийся на Вандара сбоку, испарился, а несколько ведьм отшатнулись.

Но одна из нежити не дрогнула: ведьма, которая почти завершила заклинание. Взглянув в сторону Вандара, она повысила голос на последних слогах заклинания, попутно размахивая шаром из черного кристалла над головой.

Джет выровнялся после пикирования и рванул к ней. Его когти вонзились в ее тело, сорвали ее с ног и протащили по поляне. В процессе полёта его когти разорвали ведьму на части.

Рефлекторно встревожившись, Аот увидел, что Джету не хватает места, чтобы снова подняться в небо. Чистого пространства было недостаточно, а зверь мчался слишком быстро.

— *Расслабься.* — сказал Джет. Он сложил крылья и вместе со своим хозяином рухнул на землю всего в паре шагов от дерева, с которым собирался столкнуться.

Грифон развернулся, готовясь встретиться с врагами, спешащим в атаку. Призрачный волк прыгнул, но Джет встретил его щелчком клюва.

К сожалению, призрачная природа теневого зверя защитила его. Он пронзил клюв грифона и вонзил клыки ему в грудь. Благодаря их психической связи Аот ощутил резкую вспышку ледяной боли.

Но он не мог позволить себе обратить на это внимание. Ему пришлось доверить грифону вести ближний бой, пока он сражался с ведьмами, готовившими свои заклинания в отдалении.

Их было трое. На той, что слева, была коричневая мантия и деревянная маска, сквозь которую смотрели ее молочные глаза. Она указывала на него кинжалом. Ведьма посередине носила черный плащ и капюшон, обшитый слоем свисающих костей. Ее маской было ухмыляющееся лицо черепа, которая, очевидно, была сделана настоящего из черепа. В отличие от других, третья ведьма откинула плащ, и перед воином предстала худощавая фигура, одетая только в стальную маску и рваную, с пятнами плесени сорочку. Замысловатая татуировка ползла по каждому дюйму ее обнаженной серой кожи.

Все трое уже пели и произносили свои тайные фразы, совершая мистические пассы. Аот выстрелил еще одним из тех заклинаний, что хранились внутри его копья.

Вспыхнула завеса из летящих рубящих клинков и полетела к троице. Ведьма с молочно—белыми глазами и та, что покрыта костями, пошатнулись от действия заклинания. Левая рука первой бессильно повисла, почти отрубленная, но татуированная хатран прыгнула, как кошка, прежде чем лезвие коснулось ее. Она прорычала последнее слово заклинания и сжала кулак.

Облако клубящегося пара возникло вокруг Аота. Его глаза горели, заливаясь ослепляющими слезами. Тот же самый огонь обжег его от ноздрей и губ до самой груди. Он кашлял и задыхался, не в силах отдышаться.

Ударив кулаком по своей кольчуге, Аот активировал одну из татуировок, что защищала его от яда. Жжение утихло, но он все еще чувствовал эхо страданий Джета.

Грифон расправил крылья, хлестнул ими и прыгнул, унося их прочь от облака. Встряхнувшись, он вырвался и сплюнул.

— Ты в порядке? — спросил Аот.

— В полном! — рыча, ответил грифон — Только не позволяй им сделать это снова!

Аот мог сказать, что грифон не в порядке. Он сам едва мог дышать и почти не видел. Но Джет был прав – они должны были продолжить битву.

Моргая, Аот огляделся в поисках троицы нежити—хатран. Остаточное облако яда и ослепляющих вспышек — Джесри и Цера сражались с собственными врагами с помощью заклинаний огня и солнечного света — затрудняли их поиски. Первым, что бросилось ему в глаза, был труп, лежащий в облаке тумана, медленно превращающийся из волка обратно в человека, в то время как пара волчьих теней устремилась из пара вслед за Джетом. Вандар, обагрённый кровью как минимум из двух ран, взмахнул мечом и перерезал одной хатран шею.

Наконец, Аот обнаружил своих врагов в этом мерцающем хаосе. Он поднял свое копьё и выпалил заклинание. Порыв ветра отшвырнул ведьму с почти отрубленной рукой назад в летящие клинки, продолжавшие рубить воздух в том месте, где он их оставил. Когда магия разорвала её на куски, раздался быстрый влажный звук

Один готов! Но в то же мгновение хатран в мантии из костей протянула иссохшую руку, и из кончиков ее зазубренных ногтей вырвалась рваная вспышка тьмы.

Аот призвал защитную силу другой татуировки. Он не думал, что есть что—то еще, что он мог бы сделать. И хотя Джет все еще был полуслепым, инстинктивно защищаясь от теневых волков, которые продолжали бросаться на него, грифон, тем не менее, почувствовал угрозу от ведьмы. Еще одним мощным прыжком и взмахом крыльев он перепрыгнул через волну магии, которая мгновение спустя расколола фасад хижины, словно срезанный бритвой. Джет же приземлился прямо перед существом, которое попыталось его атаковать.

Ведьма размахивала своим плащом. Кости вырвались из него и врезались в Аота, как камни из пращи. Крича от боли, он зарядил свое копьё разрушительной силой и ударил.

Наконечник оружия вспыхнул синим, когда оно вошло глубоко в грудь ведьмы. С оглушительным грохотом сила вырвалась из точки проникновения и разорвала ее тело в клочья.

Джет развернулся, чтобы снова столкнуться с теневыми волками. При этом Аот увидел Церу, испускающую луч света из сферического наконечника своей булавы. Тем временем вторая булава — казалось бы, сделанная из сияния и управляемая невидимой рукой — ударила оборотня и оттолкнула его от нее. Джесри, стоя прямо и высоко, окутала себя голубым и желтым пламенем с головы до ног и вступила в бой с ведьмами—нежитью в дуэли заклинаний.

Аот обнаружил последнего своего противника как раз в тот момент, когда татуированные линии отскочили от ее тела, превратившись в летящий клубок. Передний край заклинания хлестнул его, как хлыст, прежде чем опуститься на него, как проволоочная сеть.

Пряди скользнули вокруг него и начали затягиваться. Он прорычал слова силы и, напрягая сетку, попытался провести рукой в необходимом для заклинания жесте. Нежить подняла руки вверх — ее гниющая кожа свисала лохмотьями — освобождая татуировки, которые чуть не содрали с нее кожу. Когда она опустила руки, они превратились в большие руки тролля с зеленоватой шкурой и длинными когтями.

Хатран вскрикнула и перепрыгнула через голову Джета. Но в этот момент Аот завершил свое контрзаклинание. Магическая сетка исчезла.

Он быстро взмахнул копьем и пронзил ведьму. Он послал силу через оружие и разорвал ее на части.

Воин на мгновение ощутил дикое удовлетворение. Но это чувство сменилось тревогой, когда Джет рухнул под ним, и чувство холодной, цепящей слабости нахлынуло на их психическую связь.

Аоту пришлось слезть с седла, чтобы не оказаться зажатым под телом грифона. Он мыслью заставил ремни, удерживающие его, растянуться, высвободился и рухнул на снег.

Тут же над ним нависла хатран в клыкастой, косоглазой маске, но Вандар бросился на нее и отвлек. Аот вскочил на ноги и, разъяренный тем, что нежить сделала с Джетом, направил свое копье на теневых волков, которые все еще терзали грифона.

Звери повернулись к Аоту и бросились в атаку. Он наполнил наконечник своего копья сверкающей, потрескивающей молнией и встретил, испепелив дотла первое существо.

Другой монстр бросился к нему и попытался сомкнуть клыки на его руке. Но хотя простые стальные звенья не защитили плоть от клыков, это сделали чары, заключенные в металле. Аот уронил копье, прорычал слово силы, сосредоточив жгучую силу в своём кулаке, и ударил им по голове призрачного существа. Существо превратилось в ничто.

Аот автоматически развернулся, убедившись, что новый враг не приближается к нему, чтобы напасть на него, затем коснулся разума Джета своим собственным. Зверь был жив, но был без сознания и нуждался в срочной помощи.

Цера могла обеспечить его, но она, Джесри и Вандар все еще сражались. Аот повернулся и начал зачитывать заклинание одно за другим, метая молнии и огонь в ведьм, оборотней и теневых волков. Магический натиск помог остальным, и спустя короткое время все враги были испепелены или убиты.

Задышавшись и спотыкаясь, Цера поспешила к Джету. Вандар и Джесри последовали за ней. Рашеми выглядел дрожащим и измученным своей яростью, и он, наконец, почувствовал последствия поверхностных, но кровавых порезов на голове и предплечье. Только Джесри, потушив свою огненную ауру, казалась нетронутой.

— Что случилось? — спросила Цера. Она опустилась на колени рядом с грифоном, который, даже скорчившись в снегу, по сравнению с ней казался маленьким ребенком.

— Теневые волки. — сказал Аот.

— С ним все будет в порядке? — спросил Вандар.

— Тебе лучше надеяться, что так оно и будет, — сказал Аот. — Почему, во имя Черной Руки, ты напал до того, как я дал сигнал?

— Я не подчиняюсь твоим приказам! — рявкнул Вандар, прежде чем перевести дух. — Но пойми, ярость — это дар духов, и иногда она забирает нас, когда они того хотят. Я думаю, может быть, дубовый телтор разбудил его во мне, потому что он не мог продержаться дольше.

Аот понял, что совершенно забыл о призрачном великане. Он взглянул в сторону пораженного дерева и обнаружил, что призрак исчез.

— Меня не волнует твой поганый дух. — сказал он.

— Достаточно! — сказала Цера. — Вы оба, помолчите и дайте мне поработать.

Она прошептала молитву, и ее руки засияли, когда она положила их на бок Джета. Она переместила их ему на шею — точнее, в то место, где теневой зверь укусил грифона, как предположил Аот, хотя и не знал, как она могла это определить, — и проделала там то же самое. Затем она наполнила кончик крыла исцеляющим светом Амаунатора.

Постепенно магия сделала свое дело. Аот чувствовал перемену в Джете, когда предсмертное забвение уступало место обычному сну.

Аот сделал глубокий вдох и затем снова выдохнул.

— Ты сделала это, — сказал он. — С ним все будет в порядке.

— Я знаю. — ответила Цера, поглаживая Джета по голове. Кряхтя, она попыталась встать. Аот помог ей.

Она посмотрела на Вандара и сказала:

— У меня осталось немного силы. Достаточно, чтобы помочь и тебе.

— Сделай это, — сказал Аот. — Тогда вы двое остаетесь с Джетом. Мы с Джесри пойдем и кое—что проверим.

Идя к деревьям, волшебница сказала:

— Я рада, что Джет будет жить.

— Он слишком сварлив, чтобы умереть, — ответил Аот. — Ты когда—нибудь задумывалась — почему, куда бы мы ни пошли, мы в конечном итоге сражаемся с нежитью?

Легкий намек на улыбку тронул уголки рта Джесри на мгновение, а затем исчез.

— Я так понимаю, мы собираемся посмотреть, выползли ли они из гробницы, которую вы с Церой нашли, — сказала она. — Или попытаемся выяснить, откуда они взялись.

— Да, — ответил Аот. — Было бы полезно посмотреть на следы.

Джерри пожал плечами.

— Нежить, даже та, что все еще имеет физическую форму, как правило, умеет красться, — сказала она. — Думаю, оборотни тоже. Возможно, им даже не понадобилось заклинание, чтобы не оставлять следов.

— Это все еще не объясняет, почему, если они пришли из рощи, мы с Джетом не увидели их с воздуха.

Они достигли того места, где дыра вела в гробницу. Аот заполз внутрь, корявые корни зацепились за его одежду и звенья кольчуги. Джесри последовала за ним и подожгла набалдашник своего медного посоха, словно факел. Они спустились вниз по лестнице, но нашли те же пустые, гулкие проходы, которые он и Цера исследовали раньше.

И, как и прежде, он и его напарник оказались у саркофага, когда их поиски были завершены. Он подавил ребяческий порыв пнуть его.

* * * * *

Урамар изучал коренастого татуированного боевого мага с блестящими голубыми глазами и высокую златовласую элементаристку с огненным посохом. Это

было несложно — они были всего в паре шагов от него. Они и их разочарование существовали совершенно в ином мире.

Из их реплик друг другу Урамар сделал вывод, что разочарование отчасти было вызвано тем фактом, что татуированный мужчина привык видеть то, что существует для того, чтобы его можно было увидеть. Но в данный момент, к его несчастью, он искать что-то невидимое для любой формы зрения.

Невидимость Урамара давала ему преимущество. Он мог прыгнуть вперед и нанести внезапный удар. Когда его руки сжались на рукоятке великого меча, множество сломленных душ нашептывали ему:

— Убей их...

— Это будет легко...

— Убей их, воскреси, и тогда они смогут послужить нашему делу...

Но, как это часто бывает, другие голоса не согласились.

— Нет. Они сильны...

— Если бы был только один, да, но их двое...

— Не рискуй выдавать наши секреты. Наверняка представится лучшая возможность...

На мгновение от шума в висках Урамара появилась боль, и он, пошатнувшись, застонал. Тогда противоречие разрешилось само собой, и он понял, что действительно должен ждать.

В таком случае не было никакого смысла позволять близости к смертным и дальше мучить кровожадные части его натуры. Он повернулся и уполз. Инстинкт заставил его молчать, хотя он знал, что люди позади него не заметят, даже если он закричит во всю силу своих несуществующих легких.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Джесри заметила, что немногие постройки в Иммилмаре выглядят особенно новыми. Очевидно, Рашеми не видел смысла строить новое здание, пока старое не сгниет и не рухнет. Но даже по местным меркам беленый длинный дом, именуемый Залом Ведьм, дышал стариной. Было легко поверить, что драконы, единороги и гончие, вырезанные под карнизами, смотрели ещё на первого Железного Лорда, шедшего по грязным, немощеным улицам города.

И это, безусловно, был бы ограничивающий взгляд, поскольку, как все здесь знали, даже когда вичларан сочли нужным призвать не хатран в свое святилище, это не означало, что они были приглашены в пределы священного зала. Когда Джесри, Аот и Цера подошли, женщина в маске выступила вперед со своего поста перед главным входом и жестом пригласила вновь прибывших следовать за ней.

Она повела их к южной стороне длинного дома, где кто-то либо выкопал небольшой амфитеатр, либо воспользовался естественным углублением в земле, чтобы построить его. Этот кто-то убрал и часть снега, но Джесри подозревала, что скамейки из досок по-прежнему будут холодными и влажными для тех, у кого, в отличие от нее, по венам не течет огонь.

— Клянусь Чистым Пламенем. — пробормотал Аот.

Когда Джесри огляделась, она увидела, что его удивило. Она знала, что он надеялся, что вызов адресован только ему и его товарищам, или, в худшем случае, им, Вандару и другим представителям клыка Грифонов. Очевидно, дело было не в этом, потому что приближались Дай Шань, лидер шу, и Марио Без — каждый в сопровождении нескольких своих людей. Капитан небесного корабля одарил Аота ухмылкой, когда тот занял место рядом с ним.

— Герои дня, — сказал Без. — Поздравляю.

— Мы были готовы к этому. — ответил Аот, пожав плечами.

— Тем не менее, даже убийцам драконов было нелегко бороться с нежитью — заклинателями и превосходящими силами, — сказал капитан. — Ты должен был сказать мне, к чему ты готовился. Я мог бы выделить несколько человек, чтобы они остались и помогли вам.

— И забрать у «Бури возмездия» долю славы, если убийцы действительно появились бы на вашем пути? — спросил Цера.

Без развел руками в притворном смятении.

— Повелительница Солнца, вы меня раните, — сказал он. — Естественно, я бы беспокоился о вашей безопасности и безопасности леди Джесри.

Джесри решила, что нет причин обращать внимание на то, что сказал Без. Скорее всего, он вынюхивал информацию, которую Аот и Цера слишком осторожно давали ему, и это был своего рода уклончивый, подшучивающий разговор, от которого она чувствовала себя косноязычной и скучной. Ну, кроме тех случаев, когда говорил Гаэдинн...

Нахмурившись, Джесри выбросила из головы лицо лучника с его пронзительными глазами и легкомысленной ухмылкой. Пытаясь отвлечься, она наблюдала за прибытием Мангана Урука, Вандара и Фолькерра Дульсаэра. Берсерк снова надел свои регалии, вышитые бисером, а по лицу полуэльфа было видно, что он насмехался над каждым из своих соперников.

Как только все заняли свои места, всем пришлось снова встать, когда ведьмы в масках вышли из длинного дома.

Они были не одни. Призрачные телторы летали, шлепали, прыгали, суетились или ползли вместе с ними. В этот первый момент Джесри различила ястреба, стервятника, двух медведей, белку, выдру и змею. Многие из существ мерцали, видимые в одно мгновение и исчезающие в следующее. Никто не оставлял следов на снегу. Их изобилие напомнило Джесри, что Рашемен был наполнен духами природы.

Несколько фамильяров поменьше провожали своих хозяек к их местам на скамейках. Остальные смотрели на собравшихся людей с вершины амфитеатра или с веток близлежащих деревьев.

У одной хатран не было призрачного спутника, которого могла бы видеть Джесри. Одета в простую кожаную маску и коричневую мантию с капюшоном, она осталась стоять внизу амфитеатра и, когда все были готовы, полоснула синей палочкой по замысловатой фигуре. В результате ничего явного не произошло. Возможно, это был просто способ попросить богов благословить собрание, ибо искусства хатран были смесью жреческой и тайной магии. В образе мыслей Джесри это была беспорядочная мешанина, но, возможно, она недооценивала варваров.

— Садитесь, — сказала ведьма. У нее было холодное поставленное контральто. — Многие из вас знают меня, но не все. Я Йельбруна. С помощью Вандара Черлинки я спустила грифонов с гор. Я также та, кто бросила руны и определила, что эти животные остались в Рашемене не по воле духов, как это ни разочаровывало и ни сбивало с толку. Слухи о существовании тварей, новости, привлекавшие сюда агларондцев, тескианцев и наемников, разошлись по моему приказу.

— Временами, — продолжала она с неожиданной кривой ноткой в голосе, — я сожалела об этом поступке, потому что вы, путешественники, уже начали прибывать, и, к моему смущению и к смущению Железного Лорда, я все еще не имела четкого представления о плане духов для этих грифонов. Но в свете недавних событий, а также после молитв и размышлений, теперь я знаю.

Аот наклонился вперед. Цера взяла его руку и сжала ее.

Без прервал:

— Кому же достанутся животные? Не держите нас в напряжении.

Хотя из—за их масок, объемных одежд и вида отчужденного достоинства трудно было быть уверенным, у Джесри было ощущение, что некоторые из хатран были ошеломлены тем, что он имел наглость заговорить без разрешения.

Йельбруна, однако, ответила без малейшего возмущения:

— У меня нет желания держать вас в напряжении, капитан, и я обещаю, ответ вы узнаете достаточно скоро, — сказала она. — Но есть вещи, которые станут понятными только после того, как вы о них услышите.

Аот фыркнул. Наклоняясь к Цере и Джесри, он прошептал:

— Когда—нибудь дело снова станет простым и понятным, и мы поймем, что забыли, каково это.

— Около года, — продолжил Йельбруна, — нежить беспокоила Рашемен. Это, конечно, далеко не единичный случай. Наша земля богата магией и очень древняя. В прошлые века она был домом для людей, торговавших темными силами. Это такое место, где временами мертвые будут просыпаться. Тем не менее, в последнее время этого было слишком много. Призраки были слишком сильны и слишком полны решимости причинить вред ради вреда.

Дульсаэр покачал головой.

— Разве они не всегда намерены причинить вред ради вреда?

— На самом деле нет, — сказал Аот, — не всегда. Хотя у них может быть жгучий голод, который нужно удовлетворить, и врожденная злоба, которая побуждает их нападать на любого, с кем они случайно столкнутся, мне кажется, что Верховная Леди Йельбруна говорит не только об этом.

Хатран кивнула.

— Я, — продолжила она. — Во время нашего путешествия в Высокую Страну Вандар и я столкнулись с ведьмой—нежитью и несколькими зомби—гоблинами, которые приложили большие усилия, чтобы сломать ловушку для демонов времен Роматари, без какой—либо видимой причины, кроме злого умысла. Было несколько подобных инцидентов, в том числе недавнее бесчинство в священной роще, которое, вероятно, было самым вопиющим примером из всех.

Дай Шань склонил голову набок и сложил свои довольно тонкие руки вместе, кончики пальцев.

— Как же так, мудрая жрица?

— В прошлом веке, — сказал Йельбруна, — мы, вичлар, поссорились между собой. Некоторые из наших сестер, которых стали называть дуртан, вступили в сношения со злыми духами и феями и образовали среди нас собственное тайное общество. И когда мы начали разоблачать их, они бежали в твердыни в глуши, где замыслили захватить контроль над этой землей. Когда представилась возможность — как это было, когда наши враги, тэйцы, начали сражаться между собой — у нас не было другого выбора, кроме как искоренить их.

Дульсаэр кивнул.

— Я что—то слышал об этой "Войне ведьм Рашемена". — сказал он.

— Да, — сказала Йельбруна, хотя и с оттенком отвращения в тоне, словно нашла это название вульгарным. — И я поднимаю эту тему потому, что мы идентифицировали существ, напавших на рощу.

Явно беспокойная прозрачная сойка с полосатой короной вспорхнула с плеча хатран в медной маске. Туманная гадюка, свернувшаяся клубком на коленях у своей хозяйки, подняла клиновидную голову, чтобы проследить за полетом другого телтора.

— Насколько я понимаю, — сказал Вандар, — при жизни они были дуртан.

— Да, — ответила Йельбруна. — Грозный ковен, который причинил много страданий, работая из логова в лесу Эрех. Когда мы, наконец, нашли их, убили и похоронили, мы приложили немало усилий, чтобы они больше никогда не восстали.

Джесри издал тихий плюющий звук.

— Дилетанты, — прошептала она. — Они должны были сжечь трупы.

Или, по крайней мере, она думала, что прошептала. Но, к ее удивлению и смущению, Йельбруна ответила ей.

— Ты права, — сказала ведьма. — Но некоторые женщины были прекрасными хатран, прежде чем свернули с истинного пути. Поэтому мы решили похоронить их с помощью обрядов, которые положены хатран, и факт в том, что никто никогда не смог бы найти их, не говоря уже о том, чтобы поднять их.

— И все же, очевидно, кто—то это сделал, — сказала Цера. — Или же они вернулись из—за какого—то чужеродного влияния.

— И это еще не вся тайна, — сказал Йельбруна. — Мы похоронили их в лесу Эрех, то есть на северо—западе, по ту сторону озера Ашейн. Как же им удалось пробраться к окраинам Ясеневого леса незамеченными?

— Летели ночью? — предложил Дульсаэр. — Некоторые из ведьм наверняка освоили эту магию.

— Возможно, — сказала Йельбруна, — хотя днем и ночью у нас, хатран, есть наблюдатели в небе. И все же, зачем им заходить так далеко?

— Потому что дух дуба живет всего в двух шагах от Иммилмара, — сказал Аот. — Если бы я хотел напугать и деморализовать королевство, я бы ударил в этом районе.

— Интересно, — сказал Йельбруна. — У всех вас, чужеземцев, есть свои взгляд и мысли, и, возможно, это то, что нам нужно.

Нахмурившись, Манган Урук поднялся.

— Высшая госпожа, никто не уважает вашу мудрость больше, чем я, — сказал он. — И я уважаю наших гостей. Но я должен еще раз сказать, что мне это не нравится. Рашемену не нужны наемники.

— Тем не менее, вы сами задействовали небесный корабль капитана Беза. — Ответила хатран.

Железный Лорд заколебался.

— Это была особая ситуация, — сказал он. — Я увидел необходимость добраться до роши как можно быстрее.

— И возможно, нам понадобятся все умения чужеземцев, — сказала Йельбруна. — Все их мысли, магия и методы ведения войны. Поверьте мне, я не получаю никакого удовлетворения от этой мысли. Как я могу? Мы, вичларан, гордимся своими умениями так же, как вы, воины, своими. Но правда в том, что наша проблема усугубляется, и никто из нас не может ее решить. Мы не должны позволить гордыне помешать нам получить помощь от тех, кого послали духи.

— Значит, вы хотите сказать, — начал Аот, — что хотите нанять нас, чтобы положить конец нашествию нежити, а платой будут грифоны.

— Трое поручили вичларан объявить поиски на благо королевства, — ответила хатран. — Они также предоставят вознаграждение тем, кто его выполнит.

— Что, если в решении вашей проблемы участвуют несколько групп? — спросил Без.

— Мы дадим грифонов всем, кто это сделает, а вы сможете разделить их по своему усмотрению. — ответила она.

— Или играйте в кости за всех, или сражайтесь на дуэли, — сказал капитан небесного корабля. — Я полагаю, это работает.

— Верховная леди, — позвал Дульсаэр, вскакивая на ноги. — Вы же не собираетесь просить тэйского волшебника о помощи, когда Рашемен подвергается нападению некромантии.

— Мы прошли через это, — ответил Аот. — Во—первых, я враг Сзасса Тэма больше, чем ты когда—либо будешь. Во—вторых, я сомневаюсь, что тэйские агенты будят мертвых так далеко к северу от границы. Особенно, если никто не заметил легионы, собирающиеся на дальней стороне Ущелья Гауроса для атаки.

Цера ухмыльнулась полуэльфу.

— А в—третьих, в чем дело? — сказала она. — Ты боишься конкуренции?

Дульсаэр свирепо посмотрел на неё и открыл рот для того, что он, вероятно, собирался назвать жестким возражением. Йельбруна перебила его:

— Все вы здесь по воле Трех. — сказала она.

— Тогда сюда входят я и мои братья по клыку, — сказал Вандар, вставая. — Я не чужеземец с «озарениями, магией и методами ведения войны». Но ты лучше всех знаешь, что я был замешан в этом с самого начала. Я помог сохранить ловушку для демонов, я помог поймать грифонов, я помог спасти дух дуба...

— После того, как сделал работу сложнее, чем она была. — пробормотал Аот.

— ...и я требую права попытаться заполучить грифонов.

Йельбруна мгновение молча смотрел на Вандара. Джесри казалось, что все стихло, как будто мир затаил дыхание.

— Если я правильно помню, — наконец произнесла хатран, — последний самец, потребовавший чего—либо от собрания вичларан, спрыгнул с этого самого амфитеатра на четырех перепончатых лапах.

Берсерк вздохнул.

— Тем не менее, я требую этого. — сказал он.

— Это хорошо, потому что мы все равно собирались включить в эту миссию и тебя, — сказала Йельбруна, возможно, с легким намеком на юмор в голосе. — Для лягушек сейчас слишком холодно.

— Похоже, — сказал Дай Шань, — что мы понимаем нашу задачу и знаем, кто еще намерен стремиться к большей славе этой благородной земли.

— Пожалуйста, — усмехнулся Дульсаэр. — Наемники и берсерки, по крайней мере, своего рода солдаты. Вы, тескианцы, торговцы. Чем ты планируешь заняться? Подкупить нежить, чтобы она ушла?

Маленький шу в своем длинном зеленом пальто поднялся. Он повернулся лицом к Дульсаэру и развел руками. Тени, до сих пор едва заметные в полуденном солнечном свете, растянулись и потемнели, и в воздухе сгустилась тьма. Дай Шань подпрыгнул, а может быть, просто исчез, а затем оказался на пустой скамейке прямо перед Дульсаром. Он нанес удар в лицо наезднику на грифоне.

Пораженный, Дульсаэр не отреагировал. Удар наверняка разбил бы ему нос, если бы Дай Шань не остановил бы его в дюйме от цели. Мрак в воздухе рассеялся, и солнечный свет хлынул обратно.

— Это так работает? — спросила Йельбруна. — Мы проявляем снисходительность к одному человеку, а остальные решают, что могут драться в нашем присутствии?

Дай Шань повернулся и поклонился ей.

— Благороднейшая из дам, — сказал он, — можно спорить об уместности слова «драка», когда никто никого не трогал. Но я не придира. Я понимаю вашу точку зрения и прошу прощения. Тщеславие взяло верх надо мной. Бывают случаи, когда я считаю полезным, чтобы меня недооценивали, но в основном я предпочитаю, чтобы ко мне относились серьезно.

— Пр продемонстрируйте свое мастерство, уничтожив нежить, — сказала Йельбруна. — Это касается всех вас. Поймите, мы не требуем, чтобы вы всё делали сами. Вы можете обратиться к Железному Лорду за дополнительными воинами или любой другой необходимой вам помощью. Но все же, в конечном счете, задача остается за вами.

Она провела палочкой по другой замысловатой фигуре. Затем она вывела остальных хатран и мерцающих телторов из амфитеатра. Все остальные стояли молча, когда они проходили мимо.

Когда они ушли, Без искоса посмотрел на Аота.

— Ну, что скажешь, Фезим? Партнеры?

Аот перехватил копье. Его кольчуга звякнула.

— Есть над чем подумать. — ответил он.

— Пошли, — сказал капитан. — Я не знаю всего, чего вы и эти милые дамы достигли в Чессенте за последний год. Я не знаю, как кто—то может понять смысл всех этих историй. Но, похоже, это было связано с разгадкой тайн и секретов, и это то,

что нужно сейчас. Никто никогда не остановит эту нежить, пока мы не узнаем, как и почему она восстаёт.

— Совершенно верно, — сказал Аот. — Мы с моими друзьями умеем делать это. А чем ты отплатишь?

— Это и так ясно, — ответил Без. — Ты оставил своё Братство на зимних квартирах; я привёл своё. Скорее всего, дело дойдет до настоящих сражений, а не просто перестрелок в лесу. Когда это произойдет, ты захочешь быть плечом к плечу с коллегами—профессионалами, а не в одиночку.

Аот улыбнулся.

— Возможно, ты прав, — сказал он. — Я уже видел, как хорошо «сумасшедшие варвары» придерживаются плана. Делим поровну, даже несмотря на то, что вас целый корабль, а нас только трое?

— Конечно. — сказал Без, протягивая руку.

Аот не понял. Он просто кивнул.

— Я дам тебе знать если решу согласиться. — сказал он.

Глаза капитана небесного корабля сузились.

— Ты шутишь?

— Нет, — ответил Аот. — Потому что я тоже помню Термиш. И я снова стану твоим партнером, если сочту это необходимым, но не раньше.

Без фыркнул.

— Как пожелаешь, тэец, — сказал он. — Затаить обиду. Ты пожалеешь, когда я улечу со всеми грифонами. Это при условии, что какой—нибудь призрак или вурдалак не разорвал тебя на части до этого.

Он и его люди повернулись и зашагали прочь.

Аот повернулся и осмотрелся.

— Вандар! Подожди! — крикнул он, направляясь к берсерку и его братьям по клыку.

— Значит, мы собираемся сотрудничать с ним? — спросила Цера, спеша за ним.

— Если мы ему нужны, — ответил Аот. — И как бы он меня не любил, я думаю, он согласится. То, что произошло в роще, показывает, что мы можем помочь друг другу.

— Несмотря на то, что он и его народ «сумасшедшие варвары»? — спросила Цера.

— Лучше быть безумным и диким, чем вероломным. — ответил Аот.

* * * * *

Урамар внимательно рассматривал иероглифы на известняковой стене. Некоторые из его сломленных личностей — те, кто были учеными эзотерики — заинтересовались ими. Они выбирали символы, которые узнавали — в основном имена представителей Бездны — и бормотали, размышляя о значениях тех, кого они не знали.

Он подозревал, что если им позволить, они будут копать в этом весь день, потому что это был лишь первый комплекс гробниц наров, который он посетил. Он и его товарищи начали с пробуждения дуртан и других мудрых и недавно погибших рашеми. Эти рекруты, в свою очередь, помогли им найти старые руины, курганы и затонувшие, заросшие склепы.

Конечно, это был не единственный способ найти места захоронения мертвых. Человек мог исследовать не нанесенные на карту участки путей смерти и увидеть, куда они ведут. Именно так, как он понял, его братство впервые открыло эту новую землю. Но это было опасное предприятие.

Неистовое «Стой!» напомнил ему, что его нынешние методы тоже не совсем безопасны. Он повернулся, и его покрытые шрамами пятнистые руки переместили большой меч в боевое положение.

В нескольких шагах впереди четверо зомби ломали стену, что, по мнению Ниварры, открыло бы спускающейся вниз проход. Удар кирки сбил штукатурку, но, по счастливой случайности, оставил нетронутым волнистый семиконечный знак под проходом.

Еще один удар наверняка сломает её. Ниварра не ограничилась тем, что отдала зомби команду, чтобы этого не произошло. Она схватила его серое, склизкое предплечье и потянула назад.

Низкорослая и крепко сложенная, как и большинство рашеми, Ниварра была дуртан. Она все еще носила мантию и серебряную маску, которые указывали на ее статус, хотя первая была гнилой и заплесневелой, а вторая с чёрным налётом. Всегда несколько непредсказуемая, магия Лода воскресила ее вампиром. Обычно она наслаждалась этим состоянием, хотя ненадолго обезумела, когда появился ее бывший фамильяр и тут же напал на нее, из—за чего ей пришлось уничтожить это существо.

Урамар не винил ее за то, что она расстроилась. Реакция телтора на ее возрождение действительно не казалась справедливой, учитывая, что жалкое создание было летучей мышью. Дух летучей мыши или что—то в этом роде.

Когда Урамар подошел к ней, он еще раз огляделся, удостоверившись, что ни один из зомби не собирается совершить еще один удар. Ибо, хотя ни один член Высокопреосвященства не был по—настоящему безмозглым, немые и медлительные создания подошли слишком близко к проходу.

— Что это? — спросил он, указывая на символ легким наклоном клинка. Он думал, что уже знает, но она была экспертом в мистических искусствах этой земли.

— Ловушка, — сказала она, подтверждая его догадку. — Если мы потревожим её, произойдет что—то плохое. Учитывая, что великое искусство Наров использовало демонов, я думаю, что демон выскочит и нападет на нас.

— Итак, как мы поступим? — спросил он.

— Ты и зомби отойдите, — ответила она. — Я попытаюсь призвать и подчинить духа. Я предложу ему свободу в обмен на обещание оставить нас в покое.

— Хорошо, — сказал Урамар. — Вперед, продолжай.

Операция заняла немного времени. Сначала Ниварра достала камень из одного из карманов своей мантии и нацарапала на полу замысловатую геометрическую фигуру, состоящую в основном из пересекающихся треугольников. И камень, и очерченные им линии засветились болезненно—голубым светом. Это был первый настоящий свет, который он увидел с тех пор, как спустился в подземелья, ибо нежить не нуждались в нем, чтобы найти дорогу.

Она стояла в центре созданного ею рисунка. Покачиваясь, она напевала заклинание, эхо которого шептало в темноте. Некоторые вырезанные на стенах

символы начали пульсировать свечением. Несмотря на свою глупость, зомби вздрогнул, и по его вялому, гниющему лицу пробежала густая слеза.

Символ ловушки расширился. Внезапно существо, похожее на огромное насекомое, вырвалось из небытия и рухнуло на пол.

Его тело было не больше, чем у мастиффа, но его тонкие, многосуставчатые ноги и три пары гудящих перепончатых крыльев почти заполнили коридор от стены до стены. Зазубренные челюсти скрежетали и щелкали над скоплением выпученных черных глаз, а несколько хвостов, каждый с изогнутым жалом на конце, извивались и хлестали воздух.

Урамар видел много вещей, которые обычный смертный счел бы ужасными и отвратительными, в том числе собственное кривобокое лоскутное отражение в зеркале. И такие вещи, как правило, не беспокоили его, как не беспокоят большинство нежити. Но демон, если это был он, казался каким-то подавляюще, даже трансцендентно мерзким. Все в нем шокировало и поражало. Уродство, которое заставило его напрячься, просто чтобы просто не отводить от него взгляда. Жужжание царапало его нервы. Кислотная вонь обжигала нос, наполняла рот неприятным привкусом и заставляла желудок скрутиться.

Урамар напрягся, когда колени Ниварры подогнулись, и она тоже оказалась на грани обморока. Но она прохрипела слово силы и снова выпрямилась.

— Ты в порядке? — спросил он, повысив голос, чтобы перекрыть гул.

— Да, — ответил вампир, — и ты тоже должен быть. Я вызвала демона между знаком на стене и тем, что нарисовала. Кстати, это эколид. Меньший обирит.

— *Меньший*, — сказал демон, пронзая разум Урамара своим психическим голосом, — *странное слово для вас, жалкой нежити, чтобы применить его ко мне.*

— Это мы посадили тебя в клетку. — сказал Урамар.

— *На сколько?* — ответил демон. — *Твой барьер и ведьма — одно и то же. Я толкаю, он слабеет. Так он и истощится.*

— Если это правда, — сказала Ниварра, — то, полагаю, было бы благоразумно затолкать тебя обратно в твою прежнюю тюрьму, пока я еще могу.

Оса рассмеялась. Его веселье было подобно кнуту, хлещущему и разрезающему внутреннюю часть головы Урамара.

— *Но ты не можешь, маленькая пиявка. Я не знаю, как долго я был заключен здесь. Долго, я думаю. Но я вижу, что ты не Нар и не владеешь их навыками.*

— Я не вижу смысла в твоей враждебности, — сказал Урамар. — Нары поработили тебя, так зачем тебе помогать выполнять их цели? Я когда-то был в похожей ситуации, и у меня определенно не было желания угодить своим похитителям. Позволь Ниварре освободить тебя. Все, что мы просим взамен, это чтобы ты ушёл с миром. В противном случае нам придется снова запереть тебя или убить.

— *Было бы неплохо прикончить нара, который связал меня,* — сказал демон. — *Но как он вообще узнает об этом? Вы, маленькие люди, съезжились прямо передо мной. Я могу причинить вам боль и уничтожить вас, и это также освободит меня.*

— *Мы не съезживаемся.* — начала Ниварра. Внезапно синее мерцание линий на полу погасло, и эколид прыгнул на нее.

Его передние лапы врезались ей в плечи и грудь, и инерция повалила ее на пол под ним. Его хвосты закружились вокруг его тела, метя жалами ей в бока. Его челюсти раскрылись, чтобы зажать ее голову.

Урамар поднял свой двуручный меч, пожелав, чтобы его холодная плоть стала еще холоднее, и бросился в атаку.

— Убей его! — позвал он зомби. Он не был уверен, что кто-то из них подчинится ему в данных обстоятельствах или что от них будет много пользы, но попытаться стоило.

Тем временем тело Ниварры исчезло в облачке тумана и вырвалось из смертоносных объятий демона. Эколид немедленно переориентировался на Урамара, и его несколько хвостов поднялись, как змеи.

Когда Урамар подошел на расстояние удара, он не мог видеть никаких признаков того, что окружающий его смертельный холод беспокоил демона. На самом деле он этого и не ожидал, но это была еще одна мера, которую, по крайней мере, стоило попробовать.

— Посмотрим, как ты проигнорируешь это! — прорычал один из его воинов и ударил большим мечом по голове демона.

Обирит ответил двумя одновременными действиями. Одно из его жал вонзилось Урамару в бок чуть выше бедра. Другой хвост метнулся в намерении парировать удар меча.

Когда жало вырвалось на свободу, Урамара согнуло пополам вспышка боли. Но двуручный меч сделал маленькую зарубку в хвосте демона, и тот тоже дрогнул. В голове Урамара пронесся психический крик.

Эколид стряхнул паралич внезапной боли слабой дрожью всего тела, взмахом крыльев, взмахами хвостами и всем остальным. В то же время Урамар вновь обрел собственную силу, которая прошла сквозь рукоять меча в его руки.

Эколид бросился вперед. Хотя он все еще не полностью восстановился, Урамару удалось выровнять свою позицию. Демон резко остановился, чуть не врезавшись головой в меч, и отскочил назад.

— Меч, пьющий жизнь, — сказал он. — Как раб, сшитый из обрезков потрохов, обрел такое сокровище?

— Я не раб, — выдохнул Урамар, выпрямляясь. Больше нет. — Ты понятия не имеешь, кто мы такие и что мы собираемся сделать. Жаль, что ты не доживешь до того, чтобы узнать.

— Возможно, ты сможешь рассказать мне все об этом, когда будешь пресмыкаться передо мной в Бездне, — сказал демон. — Это при условии, что у такой низшей формы жизни, как ты, есть душа, чтобы оказаться там. На самом деле, я думаю, что все, что у тебя есть, исчезнет как пламя погашенной свечки.

Боль от колотой раны над бедром Урамара утихла до ноющей, но снова вспыхнула агонией. Из дыры выползла бледная личинка размером с его большой палец.

В этот момент шока, отвращения и боли эколид сделал выпад. Двое зомби, которые не потеряли то, что считалось их разумом, проковыляли мимо Урамара, размахивая кирками. Тот, что был справа, превратил пару круглых черных глаз

демона в мазки желе. Другой порвал крыло. Эколид нанес ответный удар и едва не разорвал их на части дугообразными, хлещущими ударами своих жал.

В то же время Ниварра, снова в женском облики, выкрикнула три рифмующихся слова. Молния вырвалась из ее протянутой руки и ударила в заднюю часть демона. Взрыв заставил эколида дрогнуть на короткое мгновение, но не имела никакого другого эффекта, который Урамар мог бы различить. Он продолжал бежать к нему.

Он низко опустил двуручный меч, словно собирался отсечь передние ноги обирита. Его хвосты дёрнулись, чтобы защититься от этой атаки и нанести ответный удар по туловищу врага. Он отступил за пределы досягаемости жала и выпустил оружие из левой руки. Внезапно он взмахнул освободившейся рукой и метнул из кончиков пальцев шквал магических градин.

Застигнутый врасплох эколид не смог защититься. И хотя он мог быть невосприимчив к чистому холоду, твердые кусочки льда растирали и рвали его глаза почти так же эффективно, как кирки зомби.

Демон отшатнулся, и Урамар, рубя воздух, погнался за ним. Ниварра сбросила потускневшую маску, открыв лицо, которое смертный мог бы счесть красивым, если бы не его пепельная бледность, острые клыки и звериная ярость. Она запрыгнула демону на спину между жужжащих крыльев и начала кусать.

Несмотря на их совместную атаку, убить эколида было непросто. Но, в конце концов, демон рухнул, большая часть его головы, туловища и конечностей была либо покрыта кровавыми ранами, либо полностью отрублена.

Его предсмертная агония была простой дрожью, но краем глаза Урамар заметил что—то еще, ползающее в растекающейся луже его темной, гнилой крови. Это была личинка, уже крупнее, чем когда она выползла из его бока. Он взревел и растоптал её в кашу.

На мгновение сторбившись, он вообразил, что это был конец битвы. Затем он понял, что Ниварра все еще цепляется за неподвижного эколида и все еще облизывает его раны.

Это было нормальное поведение для вампира, но результата не было. Ее тело распухло, а под одеждой что—то извивалось, как будто отрастали новые конечности. Ее череп издавал хруст, меняя форму. Два ее глаза разделились на четыре, а нижние челюсти отдалились от висков.

Урамар выронил свой меч, схватил Ниварру и вытащил ее из эколида. Она боролась, но ее сила, хотя и больше, чем у человека, была меньше, чем у него. Не зная более изощренного средства, он несколько раз ударил ее об стену.

К его удивлению, это сработало. Ее очертания трепетали и расплывались, корчились и менялись в его объятиях, пока она снова не стала самой собой и перестала бороться, чтобы вырваться на свободу.

Он осторожно отпустил ее и стал наблюдать — не было ли ее кажущееся возвращение к нормальному состоянию уловкой. Не похоже на то — она не воспользовалась восстановленной подвижностью для атаки.

— Спасибо, — сказала она. Она потерла перепачканные губы тыльной стороной ладони. — Кровь была отвратительной, но и прекрасной. Я не могла перестать пить её.

— Я рад, что это не причинило тебе никакого непоправимого вреда. — ответил он.

— Ты уже дважды вытащил меня из забвения, если не сказать больше, — добавила она. Вампир протянула руку, погладила его по щеке и провела по выступам на его плоти. — Хочешь помочь мне смыть неприятный привкус изо рта?

Некоторые из его сломленных душ стонали: «Да!» Но другие призывали к осторожности, напоминали ему о его миссии или просто чувствовали себя неловко, и эти голоса преобладали.

Он отступил от нее и спросил:

— Как эколид вырвался на свободу?

Она ухмыльнулась его молчаливому отказу, и ее клыки втянулись в нечто, похожее на обычные зубы.

— Демон объяснил это достаточно хорошо, — сказала она. — Он был сильным, а я не нар.

— Тогда давайте поторопимся и найдем тех, кто здесь есть. — Ответил он.

Он забрал свой двуручный меч, а Ниварра — свою маску. Двое сошедших с ума зомби перестали метаться, и когда он приказал им остановиться, они подчинились, как будто даже не помня о своей панике.

Урамар приказал существам закончить пробивать стену. Когда они это сделали, погребальная камера оказалась открытой.

Она была полна золота и драгоценных камней, которые часто использовались для изготовления гротескных изображений дьяволов и демонов в виде статуй, брошей и рукоятей мечей. Одно из «я» Урамара, простодушное, пожалело, что он и его товарищи не принесли фонарь, чтобы он мог увидеть всё сияние сокровищ. Другие почувствовали рефлекторный трепет жадности. Но он едва замечал эти вспышки сознания. Он был слишком занят тремя саркофагами на пятиугольном возвышении.

Ниварра хмыкнула.

— Было очень трудно пойти на это только ради троих. — пробормотала она.

Урамар улыбнулся.

— Думаю, все будет хорошо, — сказал он. — Могилы похожи на дома. Это могущественные люди, которым было дано достаточно пространства, полностью или почти полностью принадлежавшего им. И если эти люди были сильны до своей смерти, мы можем надеяться, что они *вернутся* такими же.

Поковырявшись кирками, зомби сдвинули тяжелые каменные крышки саркофагов из канавок, где они крепились к самим усыпальницам, и отодвинули их в сторону. Одна за другой крышки рухнули на пол. Что бы в итоге из этого ни вышло, Урамар обнаружил, что наслаждается этим осквернением. Ибо как часто, в праздности и одиночестве своих долгих лет в рабстве, хотел он сделать нечто подобное?

Внутри гробов были крошащиеся кости, пыль, а также драгоценные камни и металлические части одежды, в которую были одеты мертвецы. Урамар достал из мешочка на поясе флакон с пигментом, переданным ему Лодом, и, стараясь не раздавить хрупкие предметы, нарисовал символы оживления на том, что осталось от черепов.

Настало время для заклинания. К нему присоединилась Ниварра, и постепенно другие голоса тоже начали перешептываться. Для разнообразия это были не

призрачные голоса, которые обычно докучали Урамару. Он не знал, чьи это голоса. Он задавался вопросом — знал ли это Лод.

Когда он, Ниварра и невидимый хор приближались к концу заклинания, у него возникло ощущение скручивания, давления и сопротивления, как будто какой—то абстрактный, но фундаментальный аспект мира был вынужден принять неестественность готовящегося. Внутри саркофагов кипели и колыхались тени, представляя собой нечто более темное, чем тьма неосвещенного склепа. На последнем слоге тени вырвались наружу, и на мгновение даже он ослеп.

Когда к Урамару вернулось зрение, Нары уже сидели. Магия вернула их обратно в виде упырей — изможденных, сгорбленных и безволосых — с запавшими глазами; ртами, полными клыков; и когтями на концах искривленных пальцев.

— Что случилось? — спросило одно из существ. Оно вернулось с полностью сгнившим носом, из—за чего его иссохшее лицо было еще больше похоже на череп, чем у двух других.

— Мы вернули вас миру. — сказала Ниварра.

— Зачем? — спросил Черепопицый.

— Потому что нам нужна ваша помощь. — сказал Урамар.

Черепопицый выскочил из саркофага, затем запнулся, по—видимому, пораженный собственной ловкостью.

— Мы возвращаемся лучше, чем были раньше. — сказала Ниварра.

Черепопицый посмотрел на себя, затем ощупал свое гниющее лицо.

— Я думал, меня не пустит назад, — пробормотал он. — Но нет. Я голоден. — Он облизал губы черным острым языком.

Подскочил второй гуль. Это была женщина. Одна грудь болталась, а другой уже не было, вместе с ухом и щекой на той же стороне.

— Странно, — сказала она. — Я ничего не помню после того, как опустился топор. Значит, все это было просто пустяком, даже без ада, в котором нужно было бы страдать?

— Это не имеет значения, — сказал Урамар. — Теперь ты здесь.

— Спасибо вам, — сказал третий упырь, вставая более осторожно, чем остальные. У него было множество татуировок, и он постоянно дергался, пока рисунки, росчерк за раз, стирались на его сморщенной шкуре. — Вам нужна наша помощь. С чем?

— Когда—то вы были лордами и завоевателями, — сказал Урамар. — Мы приглашаем вас снова стать такими и помочь основать империю, подобной которой миры—побратимы еще не видели.

Женщина—гуль усмехнулась:

— Будет ли это предприятие связано с убийством ромвиранцев?

Урамар вздохнул и ответил.

— На самом деле, это одна из многих вещей, о которых нам нужно поговорить.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Хульдра была довольно внушительной женщиной в своем черно—белом плаще с капюшоном и маске. Цвета переливались и менялись от одного к другому, пока она шла, как будто она была самой луной, спустившейся в залитый солнцем центр деревни Йивель. Аоту показалось, что остальная часть их маленькой процессии — Джесри, Цера, Вандар и он сам — выглядели столь же внушительно, как и хатран, шедшая во главе ее.

В общем, неудивительно, что к ним спешили обитатели кучки длинных домов и хижин. Никто не осмеливался заставлять их ждать, хотя, видимо, надеясь не быть замеченными, некоторые крестьяне предпочитали стоять позади своих соседей.

Хульдра подняла свой посох — кусок березы с полумесяцем из слоновой кости вместо навершия — и снова ударила им. Грязный снег захрустел под наконечником.

— Кто говорит за эту деревню? — спросила она.

Поскольку прямо перед ней стоял мускулистый, но разжиревший, седобородый мужчина с серебряным медальоном в форме хищной птицы, Аот решил, что вопрос был церемониальным. Ответ бородатого мужчины с каменным лицом, вероятно, был таким же:

— Я, Борилак Мурокин из Клыка Орла. — ответил он.

— Ты знаешь, зачем я пришла? — спросила Хульдра.

— Нет, — сказал Борилак, и теперь его тревога начала проявляться. Странствующие хатран посещали деревню раз в месяц. Но, по словам Хульдры, он всегда был дружелюбным советчиком и целителем, а не холодным авторитетом, который бы мог на равных говорить с ней и с её еще более угрожающе выглядящими соратниками.

— Значит, вы ничего не знаете о бойне на севере? — спросила Хульдра.

— Нет! — отрезал стареющий берсерк.

— Странно, — сказала Хульдра. — Очень странно.

Аот должен был отдать должное хатран. Он призвал ее не потому, что у него были основания считать ее искусным притворщиком, а просто потому, что она была хатран, служащей поселению. И все же она была такой же угрожающей, как инквизитор Красных Магов.

— Пожалуйста, госпожа, — сказал Борилак, — расскажите нам.

По толпе зрителей пробежал ропот.

— Я полагаю, вы все знаете, — начала Хульдра, — что даже с исчезновением дуртан лес Эрех остается темным и порченным местом. Вот почему Вичларан призывали Орлиный Клык и его союзников не заселять западные берега озера. Но ты не мог оставить богатую землю невостребованной, и мы, хатран, защищали тебя, как могли.

— Ближе к делу. — прорычал Джет, наблюдая за происходящим глазами и ушами своего хозяина. Аот подавил улыбку.

— К сожалению, — продолжала Хульдра, пока черные и белые полосы струились по ее одежде, — теперь стало ясно, что, несмотря на нашу бдительность, некоторые

поселенцы стали жертвами ликантропии. И эти проклятые объединились в стаю, которая вырезала каждую живую душу в Винвеле.

Жители деревни ахнули и забормотали.

Хульдра подождала, пока они не успокоятся.

— Я обещаю, что здесь ничего подобного не произойдет, — сказала она. — Мы, хатран, сделаем все необходимое, чтобы выявить и уничтожить оборотней. Вы все знаете, что моим особым покровителем является Селунэ. На восходе луны она даст мне силу выявлять всех ликантропов, живущих среди вас, и тогда мои спутники уничтожат их. Убийство оборотней — их особая профессия.

Ее взгляд вернулся к Борилаку.

— А пока мы отдохнем в твоём доме, — продолжила она. — Мы долго шли по снегу.

Хатран повела своих спутников к длинному дому с резными головами орлов и изображениями летящих птиц. Позади них жители деревни возобновили взволнованный разговор, а пара женщин даже начала рыдать.

В каменном очаге Борилака горел и потрескивал огонь, и воздух внутри был значительно теплее, чем снаружи. Когда Аот прислонил копьё к стене и сбросил плащ, он сказал:

— Это было прекрасно, леди, спасибо.

— Я рада, что ты так думаешь, — ответила Хульдра. Гордость в её голосе сменилась тревогой. — Я бы никогда не сделала этого, если бы не приказ самого Урлингвуда.

Аот знал о Рашемене достаточно, чтобы понять фигуру речи. Урлингвуд был священным лесом, куда допускались только хатран, а любых нарушителей казнили. Таким образом, «по приказу Урлингвуда» означало, что её командовал один из верховных матриархов её ордена. В данном случае Йельбруна.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. — начала Цера, снимая с руки позолоченный щит.

— Ты? — рявкнула Хульдра. — У многих людей снаружи были семьи в Винвеле, и я только что сказал им, что их родственники мертвы! Как они когда-нибудь простят меня или снова поверят мне?

— Они простят тебя, — сказала Джесри, — когда ты объяснишь, что ложь была необходима, чтобы избавиться от оборотня, который жил среди них.

Хотя она была единственной из них, кто, вероятно, даже немного не почувствовал зимнего холода, она подплыла к камину, и желтое пламя подпрыгнуло выше. Свет отразился на её посохе.

— Но ты же не знаешь, существует ли этот оборотень! — сказал Вандар. — Ты только предполагаешь!

Аот вздохнул. Он огляделся и заметил на полке кувшин. Он вытащил пробку и был доволен, когда запах пива наполнил воздух.

— Подумай вот о чём, — сказал он. — Высшая леди Йельбруна и Железный Лорд отправили нас всех на охоту на нежить. Этим же занимаются Без, Дульсаэр и Дай Шан. Хотя призраки и все такое до сих пор оказывались чертовски неуловимыми.

Он сделал глоток из кувшина — хмелевой отвар был приятен на вкус, но с другой стороны, ему нравилось почти любое пиво — и предложил его Хульдре. После

минутного колебания она приняла его и отвернулась пить, чтобы никто не увидел, как она отдернула маску.

— Чего не учили другие, — продолжил Аот, — или, по крайней мере, я надеюсь, что не учили, так это то, что не все существа, с которыми мы сражались, были нежитью. Некоторые были оборотнями. А поскольку дуртан были родом из леса Эрех, возможно, оборотни тоже пришли отсюда. Может быть, те, кто остался, могут рассказать нам что-нибудь о ведьмах.

— Если кто-то и остался, — сказала Хульдра, передавая кувшин Цере. — И если они действительно живут в одном из поселений, а не в дикой природе.

— Разумно предположить, что кое-кто еще остался, — сказал Цера. — В конце концов, ликантропия — это своего рода болезнь. Она распространяется.

— И у такого существа раздвоенная природа, — подхватила Джесри. — Когда это волк, он хочет того же, чего и зверь. Но когда он ходит на двух ногах, он хочет жить как человек.

— Ну, может быть, — сказал Вандар. — Но все равно стыдно лгать невинным людям.

Аот покачал головой.

— Это чудо, что все вы, «невинные» рашеми, так долго сдерживали легионы. — сказал он.

— Я вижу их. — сказал Джет, говоря мысленно.

— Их? — переспросил Аот.

— Посмотри моими глазами.

Аот так и сделал. Словно глядя вниз с высоты, он заметил мужчину, женщину и полувзрослую девочку, которая почти наверняка была их дочерью, бредущими по снегу.

— А они тебя не заметили? — спросил Аот.

— Они ведут себя так, будто заметили меня? — ответил грифон. — Они слишком заняты, оглядываясь через плечо на деревню, чтобы смотреть на небо.

Аот перенаправил свое внимание на реальное окружение. Вандар и Хульдра, казалось, были озадачены его мимолетным отвлечением, но Цера и Джесри было просто интересно. Повелительница Солнца и волшебница уже ни раз видели, как он общается с Джетом.

— Это был ответ на ваши возражения, — сказал он. — План сработал. Целая маленькая семья оборотней бежит из деревни.

— Они уже сменили форму? — спросила Хульдра. Намек на надежду в ее тоне напомнил Аоту, что местные жители были ее паствой и ее друзьями.

— Пока нет, — сказал он как можно мягче. — Но вы только что сообщили новость о том, что оборотни бродят по сельской местности, убивая людей десятками, а мать, отец и ребенок направляются в лес с закатом солнца. Не может быть никаких сомнений.

Хатран вздохнула и расправила плечи.

— Я полагаю, что нет, — сказала она. — Что теперь?

— Иди, успокой деревню, — ответил Аот. — Джет будет держать оборотней в поле зрения, и моя связь с ним приведет нас прямо к ним.

* * * * *

Кто—то умел пробираться по темному лесу, а кто—то нет. Цера делала все возможное, чтобы она выглядела хотя бы сносно. Но она внезапно споткнулась о корявый корень, рухнула вперед и чуть упала лицом на землю, в последний момент спохватившись. Она пробормотала что—то грубое себе под нос.

Джесри поняла, что она улыбнулась. Это не мог быть первый раз после смерти Чазара, но это было так, и она решила, что Аот действительно сделал ей добро, взяв ее в Рашемен. Возможно, после всех разочарований Чессенты это было именно то, что ей было нужно.

Идя во главе процессии, Аот поднял копье, сигнализируя об остановке, а затем махнул рукой, приказав всем собраться.

— Джет говорит, что они прямо впереди, — прошептал он. — Мы сделаем круг и зайдем с запада, так что мы с подветренной стороны от них. Помните, что мы здесь, чтобы следить — по крайней мере, поначалу, — он устремил свои сияющие голубые глаза на Вандара. — Никто не должен нападать, если я этого не сделаю, и я не хочу слышать всякую чепуху о том, что духи перенимают у вас контроль над ситуацией.

Вандар сердито посмотрел в ответ.

— Все было так, как я сказал. — ответил он.

— Если мы будем сражаться, нам нужны пленные, — продолжил Аот, — и я также не хочу слышать, как чья—то безумная кровожадность помешала этому.

— Я не подчиняюсь тебе, тэец, — сказал Вандар. — Мы договорились быть партнерами, а не...

Цера положила руку на предплечье рашеми.

— Пожалуйста, — сказала она. — Мы определились со своей стратегией на пути сюда. Тогда ты не возражал. Надеюсь, ты согласен, что сейчас не время спорить.

Рот Вандара сжался, но, видимо, он не мог найти в себе силы плюнуть ядом в хорошенькую, тихую жрицу, пусть она и не совсем хатран.

— Хорошо, — сказал он, а затем посмотрел на Джесри. — Ты собиралась наложить чары?

— Да. — сказала она и начала применять заклинания сокрытия, рисуя в воздухе змеиные фигуры наверху своего посоха.

Когда она закончила, спутники двинулись дальше. Внезапно случайный вой, который они слышали с тех пор, как вошли в лес, зазвучал намного ближе и громче, чем раньше. Аот на мгновение заколебался, но сразу же продолжил движение вперед. Джет заверил его, что оборотни не реагируют на приближение незваных гостей.

Тем не менее, боевой маг жестом приказал всем оставаться в полуприсяди и сам укрылся за ребристым стволом тенистого дерева. Джесри присела за ольхой и посмотрела вперед. Ее глаза расширились.

На маленькой поляне перед ней было девять ликантропов. Они уже трансформировались, некоторые в настоящую волчью форму, а некоторые в двуногую форму на полпути между волком и человеком. И все они были. Но они менялись обратно — их морды втягивались в головы, а мех таял. Это казалось

странным, пока она не поняла, что им, вероятно, было легче обсуждать определенные вопросы человеческими языками.

Обнаженная, как и остальные ее спутники, женщина—оборотень со скорбным подбородком и пухлым животом вглядывалась в деревья. На мгновение Джесри показалось, что она смотрит прямо на нее, но ничего не увидела

— Где он? — сказала женщина—оборотень. — Он должен услышать нас. Я слышал зов Винвела на протяжении всего пути.

— А остальные из вас не уничтожили Винвела? — спросил парень с кустистыми бровями. Он не полностью изменился обратно в человека. Его руки и верхняя часть туловища все еще были покрыты шерстью.

Худошавая женщина вздохнула.

— Нет, — сказала она с видом человека, отвечающего на одно и то же глупое замечание или вопрос уже в десятый раз. — Конечно нет.

— Но зачем Хульдре лгать? — спросил мужчина.

— Я не знаю! — ответила женщина. — Мы осторожны. Даже когда тяга сильна, мы нападаем только на тех, кто ушел сам по себе, и мы никогда не оставляем тело там, где кто—то может его найти. Я вообще не понимаю, почему она вообще подумала об оборотнях.

— Это другие, — сказал ликантроп с вытатуированным на груди орлом — очевидно, член клыка Борилака. — Видимо, они попали в беду, и теперь она дошла до нас. Им не следовало уходить.

Единственный ребенок в стае — неуклюжая девочка, должно быть, та самая из семьи, которую Хульдра напугала и заставила бежать, — ахнула и прижалась ближе к довольно хорошенькой женщине рядом с ней.

— Они идут, — заскулил ребенок, указывая примерно в направлении Джесри. — Я чувствую, что они смотрят на меня.

Когда Джесри огляделась вокруг, она услышала, как мужчина с густыми бровями сказал:

— Все в порядке, милая. Они наши друзья.

Но сам он не казался полностью убежденным в этом, и как только Джесри мельком увидела четырех существ, крадущихся из—за деревьев, она поняла, почему.

Новички в черной кольчуге и кожаной броне были такими же высокими и массивными, как огры. С каждого квадратного плосконого лица смотрело по одному глазу. Зрачок тлел, как раскаленный уголь.

Джесри и ее товарищи укрылись, чтобы оборотни не заметили их. Только ее магия могла защитить их от существ, идущих с противоположного направления. Она задержала дыхание, и ее сердце забилось быстрее, пока циклопы не прошли мимо.

Ликантропы неловко поклонились. Затем циклоп с властным видом прорычал:

— Что случилось такого срочного, что не может подождать четыре ночи?

— Проблемы. — Сказал человек с густыми бровями. Он подошел к жене и дочери.

Когда он закончил излагать историю, предводитель циклопов какое—то время изучал его. Существо перехватило рукоять своего боевого топора и said:

— У тебя, сука, твоего щенка и твоей шавки совсем нет мозгов?

Отец моргнул.

— Я... что ты имеешь в виду?

— Если бы эта твоя Хульдра действительно знала молитву, раскрывающую твою истинную природу, предупредила бы она тебя и дала бы тебе шанс сбежать? — сказал циклоп. — Это был блеф, чтобы выманить тебя. Возможно, чтобы ты собрал всю стаю. Если так, то это её план сработал блестяще, так как вторым твоим идиотским импульсом было завывать, чтобы всех созвать. Я не удивлюсь, если сегодня кто—нибудь проверит, отсутствующих в ваших деревнях.

— Но... это несправедливо! — Запротестовал худощавый и узкоплечий для парней парень с бледными морщинистыми шрамами на правом бедре. Джесри задалась вопросом — были ли это следы атаки, которая прокляла его.

Циклоп усмехнулся, обнажая испачканные зазубренные клыки.

— Правда, Фаумар? Это твоё мнение по этому поводу? Как полезно. Спасибо.

— Что с нами будет? — спросила мать—оборотень. — Что мы можем сделать?

— Что ж, — сказал одноглазый великан, — к счастью, ты все равно не собиралась уходить. Самые смелые из вас уже вызвались помочь дуртан, и я всегда намеревался завербовать остальных из вас, как только найду терпение, чтобы вас убедить. Ты пойдешь со мной, и я найду, чем тебе заняться.

Девочка издала тихий стонущий вздох.

Циклоп сердито посмотрел на мать и отца.

— Заткни ее, пока я не решил, что она слишком юна и робка, чтобы быть полезной, — сказал он. — Поверь мне, ты этого не хочешь.

Женщина—оборотень с грустным, опущенным взглядом расправила плечи и сказала:

— Не угрожай им. Не угрожай никому из нас. Это твоя вина, если мы потеряем наших родственников и наши дома. Ведь это ты проклял первого из нас, не так ли?

— Нет, — сказал циклоп, — конечно, нет. В этих лесах таится много древней, дикой магии, и вы просто столкнулись с её проявлением. Если вы, неблагодарные, попытаете вспомнить, то обнаружите, что я тот благодетель, который нашел вас и научил выживать. Нет, процветать. Более того, вы гордились своим состоянием. Но теперь, только потому, что все стало немного сложнее — в основном из—за вашей собственной глупости — вы называете это несчастьем? Будьте осторожны, такими словами вы можете обидеть Чернокрового Парда и всех принцев ночи.

— Хорошо, — сказала женщина. — Если я сказала глупость, извини. Но, тем не менее, мы никогда не говорили, что хотим быть частью какого—то великого плана. Если бы хотели, то пошли бы с ведьмами и нашими ныне мертвыми товарищами.

— Может быть, я дурак, — начал циклоп. — Я полагал, что вы все хотите жить в удовольствии и легкости. Я думал, вы захотите жить открыто и охотиться на людей, когда захотите. Но если я был неправ, то падайте на четвереньки и доживайте свои дни здесь, в дикой природе, как звери. Потому что, когда вы не можете вернуться домой, я не вижу для вас иного выхода.

Оборотни обменялись взглядами. Женщина с грустным лицом сказала:

— Мы пойдём с тобой, Хосхакс. Но нам лучше получить вознаграждение, которое ты обещаешь.

Хосхакс ухмыльнулся.

— Я думал, ты знаешь, что тебя ждет, — сказал он. — И не надо грустить. Вы будете вспоминать об этом как об одном из лучших моментов своей жизни. А теперь переоденься, и мы отправимся в путь.

Когда оборотни начали менять форму, Джесри подумала, что она и ее товарищи узнали кое—что новое, но далеко не все. Она посмотрела на Аота, ожидая его команды — что они будут делать: отпустят их, или будут преследовать?

Но он удивил ее. Похлопывающим движением он указал, что она, Цера и Вандар должны оставаться на своих местах. Затем он встал и вышел из—за укрытия. Он прочитал контрзаклинание, нарисовав рукой зигзагообразную фигуру, и чары, которые она наложила на него, исчезли с мерцанием, подобно воде, стекающей по его телу. И хотя Джесри доверяла как суждениям Аота, так и его доблести, она вздрогнула, увидев, как он совершил такое смелое действие.

Циклопы стояли к нему спиной, так что первыми его увидели оборотни. Отец с лохматыми бровями выпрямился и стал почти человеком, завопив:

— Это один из них! Он был с Хульдрой!

Остальные ликантропы поспешили завершить свое превращение в волков или людей—волков. Они хрюкали и рычали от боли, кости скрежетали и трещали под их мехом. Гиганты развернулись и приготовились к битве.

— Спокойно! — сказал Аот, держа свое копьё в вертикальном, не угрожающем положении. — Я только хочу поговорить.

— Тэец? — спросил циклоп.

Аот ухмыльнулся.

— Что меня выдало?

— Где твои спутники? — спросил циклоп.

— Вернулись в деревню за обещанной наградой, — сказал Аот. — Я не хотел, чтобы вы подумали, что я представляю угрозу, и отреагировали соответствующим образом, и, очевидно, что я один не противник вам всем.

— Я тебе не верю. — сказал Хосхакс.

Аот пожал плечами.

— В таком случае пусть волки все проверят. — ответил он.

Циклоп ухмыльнулся.

— Так и сделаю. — сказал он, подняв руку и махнув ею. Завершив трансформацию, громко принявываясь, оборотни прокрались с небольшой поляны к деревьям.

— *Будь ты проклят, Аот!* — подумала Джесри. Даже вблизи ее магия могла сбить с толку глаза оборотня. Но его нюх? Уши? Шепотом она отбарабанила слова силы, чтобы усилить своё первоначальное заклинание, надеясь, что теперь они будут достаточно хороши.

Тем временем Аот сказал:

— Можем ли мы начать говорить, пока волки делают свою работу?

— Можешь начать с объяснений, — ответил Хосхакс. — Ты последовал за ними сюда, чтобы предать Хульдру?

— Хульдра выше предательства, — ответил Аот. — Она гниет в безымянной могиле в нескольких милях к северу.

— Значит, хатран, пришедшая в Йивель, была самозванкой. — сказал циклоп.

— Ты прав, — сказал Аот. — Колдуньи в масках могут быть удобными.

Циклоп заколебался, словно не зная, что спросить дальше.

— Тогда... какова твоя игра? — в конце концов спросил он.

— Такова, какой она и выглядит, — ответил Аот. — Обмануть оборотней, чтобы они раскрыли себя. Но только для разговора, а не для того, чтобы их убить.

Блуждая туда—сюда, один из двуногих оборотней подкрался прямо к Цере. С предельной осторожностью, борясь с желанием поторопиться, она ушла с пути существа.

Ликантроп остановился на том же самом месте, которое только что покинул, в одном шаге от того места, где сейчас пряталась жрица. Он развернулся на месте, приняхиваясь, затем опустил на четвереньки и прижался носом к земле. После этого он поднял голову и приняхался еще немного.

Шепотом Джесри повторила заклинание сокрытия. Губы Церы шевелились в безмолвной молитве.

Джесри не была целью магии Повелительницы Солнца, но, возможно, из—за того, что она была так поглощена наблюдением за ней, она все равно почувствовала небольшой эффект. Время растянулось. Один миг длился двадцать ударов сердца.

Человек—волк, по—видимому, полностью поддался иллюзии. По—видимому, убежденный, что он искал достаточно долго, оборотень вскочил на свои когтистые, покрытые серой шерстью лапы и пошел дальше.

Цера протяжно вздохнула, и Джесри почувствовала, как напряжение схлынуло из ее мышц. Она огляделась и увидела, что ни один из других оборотней не появился на грани проникновения через чью—либо завесу невидимости. Сохраняя бдительность, она попыталась уловить нить разговора Аота и Хосхакса.

— ... это точно? — спросил Аот.

Циклоп ухмыльнулся.

— Ты кажешься умным парнем, — сказал он. — Как ты думаешь, в чем дело?

— Я думаю, что некоторые дуртан пережили Войну Ведьм, — ответил Аот. — Теперь они реанимируют своих падших сестер и обращаются к своим старым союзникам среди «темных фейри» и им подобным — вроде тебя — для еще одного столкновения с хатран.

— А если так? — спросил Хосхакс.

— Тогда скажите спасибо Тэю за то, что они беспокоили вичларан все эти годы, — ответил Аот. — Но я также должен сказать, что ваши действия не ослабили их по—настоящему, и если это все, на что вы способны, то вторая Война Ведьм закончится так же, как и первая. Но это не обязательно.

Циклоп фыркнул.

— В каком смысле?

— Вы хотите избавиться от старого порядка, и Тэй тоже, — сказал Аот. — Работая по отдельности, мы не смогли достичь этой цели. Но объединив усилия, мы сможем добиться успеха.

— Но что произойдет после? — спросил циклоп. — Дуртан намерены править людьми этой земли, и, насколько я слышал, Сзасс Тэм тоже.

— Я признаю, — сказал Аот, — было время, когда он хотел. Но он пришел к пониманию, что вообще никакое расширение невозможно, пока враги Тэя окружают

его со всех сторон. Но если Рашемен станет союзником, это сильно изменит стратегическую картину. Работая вместе, мы могли бы завоевать Теск и Агларонд и поделить их между собой.

Хосхакс хмыкнул.

— А есть у тебя полномочия говорить от имени Сзасса Тэма и вести переговоры об этом великом союзе? — спросил циклоп.

Аот ухмыльнулся.

— Во имя Бездны, нет, — сказал он. — Я такой, каким кажусь. Агент, которому поручено расследовать сообщения о странных происшествиях в Рашемене. Но у меня, по крайней мере, есть полномочия начать такие переговоры. Если я сообщу, что дуртан вернулись и готовы обсудить союз, тарчион, зулкир или кто—то другой прибудет на север для переговоров довольно скоро. Итак, мой вопрос таков: кто может сказать мне, будет ли встречен такой посланник? Без обид, но я сомневаюсь, что это ты.

— Нет, — сказал Хосхакс, подходя ближе, — это не так. Но я могу отвести тебя к ним, и я... — Он взмахнул топором и направил его в голову Аота.

Циклоп ударил тупой поверхностью лезвия, и оно с лязгом ударилось о край шлема боевого мага. В противном случае удар, скорее всего, разнес бы Аоту мозги, а не просто сбил бы его с ног, из—за чего он неподвижно растянулся на снегу.

Джесри казалось, что разговор идет хорошо, поэтому внезапная ярость Хосхакса застала врасплох и её. К счастью, она пережила достаточно сражений, чтобы быстро избавиться от оцепенения. Она вскочила, вышла на открытое пространство, одним словом сбросила с себя завесу невидимости и окутала себя огнем, чтобы не подпустить к себе врагов.

А они как раз собирались напасть. Но Хосхакс и два других циклопа устали на нее, и боль пронзила ее глаза и грудь. Она упала, ее сердце бешено колотилось. Было ощущение, что оно разрывает себя на части.

Она изо всех сил пыталась произнести заклинание защиты, но это было нелегко, когда она не могла даже выдохнуть. Циклоп—воин усмехнулся, словно насмехаясь над ее отчаянными усилиями.

Внезапно с неба, в сопровождении дождя из веток, рухнул Джет. Ветки над головой были достаточно толстыми, чтобы грифон поцарапал себя во время крутого спуска, но, возможно, он тоже чувствовал отчаяние ситуации.

Грифон рухнул на циклопа, насмехавшегося над Джесри. Каким бы большим и сильным ни был великан, инерция Джета повалила его на землю, хотя и не прикончила. Циклоп напрягся, чтобы выбраться из—под нападавшего зверя и сжал свое копье, чтобы нанести им удар. В это время Джет царапал его, пытаясь сорвать броню и добраться до плоти под ней. Его когти скрежетали по металлу.

Чистые рефлекс испуга заставили остальных циклопов отойти прочь от зверя, рухнувшего между ними. Но вскоре они подняли свое оружие, чтобы помешать ему. Рычащие оборотни тоже начали окружать Джета.

Пока взгляды циклопов были отвлечены в другую сторону, Джесри удалось вдохнуть и прохрипеть свое заклинание. Ее сердцебиение стабилизировалось, и дрожащая боль утихла. Используя свой посох для поддержки, она поднялась на ноги.

Покачиваясь, она посмотрела на кружок врагов, которые, судя по всему, были всего в одном мгновении от того, чтобы окружить Джета и вместе напасть на него.

Она не могла поразить их всех, не задев при этом зверя, поэтому она протянула свою пылающую руку и щелкнула пальцами, произнеся командное слово. Стрелы красного света вырывались из ее пальцев и вонзались в широкие спины Хосхакса и еще одного циклопа. Великаны закричали и пошатнулись.

В тот же момент из темноты выскочил Вандар. С искаженным гневом лицом, из—за чего он выглядел таким же диким, как и любой из оборотней. Воин набросился на одного из циклопов и ударил ему в горло. Гигант отпрыгнул назад и поднял щит как раз вовремя, чтобы лезвие не пробило ему плоть. Металл лязгнул о металл.

Цера запела и замахнулась булавой над головой. Круг золотого света вспыхнул под ее ногами, и через снег вырвались лучи, из—за чего казалось, что она стоит на вершине светящейся башни. Лучи проникали достаточно далеко, чтобы пронзить некоторых оборотней и Джета. Ликантропы задержались, завизжали и зарычали. Грифон ударил одного оборотня и укусил его в предплечье.

На долю секунды враг замешкался, и Джесри подумала, что битва уже может считаться выигранной. Но затем Хосхакс взревел:

— Паротор, жрица солнца! Волки, грифон и берсерк! Я убью волшебницу!

Его подчиненные — циклопы и ликантропы — сконцентрировались на целях, которые он выбрал для них.

Багровый взгляд Хосхакса снова пронзил Джесри. К ее облегчению, в этот раз все было не так сокрушительно. У него не было силы глаз трех других циклопов, укрепляющих его, но даже так она предпочитала не встречаться с ним взглядом. Однако и без того ее отбросило назад и закружилась голова.

Она все еще не восстановила равновесие, когда Хосхакс достал дротик, который, казалось, просто появился у него в руке, и метнул его. Она дернула свой посох и выдохнула командное слово. Между ними вспыхнул диск красного света. Копье врезалось в щит и упало на землю.

Хосхакс атаковал. Его неуклюжие шаги стремительно сокращали расстояние, и его топор был поднят. Джесри поняла, что ее пламенная аура остановила его. Может быть, он думал, что своими длинными руками, жесткой кожей и перчатками он сможет сразить её и не навредить себе.

Она обратилась к ветру, и он ударил Хосхакса в лицо, замедлив его продвижение. При других обстоятельствах она могла бы попросить духов воздуха унести ее подальше от него, но местность была слишком тесной для полета. Ей не хотелось врезаться в дерево или запутаться в ветвях.

Циклоп отошел на расстояние удара. Злоба в его глазах была тверда, и его рука дернулась, когда он нацелил свой черный топор на голову волшебницы.

Она попросила ветер перестать толкать его, и тот сделал это. Когда великан потерял равновесие, она шагнула вперед и в сторону. Она была достаточно близко, чтобы ее огонь мог опалить большую часть его тела, но она не остановилась на этом. Конец ее посоха вспыхнул пламенем, и она ткнула им ему в глаз. Циклоп вздрогнул. Она промахнулась, но обожгла его челюсть, щеку и ухо.

Хосхакс вскрикнул и отшатнулся. Она швырнула к его ногам веерообразную вспышку желтого огня. Если она обожжет их, тем лучше, но ее настоящей целью было

растопить сугроб, на который он наткнулся. Как только это произошло, она отбарабанила стишок, указала посохом и выпустила порыв чистого холода.

Талая вода превратилась в лед вокруг ботинок Хосхакса. Он отступил еще на шаг, и его ноги скользнули вперед. Он упал на землю и расколол свою броню.

Джесри ухмыльнулась, потому что знала, что он у нее в руках. Она произнесла первое слово заклинания, предназначенного сжечь его плоть дотла, как вдруг чья—то хватка сомкнулась на ее лодыжке. Нogu вывернуло из—под нее, и она тоже упала.

На нее напал ликантроп в обличье истинного волка. Ее огненный ореол сжигал его мех и кожу под ним, но он все еще был в полном безумии. Он разомкнул челюсти на её ботинке только для того, чтобы добраться до горла.

Джесри подняла медный посох и ударила им оборотню в основание шеи. Монстр напрягся и попытался дотянуться до нее своими слюнявыми челюстями, и она изо всех сил пыталась удержать в руках посох и не давать ликантропу приблизиться. Лапы зверя вцепились в ее туловище. Его острые когти порвали ее одежду.

Руки волшебницы с каждым мгновением приближались к телу, оборотень не сбавлял напор. Скрежещущие, пенящиеся челюсти и сверкающие глаза над ними придвинулись ближе. Ожоги существа были ужасны, но оно, казалось, их даже не чувствовало, как и что—либо еще, кроме потребности убить врага.

Джесри изо всех сил пыталась одновременно удержать оборотня и произнести заклинание с необходимой точностью. При последнем слове часть ее огненной мантии устремилась в разинутую пасть нападавшего. Ликантроп вскрикнул один раз и рухнул, обожженный изнутри. Часть его тела мгновенно рассыпалась в пепел, и еще больше рассыпалось, когда труп принял человеческую форму.

Достаточное количество обугленного тела осталось нетронутым, чтобы показать, что Джесри только что убила ребенка—оборотня. Со вздохом отвращения она скинула с груди разваливающийся труп.

Хосхакс навис над ней, его взгляд пригвоздил ее к месту, как бабочку в витрине какого—то профессора. Он поднял свой топор.

Рыча, Джесри освободилась от паралича, но знала, что у нее есть время только на самое простое заклинание. Она вытянула свой посох и направила чистую силу через его наконечник.

Сила выстрелила в виде шара твердого света. Он ударил Хосхакса в пасть и разлетелся на осколки, которые исчезли, не успев упасть на землю. Циклоп упал замертво.

Иногда, подумала Джесри, простейшая магия делала свое дело. Хотя это помогло убить одного циклопа, но вокруг неё все еще были другие враги.

Как учил ее Аот, она огляделась, проверяя, нет ли новой угрозы. Она поднялась на ноги. Хосхакс все еще дышал, но последняя вспышка пламени исправит это. Она успокоила дыхание и подняла посох.

— Нет! — Звопила Цера. Джесри повернулась и увидела спешащую к ней жрицу. Она выглядела растрепанной, но невредимой, что, по—видимому, означало, что она избавилась от циклопов, которым Хосхакс приказал убить ее.

— Аот хочет задать вопросы пленнику, — продолжила Цера, — а он знает больше остальных.

Конечно, она была права, но Хосхакс также был тем, кто сразил Аота. Это, гораздо больше, чем попытка циклопа убить Джесри, заставило её хотеть сжечь его. Если боевой маг был не в порядке, то и она тоже. В Бездну задание, грифонов Йельбруны и проблемы Рашемена.

Однако на данный момент ей и ее товарищам нужно было закончить бой, чтобы Цера могла позаботиться об Аоте.

— Тогда следи за ним! — сказала она жрице, поворачиваясь и высматривая, где заклинание поможет больше всего.

На мгновение или два она не увидела причин использовать магию вообще. На земле грифон сражался чуть менее смертоносно, чем в воздухе, но даже при этом у Джета явно не было проблем с уничтожением оборотней. Он крутился среди груды изуродованных, окровавленных тел, когда последний враг унесся прочь на четырех ногах. Он запрыгал за ним, как кошка за мышкой.

С оскаленными зубами и сверкающими глазами Вандар оттолкнул человека — волка назад. Стиль берсерка был полностью наступательным: безжалостный натиск рубящих ударов. Он даже почти не защищался и, казалось, не осознавал, что его противник может причинить ему боль.

Ни один наемник в Братстве не стал бы сражаться так безрассудно, хотя бы потому, что мастера учили их действовать иначе. Но это работало. Кровавые раны на туловище оборотня свидетельствовали о том, что Вандар причинял ему боль быстрее, чем тот регенерировал свои раны. Всякий раз, когда волколак наносил удар когтями или клыками, берсерк каким-то образом умудрялся либо ответить на атаку блокирующим ударом, либо увернуться в сторону.

Внезапно четвероногий оборотень бросился из темноты на спину Вандара. Джесри подняла свой посох и выкрикнула команду. Образовавшиеся стрелы алого света пронзили существо как раз в тот момент, когда оно начало прыгать, превратив то, что могло быть смертельным прыжком, в кувыркающееся безжизненное тело.

Казалось, даже не осознавая, что позади него что-то было, Вандар продолжал давить на врага, пока его меч не разрезал шею оборотня наполовину. Ноги существа подогнулись, и оно упало на колени, слабо цепляясь за лезвие. Когда берсерк выдернул свое оружие из раны, зверь рухнул на голову, и бой был окончен.

Цера немедленно бросила упавшего Хосхакса, чтобы побежать к Аоту и опуститься на колени рядом с ним. Джесри догадалась, что это означает, что настала ее очередь стоять на страже. Она заняла соответствующую позицию, но ей было трудно обращать внимание на что-либо, кроме того, что делала Повелительница Солнца.

Может быть, ее беспокойство проявлялось в том, как она стояла. Когда Цера стянула помятый шлем Аота, Джет оглянулся и прохрипел:

— Он не умер. Я бы знал, если бы умер.

— Я знаю. — сказала Джесри. Но это не означало, что Аот не был сильно или смертельно ранен.

Цера на мгновение закрыла глаза, а затем ее плечи опустились в явном облегчении.

— С ним все в порядке, — сказала она. — Просто потерял сознание. Я разбужу его. — Она пробормотала молитву, и ее пальцы засветились золотым свечением. Она

осторожно прикоснулась ими ко лбу Аота, на котором уже виднелась полоса багрового синяка.

Аот пошевелился, и его сияющие голубые глаза в маске татуировки распахнулись.

— Тошнит, — простонал он. Цера помогла ему сесть, а он повернул голову, и его вырвало в снег.

— Лучше? — спросила она.

— Слегка, — ответил он, вытирая рот тыльной стороной ладони. — У меня до сих пор болит голова. Что со мной случилось?

— Хосхакс ударил тебя. — сказала Сера.

— Можно подумать, я помню. — сказал Аот.

— Это нормально, — ответила она. — Будь тут. — Она пробормотала вторую молитву и снова погладила его по лбу.

Он улыбнулся.

— Так намного лучше, — сказал он. — Спасибо. — Он огляделся, достал копье и встал. Цера тоже быстро поднялась и приготовилась поймать его, если он потеряет равновесие. Но он устоял.

Когда стало ясно, что он твердо стоит на ногах, Цера оглядела остальных своих товарищей.

— Кто—нибудь еще пострадал? — спросила она. — В частности, кого—нибудь покусали? Если это так, свет Хранителя может очистить вас, но нам нужно разобраться с этим прямо сейчас.

Судя по всему, все остальные были в порядке. Джет с пренебрежением упомянул об ударах и царапинах, которые он получил, ныряя в ветки.

— Так какова ситуация? — спросил Аот.

— Твой трюк не удался, — сказал Джет. — А остальным пришлось наводить порядок. Как всегда.

Аот криво улыбнулся.

— И не думай, что я этого не ценю, — сказал он. — Но вопрос в том, почему трюк не удался? Какой мятежник или мародер отвергнет потенциального союзника, когда ему предстоит сражаться с могущественным врагом?

— Все рашеми ненавидят тэйцев. — сказал Вандар. Выглядев опустошенным и дрожащим без своей ярости, он выдернул пробку из бутылки с водой.

Аот покачал головой.

— Если бы на меня напал оборотень или даже дуртан—нежить, это могло бы объяснить это, — сказал он. — Но волнуют ли фейри обиды, разделяющие группы людей?

— Возможно, циклопы узнали тебя, — сказала Цера. — Потому что ты можешь быть известен даже так далеко на севере, а может у них есть шпионы в Иммилмаре.

— Возможно. — сказал Аот, пожимая плечами. Снег, застрявший в звеньях его кольчуги, высыпался наружу.

— Нам не нужно строить догадки, — сказала Джесри. — Хосхакс жив. Разбуди его, и он сам все расскажет нам.

— Хорошая идея. — сказал Аот.

Все собрались вокруг циклопа. Аот взглянул на неуклюжее существо, убедившись, что он все еще без сознания, затем использовал острие своего копья, чтобы вытащить топор из его сжатой руки и выбросить его за пределы досягаемости. Затем он вынул изогнутый кинжал Хосхакса из ножен и поднял копье в дюйме над глазом.

— Теперь ты вылечи его чуть—чуть, чтобы он проснулся, — сказал он Цере. — Ему не нужно чувствовать себя хорошо.

— Амаунатор сделает то, что считает нужным. — ответила Цера с оттенком упрека. Но когда она наклонилась и применила к циклопам ту же магию, что и к Аоту, это было более резко и небрежно. Ожоги на лице Хосхакса покрылись шрамами, как будто он получил их несколько месяцев назад, и она попятилась от него.

Глаз фейри открылся. Он потерял дар речи и замер.

— Не делай глупостей, — сказал Аот. — Я брезгую вонзать копье в глаз пленника. Но я не настолько брезглив, чтобы не делать этого.

— Беспольные шавки. — прорычал Хосхакс.

— Не будь к ним слишком строг, — ответил Аот. — У нас был способный волшебник, и в любом случае они уже заплатили своими жизнями за то, что не смогли нас вынюхать. Боюсь, твои охранники тоже. Некому тебе помочь, если дела пойдут плохо.

— Чего ты хочешь? — спросил циклоп.

— Информации, — сказал Аот. — Почему ты ответил на предложение о помощи попыткой взять меня в плен?

Хосхакс заколебался.

— Я хотел привести тебя к тем, кто выше меня, — сказал он. — Но никому не позволено видеть путь к нашей крепости.

— А тебе не приходило в голову предложить мне повязку на глаза? — спросил Аот. — Попробуй еще раз.

— Волки, — сказал Хосхакс. — Ты забрал у них возможность вернуться в их деревни. Они хотели мести.

— Волки не были главными, — ответил Аот. — А ты был. Даже эта женщина, в конце концов, уступила тому, чего хотел ты. Скажи правду или потеряешь глаз.

— Я не могу тебе сказать! — сказал циклоп. — Я дал присягу.

Аот заставил острие засиять голубым свечением.

— Я обещаю, что никакая исцеляющая сила не отрастит его обратно, — сказал он. — Только не с моей магией, оставляющей рану. Итак, как живут слепые циклопы— калеки? Будут ли другие циклопы заботиться о тебе с любовью? Я сомневаюсь. Но поскольку твоя лояльность абсолютна...

— Нет! — сказал Хосхакс.

— Тогда скажи. — ответил Аот.

Одноглазый великан сглотнул.

— Я могу сказать только то, что знаю, — сказал он. — Я не из тех лордов, которые первыми заключили сделки с дуртан, и не из тех, кто совещался с ними, когда они вернулись. Я всего лишь лидер боевого отряда. Моя госпожа отдает мне приказы, не объясняя причин.

— Что за приказы?

— Мы должны сохранить наши усилия в секрете от всех живых людей, особенно от тех, кто верен хатран и Железному Лорду, — сказал Хосхакс. — Но и от тэйцев.

Аот нахмурился.

— Ты уверен, что она сказала именно это? Даже несмотря на то, что шансы столкнуться с тэйцем так далеко к северу от границы были ничтожны?

— Да. — сказал циклоп.

— Почему? Что именно ее беспокоило?

— Я только что сказал тебе, что не знаю.

— Как ведьмы—нежить и оборотни добрались на юг от леса Эрех, оставшись незамеченными?

— Я не знаю.

— Почему вы, темные фейри и дуртан, надеетесь победить на этот раз?

— Я не знаю.

Аот издал плюющийся звук.

— Тебе лучше знать что—то большее, чем то, что ты уже сказал. В противном случае наслаждайся видом моего лица, потому что это последнее...

— Это не дуртан! — сказал Хосхакс.

— Что?

— Я имею в виду, что это так, но они всего лишь часть чего—то большего. Живые дуртан не возвращают мертвых, потому что их нет. В конце последней войны хатран действительно уничтожили их.

— Тогда кто это делает?

— Я не знаю. Но они зачинщики всего этого. Планировщики. И это они с подозрением относится к Тэю.

Аот нахмурился.

— Эта твоя «госпожа». Она знает больше тебя?

— Я... полагаю, что да. — ответил циклоп.

— Тогда нам нужно, чтобы ты показал нам, где она живет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дай Шан взглянул на Железного Лорда и увидел существо немногим лучше дикого орка, сидящего на корточках в пещере. Самый тупой подмастерье в купеческом доме шу был более утонченным, чем такой марионеточный правитель, устроившийся в холодной, суровой маленькой комнате, примыкающей к его столь же безобразному тронному залу.

Именно потому, что он сам обладал качествами, которых явно не хватало Мангану Уруку, Дай Шан не беспокоился о том, что его чувство превосходства отразится на его лице или что его глубокий поклон передаст какую—либо иронию. Тем не менее, рашеми сердито посмотрели на него.

— Вы хотели личной встречи, — сказал Манган. — Скажи мне зачем. Ты узнал что—нибудь о нежити?

— Увы, нет, — ответил Дай Шан. — Мои люди честно старались, но... Ваше Высочество, вы когда-нибудь оказывались в смущающей ситуации, когда вам приходилось признавать, что дурак был прав?

— Не то, чтобы я припоминаю, — сказал Манган, жестом приглашая Дай Шана сесть с другой стороны стола.

Дай Шан отодвинул стул.

— Благодарю вас, благородный князь, — сказал он. — В данном случае Фолькерр Дульсаэр — глупец, о котором идет речь — глупый, высокомерный представитель глупого, высокомерного народа. Тем не менее, хоть он и шут, но в одном он прав. Тескианские торговцы не могут разгадать тайну, связанную с нежитью, некромантией и тому подобным.

Манган хмыкнул.

— Я видел, что произошло, когда ты использовал свою магию, — сказал он. — Я думал, может, ты хотя бы немного разбираешься в некромантии.

Дай Шан почувствовал укол удивления. Возможно, Железный Лорд был немного не таким простым, каким казался.

— Боюсь, что нет, — сказал торговец. — И, если я могу вернуться к теме: дело в том, что никакая группа чужеземцев — будь то шу, агларондец, халруаанец или тэец — вряд ли решит текущую проблему за вас. Мы просто слишком мало знаем о Рашемене. Мы не понимаем его историю и традиции.

— Йельбруна говорит по-другому. — сказал Манган.

— Ваше Высочество, я не имею в виду неуважение к хатран, когда утверждаю, что пророчество дает неверные указания практичным людям, — ответил шу. — По моему опыту, лучше действовать на основании здравого смысла, ибо потом, независимо от того, как все сложится, провидец даст вымученную интерпретацию первоначального предсказания, чтобы продемонстрировать, что все—таки все сбылось.

На мгновение губы Мангана изогнулись в улыбке. Это было открытие, которого ждал Дай Шан: знак того, что, по крайней мере время от времени, Железный Лорд в какой-то степени раздражался, слушая приказы вичларан.

— Я услышал вас, — сказал Манган. — Но такому «практичному» человеку, как я, ваши замечания до сих пор кажутся сводящимися к одному: вы сдаетесь. Но неужели вы не просили о личной беседе только для того, чтобы сказать мне это.

— Ваше Высочество столь же проницательны, сколь и доблестны, — ответил шу. — Я готов отказаться от избавления Рашемена от нежити. Но я не отказался от приобретения грифонов. Разговоры, которые мы вели, когда я впервые прибыл в Имилмар, дают мне надежду, что вы все еще видите некоторые преимущества в том, чтобы расстаться с ними по итогам простой деловой сделки.

Манган почесал свою короткую черную бороду с вкраплениями седины. Дай Шан не удивился бы, обнаружив, что у рашеми есть блохи.

— Вы знаете, у меня всегда было двоякое мнение по этому вопросу, — сказал Манган. — Я верю, что звери действительно являются даром духов, и у них, несомненно, есть потенциал стать грозным оружием. Но силы Рашемена никогда не включали в себя воздушную кавалерию — у нас едва ли есть подходящие всадники — и разумный воин увидит практические трудности в создании такого отряда с нуля, даже если ведьмы не увидят этого. Я также знаю, что Рашемен — бедное королевство,

потому что у нас нет ничего, что люди из других земель были бы готовы купить по приличной цене. Я подумал, может быть, у нас наконец—то есть что—то такое, и кто может сказать, что Трое не хотят, чтобы мы с этим что—то сделали?

Дай Шан улыбнулся.

— Только не я.

Манган не ответил на улыбку.

— Нет. Не вы, — ответил он. — Йельбруна. Она объявила об этом своем стремлении, и на этом мои представления о здравом смысле зачали.

— И все же вы Железный Лорд, — сказал шу. — Возлюбленный защитник своего народа. Я знаю, вы не хотите сказать, что вам нечего ответить.

Манган открыл было рот, чтобы заговорить, но помедлил.

Дай Шан наклонился вперед.

— Мне кажется, мудрый князь, — продолжал он, — что если вы прикажете отпустить грифонов под мою опеку, они непременно будут освобождены. Впоследствии, если вы сочтете нужным, вы можете сказать, что неправильно поняли планы хатран относительно них, или что Трое говорили с вами и приказали вам действовать так, как вы поступили. Наверняка в какой—то момент истории рашеми они даровали откровение мужчине. В любом случае, суть дела вот в чем: с исчезновением грифонов у агларондцев и других наемников не будет причин оставаться в Рашемене и пытаться помочь вам. И когда они уйдут, вичларан поймут, что они не посмеют затеять ссору с единственным оставшимся военачальником, который и расправится с нежитью. Это то, что вы хотели сделать с самого начала, если я не ошибаюсь, и я полностью уверен, что вы, в конечном итоге, сделаете это. К тому времени, когда вы их уничтожите, грифоны станут лишь угасающим воспоминанием, тогда как Манган Урук станет еще большим героем, чем когда—либо. Тогда хатран наверняка увидят, что ссориться с вами абсолютно бесполезно.

— Ты рассказываешь хорошую историю, — сказал Манган. — Но на самом деле это хатран присматривают за грифонами. Хатран, которые, несомненно, понимают истинные намерения Йельбруны.

— Одна жрица присматривает за животными, — ответил Дай Шан. — Одна. Я взял на себя смелость проверить это. Несомненно, два практичных человека могут придумать способ увести ее с поста. Тогда волшебник в моей компании, известный заклинатель зверей, ухитрится заменить чары, которыми Йельбруна управляет грифонами, своими собственными. После этого Рашемен нас больше не увидит.

Манган сел, нахмурился и задумался на несколько ударов сердца.

— Нет. — сказал он наконец.

Дай Шан вздохнул.

— Вы уверены, что это ваше последнее слово? — спросил шу.

— Да, — сказал Манган с улыбкой. — Простите, что разочаровал вас. Я думаю, вы были уверены, что поймали рыбу на крючок... Но Железный Лорд получает указания от Урлингвуда, даже когда он задается вопросом, действительно ли мудрые женщины так мудры. Я делаю это не только потому, что дал клятву, но и потому, что так было всегда. И мне все равно, как это выглядит для постороннего.

— Ваше Высочество, я все понимаю, — ответил шу. — Мудрый человек чтит пути своих предков.

За исключением тех случаев, когда они были слабоумными дикарями, которые жили в страхе перед его праmaterями, подумал Дай Шан.

— Ну что ж, — сказал Манган. — На этом все? Приказать поварам приготовить прощальный пир и приказать своим людям помочь вашим подготовить ледоходы к отплытию?

— На самом деле нет, — ответил Дай Шан. — С вашего позволения, мы, тескианцы, останемся еще на некоторое время и продолжим попытки решить проблему с нежитью.

— Даже несмотря на то, что вы только что сказали мне, что не можете?

— Я искал более короткий и надежный путь к грифонам. Но если такого пути не существует — что ж, возможно, задача, которую поставили перед нами хатран, не так уж и безнадежна. Единственный способ узнать это — приложить все усилия.

— Тогда идите и сделайте это.

— Да, о Августейший принц.

Дай Шан встал и поклонился.

— О, уважаемый! — позвал Манган.

— Да?

— Я пошлю несколько воинов, чтобы составить компанию этой одинокой хатран. Просто чтобы убедиться, что вы понимаете, что короткого пути не существует.

Покинув Железного Лорда, Дай Шан решил какое-то время пройтись по зубчатым стенам. Под черным звездным небом будет холодно, но тише, чем в покоях, которые камергер замка отвел для его компании и где его подчиненные и слуги бормочут, храпят или бродят. Одиночество помогало ему думать.

Хотя он не мог видеть грифонов на таком расстоянии даже днем, ему захотелось задержаться на северной стене и посмотреть в направлении холмов, где держали зверей. Клянусь пустым сердцем Шар, какое сокровище! Звери могли сделать Дом Шан самым богатым торговым предприятием в Телфлэмме и вдохновить отца Дай Шана назвать его своим наследником. В таком случае его братьям и сестрам лучше было бы начать свое пресмыкательство как можно скорее.

Но, несмотря на чередующиеся угрозы и обещания вознаграждения, его маги и жрецы до сих пор мало чего добились, и никто из других его последователей не мог разгадать тайны нежити. Поэтому казалось маловероятным, что шу смогут выиграть приз так, как предписала Йельбуна. Пришло время найти союзников, нарушить правила или и то, и другое.

Его первая попытка в этом направлении только что провалилась. Куда, спрашивал он себя, плотнее закутываясь в пальто от холодного свистящего ветра, бросить удочку дальше?

Устранить Фолкера Дульсаэра было легко. Агларондец был честным идиотом, как и Железный Лорд, хотя в случае с Железным Лордом его надменная вспыльчивость могла заставить наблюдателя, менее проницательного, чем Дай Шан, упустить из виду целостность, стоящую за ним.

Аот Фезим был, по крайней мере, умен, но, возможно, даже слишком. Дай Шан предпочитал союзников, которые были достаточно сообразительны, чтобы действовать без постоянного направления, но не настолько сообразительны, чтобы опередить момент, когда партнерство изжило себя. Кроме того, тэец, казалось, верил

в необходимость держать свое слово, выполнять свои контракты и во все подобные утомительные вещи, даже если в его недавней истории был один или два эпизода, говорящих об обратном.

Вандар Черлинка? Он был благородным идиотом, уже состоявшим в союзе с Фезимом, хотя Дай Шан не знал, почему. Похоже, они не любили друг друга. Возможно, они поняли, что у каждого есть ресурсы, которых не хватало другому, и, возможно, они нашли меру неохотного взаимного уважения, сражаясь бок о бок в священной роще.

Остался Марио Без. Достаточно умный и лишенный угрызений совести, он в настоящее время летал по сельской местности на своем небесном корабле, охотясь на призраков и тому подобное. Но он периодически возвращался в Иммилмар. Дай Шан предложит ему сотрудничество.

Итак, решено. Но Дай Шан все еще должен был подумать о другом, и это было более важной проблемой. Он мог придумать несколько причин, по которым осторожный человек избегал бы того курса действий, который он обдумывал. Но он добился известности в Доме Шан не благодаря осторожности — для этого требовались смелость и хитрость. Темная Богиня знает — его отец никогда не отдаст предпочтение сыну просто из любви, даже если бы старый змей действительно был способен чувствовать эмоции.

Дай Шан внезапно понял, что сделал второй выбор. Каким—то образом, представив своего отца, иссохшего, парализованного и опирающегося на груды подушек, но такого же хитрого, безжалостного и цепкого, как всегда, он сделал это для него.

Он огляделся, чтобы убедиться, что его не заметили. У Железного Лорда, несомненно, были часовые, которые должны были ходить по зубчатым стенам, но в данный момент их не было видно. Он прошептал:

— Просыпайся.

Лунный свет дал ему едва заметный намек на тень. В темноте многие люди могли не заметить её даже после того, как она подпрыгнула. Но Дай Шан без труда разглядел чернильную рябь — своего рода мерцание — когда она двигалась и внимательно наклоняла голову. Он даже мог чувствовать ее взгляд и желание угодить ему. Только сделав последнее, он мог хотя бы ненадолго заполнить ноющую пустоту внутри себя.

— Иди вперед, — сказал он, — и найди нежить, беспокоящую эту землю. Приведи её ко мне, когда найдешь её.

Тень поклонилась. Она развернулась, прыгнула между двумя зубцами, рухнула на землю за пределами замка и умчалась прочь. Части её тела плавно растягивались и сжимались. Через мгновение или два она исчезла в ночи, и даже её хозяин больше не мог её разглядеть.

Дай Шан знал, что может никогда больше не увидеть её. Она тоже был своего рода нежитью, но это не означало, что она могла вынюхать воинов дуртан, или что они будут доверять или подчиняться ей. Тем не менее, как и обращение к Безу, эту тактику стоило попробовать.

Было невозможно угадать, кто, если вообще кто—нибудь, поможет Дай Шану забрать грифонов. Но именем Черной Луны, он как—нибудь заберет их. И если в

результате Рашемен пострадает... Что ж, Железный Лорд был прав в одном: его бедная, варварская земля все равно никогда не была важным торговым партнером.

* * * * *

Аот продолжал двигать глазами. Он высматривал угрозы, крадущиеся среди деревьев, и следил за Хосхаксом. Даже со связанными за спиной руками и ногами, сжатыми веревкой, покрытой серебряной пылью, которая изначально предназначалась для сдерживания оборотней, он все равно мог попытаться сбежать или предупредить об их приближении.

Аот оценил состояние своего отряда, убедившись, что они готовы выполнить то, что он собирался от них потребовать. Как бы он ни доверял им — ну, всем им, кроме Вандара, — он бы понял, если бы они нервничали. Они уже участвовали в одном бою, и хотя все они вышли из него практически невредимыми, такие столкновения имели свои последствия. Вдобавок ко всему, все знали, что заклинатели уже израсходовали изрядное количество своей мистической силы. При других обстоятельствах Аот отложил бы набег, пока они не отдохнут и не восстановятся, но если он промедлит, хозяйка Хосхакса начнет волноваться из-за того, что циклопы, отправившиеся навстречу волчьей стае, не вернулись.

К счастью, никто не выглядел уставшим. Даже Цера, которая, возможно, все еще не была настоящим воином, даже если с тех пор, как она попала к Аоту, она сражалась с врагами более ужасными, чем когда-либо приходилось сталкиваться большинству солдат. И даже Джесри, которая когда-то провела много времени в ужасной ловушке мире духов и, вероятно, не хотела возвращаться туда. Он почувствовал прилив гордости и привязанности к ним обоим.

— *Вандар выглядит таким же бодрым.* — сказал Джет, мысленно Грифон парил над верхушками деревьев, наблюдая за всем свысока.

Аот фыркнул.

— *Он слишком глуп, чтобы понять, во что мы ввязываемся.*

— *Он Рашеми. Он знает о фейри больше, чем мы. Тебе просто не нравится, как он дерется.*

— *Ты прав. Это небрежно и недисциплинированно.*

— *Это не так уж отличается от того, как мы выкручиваемся из передраг, в которые ты нас втягиваешь.*

— *Но мы стараемся не попасть в них. Мы сохраняем хладнокровие, и это позволяет нам избегать таких передраг. Вот почему, пока, мы еще живы.*

Хосхакс, спотыкаясь, повернулся лицом к своим похитителям. Аот слегка повернул глаза в сторону, чтобы не смотреть прямо в горящий взгляд циклопа.

— Впереди, — сказал Хосхакс. — Ты увидишь.

— Возвращайся тем же путем, которым мы пришли, — сказал Аот. — Мы найдем тебя и развяжем, когда вернемся. И помни, мой грифон наблюдает за тобой. Если ты попытаешься избавиться от своих оков, предупредишь своих друзей или сделаешь что-то еще, что нам не понравится, он разорвет тебя на части.

Пленник нахмурился.

— Я услышал тебя.

— Тогда иди.

Пока Аот и его товарищи крались вперед, а Хосхакс ковылял в противоположном направлении, Джет сказал:

— Если мы убьем его, никому не придется следить за ним, и тогда я смогу пойти с тобой.

— Это не единственная причина, по которой я оставляю тебя на страже, и даже не главная, — ответил Аот. — Ты незаметен в полете, а не на земле, а скрытность — это то, что нам требуется сейчас. Кроме того, если у нас возникнут проблемы, я вызову тебя, и ты сможешь прийти или позвать на помощь.

— Ты имеешь в виду, слетать в Чессенту? Там находится остальная часть Братства, а никого в Рашемене не волнует, что происходит с тэйцами.

— Если что-то случится, отправляйся в клык Вандара. Думаю, они послушаются грифона, который скажет им, что их вождь в беде.

— И, к счастью, до них всего несколько дней пути.

— Тогда придумай план получше. Просто делай это тихо. Мне нужно сосредоточиться на том, что я делаю, чтобы нас не нужно было спасать.

Корявое колючее дерево с искривленными разветвленными ветвями, похожими на когтистые руки, стояло на некотором расстоянии от своего ближайшего соседа. Аот не узнал этот вид, но заметил, что оно выглядело мертвым. Пятна гнили на его стволе выделяли его в сезон, когда все лиственные деревья сбросили листву.

Чего он не мог разглядеть, даже глазами, тронутыми пламенем, так это того, что терновник был часовым, охраняющим своё окружение. Но он все равно проговорил слова, которым его научил Хосхакс.

Дерево вздрогнуло, его ветки затрещали. Цера рефлекторно сделал шаг назад, а Вандар поднял свое копье. Джесри высвободила огонь из наконечника своего посоха, и Аот нацелил свое копье.

Но терновник не попытался причинить им вреда. С его извивающимися как щупальца корнями, вырывающимися из земли, он протянул руку и поднял участок земли, как люк на петлях. Озаренные бледным светом снизу грубые ступени из песчаника — высокие и глубокие, размером подходящие для циклопа — спускались вниз, под землю.

— Я пойду первым, — сказал Аот. — Я смогу видеть, несмотря ни на что. Джес, ты вторая, а Цера третья. Вандар, ты в арьергарде.

Берсерк сердито посмотрел на него, но — для приятного разнообразия — спорить не стал.

Как только Вандар оказался внутри, хранитель терновника опустил заглушку обратно в отверстие. Спустившись, Аот и его товарищи вскоре подошли к источнику свечения: своего рода колыхающейся завесе света.

Аот, к своему недовольству, заколебался, увидев портал. Возможно, это было потому, что, несмотря на богатый событиями первый век своей жизни, он только однажды посетил другой план — безжизненный маленький искусственный мир Сзасса Тэма — и ему не очень понравилось это путешествие. Воин сплюнул, приготовил копье и зашагал дальше.

Все изменилось.

Аот все еще спускался вниз по лестнице, но вокруг него уже не было земли. Они были в помещении из черного камня: необработанного, но блестящего, словно отполированного. Жилы золота и рубинов или чего—то подобного светились в скале, давая пространству дополнительное освещение. Замысловатость узоров и богатство цветов завораживали. Аот знал, что должен оставаться на чеку, но не мог удержаться от того, чтобы не посмотреть на особенно великолепные детали хотя бы пару ударов сердца. А потом вон тот...

Что—то врезалось ему в спину и толкнуло вперед. Он спустился по ступенькам и изо всех сил постарался не упасть. Это усилие вывело его из оцепенения.

Он повернулся и посмотрел на своих спутников. Когда они шагнули в портал, каждый запнулся и затаил дыхание, как, без сомнения, и Аот, замороженный открывшейся перед ними сверхъестественной красотой.

Это была красота, которой восхищались все. Цера и Джесри всегда были прекрасны в глазах Аота, но, хотя он не мог сказать, как изменилась какая—либо их черта, теперь каждая из них казалась ему такой же безупречной и сияющей, как богини. Даже у Вандара была идеальная мускулатура и пронизательный, бесстрашный вид героя из глупой истории какого—нибудь лживого барда.

— Хосхакс не лгал, — сказал Аот, больше для того, чтобы разбудить своих товарищей. — Его люди живут в Стране Фей, а не в Царстве Теней.

Царство Теней было миром тьмы, смерти и разложения, который когда—то посетили Джесри и Гаэдинн. Страна Фей была его ярким аналогом: царством света и жизненной силы. Аот чувствовал себя бодрым, лишь вдыхая здешний воздух.

— Это прекрасно. — выдохнула Цера.

— Не позволяй чудесам усыпить тебя. — сказал Аот.

— И ты, — ответила она. — Ты видишь их лучше, чем мы.

— Не позволяйте себе впасть в транс, — сказал Вандар. — Теперь мы можем двигаться дальше? Мы же не хотим, чтобы нас поймали на этом этапе.

— Ты прав, — сказал Аот, — не хотим.

Пока он вел своих товарищей вперед, стараясь ни на что не смотреть слишком долго, дабы красота не привлекала его, он заметил неприятную пустоту в своей голове. По—видимому, переход на другой план существования заблокировал его психическую связь с Джетом.

Компаньоны добрались до маленькой комнаты у подножия лестницы без происшествий. Перед ними открылась пещера. Там магия, труд ремесленников или комбинация того и другого превратили большую часть блестящего черного камня с его светящимися разноцветными прожилками в арки, балконы, окна, зубчатые стены и башни. Они были богато украшены и внушительны, как фасад дворца зулкира. От этого великолепия Аоту захотелось просто встать и поглазеть. Он встряхнул головой, чтобы очистить ее — тут вполне могли быть часовые, наблюдающие за входом в убежище, и ему и его товарищам нужно было сосредоточиться на этом.

— Готовы? — прошептал он.

— Да. — сказала Джесри. Она пробормотала заклинания сокрытия, и ее магия пронзила его кожу, как ледяные иглы.

— Моя очередь. — сказала Цера. Ее губы зашевелились в безмолвной молитве.

Аоту показалось парадоксальным просить бога солнца помочь тебе спрятаться. Но солнце было не только великим источником тепла и света. Его движение также определяло величественное течение времени, и Амаунатор наделил некоторых своих клериков способностью вмешиваться в субъективное восприятие времени наблюдателем. Цера хотела сократить время, необходимое для того, чтобы сократить время перехода до намеченной цели до кратчайшего мгновения, чтобы даже если наблюдатель имел возможность проникнуть сквозь завесу Джесри, незваные гости появлялись и исчезали так быстро, что их присутствие не было бы замечено.

— Это должно сработать. — сказала жрица.

Аот вздохнул.

— Пошли. — сказал он и выбежал на открытое пространство.

Он сделал это в три шага, а затем его поразила вспышка боли.

Со своего наблюдательного пункта в вестибюле у подножия лестницы Аот не мог видеть большие, стилизованные глаза, вырезанные высоко на стенах хранилища. Без сомнения, именно так и задумывали те, кто создал магическую ловушку. Зрачок каждого иероглифа засветился красным, как зрачок глаза циклопа, и их взгляды давили на него, словно огромная скала.

Пока он и его товарищи шатались, пытаясь устоять на ногах, он заметил зубчатые стены прямо над аркой, через которую они только что прошли. Пара циклопов стояла там с арбалетами в руках, находясь в идеальном положении для того, чтобы отстреливать незваных гостей, обездвиженных магией.

Иными словами, они запросто могли убить Аота и его спутников. Волны жара пробежали по его коже, что, вероятно, означало, что контрмагия сжигала его чары невидимости.

Он должен был двигаться. Аот ударил по двум татуировкам под кольчугой. Первая выпустила покалывающий прилив силы, который смыл часть боли. Второй было защитное заклинание, которое, как он надеялся, отклонит часть силы глаз. Все еще чувствуя, что несет огромную ношу, он пошатнулся и сделал шаг, потом другой.

Цера тоже.

— Хранитель, — выдохнула она, — Хранитель, Хранитель, Хранитель.

Джесри говорила на одном из языков Небесного Дома. Холодный воющий ветер дул в спины нарушителей, толкая их вперед.

Ветер помог, но Вандар все равно рухнул на колени и не мог подняться без посторонней помощи. Аот покачнулся, схватил его за предплечье и поднял на ноги.

Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы пересечь похожее на двор пространство и нырнуть в один из самых маленьких дверных проемов. Как только они это сделали, боль и ощущение непрекращающегося давления исчезли. Аоту больше всего хотелось прислониться к стене и отдышаться, но он заставил себя увести остальных по проходу достаточно далеко, чтобы циклопы—часовые не могли их увидеть. В этот момент искусно вырезанная каменная кладка уступила место чему—то, что, за исключением ровного пола, могло быть почти естественным туннелем, хотя темная блестящая скала оставалась очень красивой.

— Ну, — выдохнула Цера. Ее круглое лицо блестело от пота. — Это было интересно. Но будем надеяться, что нет никаких других мелких деталей, о которых Хосхакс забыл упомянуть.

— Там все было хорошо приготовлено, — натянуто сказала Джесри. — Мои чары быстро сгорели. Это твоя магия спасла нас.

— Глаза были созданы, чтобы срывать покровы иллюзий, — ответила Цера. — Нам повезло, что подарок Хранителя был не таким.

Вандар повернулся к Аоту.

— Спасибо, что помог мне подняться. — сказал берсерк, хотя и неохотно.

— Я должен был, — сказал Аот. — Если бы тебя поймала охрана, они бы начали искать остальных.

Вандар нахмурился.

Аот вздохнул.

— Во имя Черного Пламени, вождь клыка, это была шутка, — сказал он. — Ну, в основном. Очевидно, что все мы здесь, и поэтому заботимся друг о друге по мере необходимости.

Он огляделся.

— Все готовы к переходу?

Остальные кивнули.

— Мы в маленьком туннеле без украшений, — сказал Аот. — Я предполагаю, что это место, где живут и трудятся рабы или слуги. Если Тимора улыбнется нам, мы не столкнемся ни с какими циклопами, а рабам будет на нас наплевать. Просто постарайся выглядеть так, как будто вы здесь уже были.

Они крались вперед через то, что вскоре оказалось лабиринтом проходов. Во многих отношениях, включая соблазнительную красоту, которая продолжала привлекать внимание Аота, место было странным, но иногда оно напоминало ему служебные помещения любого дворца. Гоблины храпели на поддонах в помещении, похожем на общежитие. Инструменты — некоторые из них имели настолько причудливую форму, что их предназначение оставалось для Аота загадкой, — стояли в углах или висели на штырях и крючках на стенах. А в захлавленной, грязной кухне, предназначенной для того, чтобы кормить рабов, а не их хозяев, с потолка свисали выпотрошенные туши огромных крыс, а на подушке из углей в очаге дымился и кипел железный котел.

Оранжевое сияние углей завораживало. Несмотря на решимость Аота сохранять бдительность, он на мгновение задержал взгляд, пока кто-то не сказал:

— Псс!

Вздвогнув, он огляделся. Висячая выпотрошенная крыса с щетинистой черной шкурой смотрела на него алыми глазами—бусинками. Сочетание цветов на мгновение напомнило ему о Джете, хотя грифон наверняка обиделся бы на такое сравнение.

— Ты не умерла? — спросил Вандар.

— Я выгляжу мертвой? — спросила крыса. Аот услышал нотки боли в её высоком пищащем голосе.

Цера сказала:

— Вообще—то да.

Существо хмыкнуло.

— Достаточно честно, Повелительница Солнца, достаточно справедливо, — сказал он. — Но вы могли бы сделать мне лучше. Вы и ваши исцеляющие руки.

— Может быть и могла бы, — сказал Вандар. — Но у тебя вид либо испорченной фейри, либо пробужденного зверя, объединившегося с ними. Поэтому я не знаю, зачем ей помогать тебе.

— Чтобы я не болтал о том, что во дворце есть незваные гости, — ответило существо. — Охранники время от времени проходят мимо.

Берсерк выхватил кинжал.

— Я знаю еще один способ заставить тебя замолчать. — сказал он.

Несмотря на свое искалеченное состояние, крысе удалось поднять передние лапы в умиротворяющем жесте.

— Спокойно, человек! Я просто пошутил, — сказала она. — Вы должны освободить меня по той причине, что вы либо шпионы, либо воры, либо убийцы, а я сам некоторое время шпионил здесь. Что бы вы ни искали, я могу вам помочь.

Аот огляделся, проверяя, не приближается ли кто. Судя по всему, никого не было.

— Кто вы и на кого шпионили? — спросил воин.

— Меня зовут Зил, — ответила крыса. — Имя принца, которому я служу, ничего для тебя не значит.

— Но он темный фейри, не так ли? — спросил Вандар. — А это значит, что существо на его службе, не тот, кому следует доверять.

— Если ты что-нибудь знаешь о фейри, — сказала Зил, — темных или нет, ты знаешь, что мы держим сделку или обещание. И я клянусь рогом Луру, если ты освободишь меня и исцелишь, я помогу тебе выполнить любую безрассудную задачу, ради которой ты пришел.

Сера посмотрела на Аота. «Мы не должны оставлять ни одно существо в таком бедственном положении», — сказала она.

Вандар поднял свой нож. — Со всем уважением, госпожа, я не собираюсь, — ответил берсерк.

Зил не сводил глаз с Аота.

— Я действительно могу помочь, — сказал он. — И в свое время ты сражался на стороне более мерзких тварей, чем я.

Аот криво улыбнулся.

— Не знаю, откуда ты это знаешь, но это правда, — сказал он. — Вандар, ты уже достал нож, так что можешь перерезать провод вокруг его ног. Порежь и его, если он попытается укусить тебя или убежать.

Нахмурившись, рашеми спустили Зила и положили его на стол среди разбросанных хлебных крошек и обрезков желтого гриба. Цера пробормотала молитву, от которой ее рука засветилась, и нежно прижала пальцы к ужасной ране грызуна.

В ране не было никаких внутренностей. Зил поднялся на ноги с новой энергией и сказал:

— Спасибо. Теперь твоя очередь, дух огня. Если ты охладишь угли и горшок, я тоже буду тебе благодарен.

Джесри нацелила свой посох и метнула ледяную вспышку в котел и очаг. Пар вырвался наружу, когда холод встретился с жаром.

Зил спрыгнул со стола, пробежал по полу, вскочил на край котла и прыгнул внутрь. В течение следующих нескольких мгновений куски крысиных внутренностей

вылетели из сосуда и шлепнулись на блестящий черный пол. Аот с легким брезгливым восхищением наблюдал, как Зил выпрыгнул обратно за органами и, встав на задние лапы и используя передние как руки, запихнул их обратно в полость своего тела. Закончив, он стянул свои лоскуты кожи и мышц и отрезал их ударом когтя. Его живот вздулся, поскольку органы внутри, по—видимому, перестроились и снова прикрепились друг к другу.

Зил поднял глаза и поймал взгляды команды путников.

— Обычно я сам справляюсь с заживлением ран, — выпалил он. — Мне просто нужен был толчок, чтобы начать. Итак, что это за поручение, которое вы выполняете?

Аот рассказал ему все детали истории.

Все еще глядя вверх с пола, Зил склонил голову набок. Он казался растерянным, как будто снова беспомощно болтался вверх ногами на другом конце кухни.

— Это... может быть не так просто. — сказал он.

— Ну, — сказал Аот, — ты шпионил за ними. Если ты уже знаешь информацию, которая нам нужна, ты можешь просто поделиться ею и избавить нас от некоторых проблем.

— К сожалению, нет, — ответила крыса. — Итак... Дай подумать...

— Мы уже слишком долго торчим здесь. — сказал Вандар.

— Терпение, берсерк, — сказала Зил, — я не учу тебя, как резать собственную плоть и брызгать пеной изо рта, — Зил снова посмотрела на Аота. — Следуй за мной. — сказал он, опускаясь на четвереньки и направляясь к выходу.

Когда они вышли из кухни, Джесри махнула рукой в сторону очага. Огонь вырвался из углей, чтобы снова закипеть в котле и превратить остатки инея или воды в пар.

— Если ты такой способный шпион, — спросил Вандар, — как они тебя поймали?

— Они не поймали меня, — сказал Зил. — Они поймали обыкновенную крысу. Если бы они понимали, что это я, то я бы висел в камере пыток, а не в кладовой для рабов.

— И все же, — сказала Цера, сжимая свою позолоченную булаву, — как они тебя достали?

— Тебе, целительница, признаюсь — они нашли меня в пьяном обмороке, — сказала Зил. — Когда их хозяева не смотрят, гоблины гонят самогон из столовых объедков, поганок и тому подобного. Это грязно, но я уже давно живу в доме леди Гронтэ. Я бы сошла с ума, если бы не удовлетворял себя, когда у меня есть шанс. Теперь, тише, все. Мы слишком шумим.

Аот думал, что крыса была права, и поэтому, хотя у него было полно вопросов, он позволил Зилу вести их дальше в молчании. В какой—то момент впереди появился воин—циклоп, но он, очевидно, не мог видеть во мраке достаточно далеко, чтобы заметить незваных гостей. Аот прошептал:

— Замрите.

Его товарищи повиновались, и неповоротливое существо исчезло в ответвляющемся проходе, даже не осознав, что что—то не так.

Постепенно туннели и камеры, которые они соединяли, становились все более и более грубыми и неправильными, и показывали все меньше и меньше признаков использования, пока незваные гости не оказались в естественной пещере. Зил

остановился перед отверстием шириной с ладонь Аота, которое поднималось от пола до колена человека.

— Это, — сказала крыса, — туннель, который я использую, чтобы шпионить за хозяйкой дома. Не волнуйтесь, он достаточно велик для людей по ту сторону дыры.

— Возможно, — сказал Вандар. — Но можем ли мы пробить стену и не на шуметь так, чтобы циклопы не напали на раз все разом?

— Дух огня может. — ответил Зил.

Нахмурившись, Джесри сказала:

— Да. Разойдитесь.

Все остальные отступили, а волшебница встала перед стеной. Она произнесла слова силы на одном из языков земных элементарей. Ее высокий ясный голос справлялся с твердыми согласными и хрипылыми нечеловеческими звуками без малейшего намека на фальшь. На мгновение складки ее залатанного, испачканного плаща и пряди ее золотых волос зашевелились, как будто ревнивый ветер дергал их, моля о ее внимании.

Со скрежетом и хрустом стена вокруг дыры разошлась. За ней находился естественный тоннель. Пол вел то вверх, то вниз. В некоторых местах стены углублялись внутрь тоннеля, а в других потолок прогибался настолько низко, что человеку приходилось наклониться, чтобы пройти под ним.

— А здесь будет еще теснее? — спросил Аот.

— Кое—где, — ответил Зил. — Но я обещаю, вы все сможете пройти, если постараетесь.

Оказалось, что он был прав, хотя в какой—то момент путь сузился до такого узкого горлышка, что Аот задумался, сможет ли кто—нибудь, кроме Джесри, пролезть сквозь него, не снимая доспехов. Затем ему пришла в голову идея создать слой жира на поверхности камня, чтобы было легче пробираться через узкое место, и когда Аот, с его широкими плечами и бочкообразной грудью, преуспел, он понял, что его товарищи тоже могли повторить это.

К его облегчению, после этого путь расширился. Спустя несколько минут они достигли места, где небольшая трещина в стене примерно в четыре фута высотой представляла собой естественный глазок. След света просачивался с другой стороны.

Зил вскочил на выступ в камне прямо под трещиной. Он поднялся на задние лапы, заглянул внутрь, а затем жестом позвал своих товарищей к себе. Аот присел.

Свод на другой стороне был чем—то вроде каменного сада, где из пола возвышались скульптуры деревьев и цветов, во многих случаях украшенные листьями, плодами и цветами из золота, серебра и какого—то зеленого металла или сплава. Вода плескалась в фонтанах и текла по каналам, над которыми были перекинuty арочные мосты. Человеческим глазам мосты казались аномально широкими и массивными. Конечно, они должны были быть приспособлены для существ размером с циклопа, не говоря уже о хозяйке, которой они были обязаны своей верностью.

Леди Гронтэ бездельничала в чем—то вроде беседки — огромной, как мосты — в центре хранилища. Великан с безволосой шкурой уродливого лилового цвета, похожей на синяк, горбатой спиной и двумя глазами разного размера, она была вдвое крупнее любого из пяти самцов—циклопов, сопровождавших ее. Большой глаз был

полностью янтарным, за исключением щелевидного зрачка, а у маленького была коричневая радужная оболочка, белая склера и круглый зрачок.

Аот никогда прежде не сталкивался с таким существом. Хосхакс сказал ему, что она фомор, и, глядя на нее, он почувствовал своего рода удивление. Он считал ее одним из самых гротескных существ, которых он когда—либо видел. Но Страна Фей придавала даже ее уродству особый шарм.

Тем не менее, если сама Гронтэ не казалась совершенно гротескной, Аот не мог сказать того же о ее нынешнем времяпрепровождении. Хотя мужчины—циклопы выглядели детьми по сравнению с их огромной хозяйкой, их отношение к ней было таким же, как у нетерпеливых женихов, которых Аот наблюдал во время ухаживаний за какой—то прославленной красавицей в местах, где экстравагантная галантность была в моде. Один рисовал углем фомору, другой кормил ее шляпками грибов, а третий читал то, что Аот, хотя и не знал языка, принял за любовную поэзию циклопов. Поэт акцентировал особенно страстные фразы ударами по цимбалам, лежащим у него на коленях.

Аот жестом приказал своим спутникам взглянуть а это. Когда подошла очередь Церы, она прошептала:

— Ты, должно быть, шутишь.

— Как ни смешно это выглядит, — так же мягко ответил Аот, — пусть это не отвлекает тебя от того факта, что эти существа опасны. Теперь госпожа Удача благоволит нам. Гронтэ рядом. Нам не нужно бродить по ее пещерам, охотясь за ней. Мы собираемся извлечь максимальную пользу из нашей удачи, нанеся сокрушительный и быстрый удар.

Он сказал своим товарищам, что он от них хотел.

— А я? — спросил Зил.

Аот понятия не имел, чем крыса могла бы помочь, и ему не хотелось тратить время на то, чтобы выяснить это.

— Просто сделай себя полезным, как сможешь. — сказал он.

Все они глубоко вздохнули и подняли своё оружие. Цера пробормотала молитву, которая заставила Аота — и, по—видимому, всех остальных — почувствовать себя отдохнувшими. Мыслью Джесри окутала себя огнем, а затем обратилась к стене. Она хотела, чтобы камень развалился быстро, а не тихо, из—за чего стена рухнула с треском.

Вздрогнув, Гронтэ и ее супруги резко обернулись. Аот пробрался через брешь, навел копье, произнес команду и применил одно из заклинаний, хранящихся внутри оружия. Облако зеленоватого пара вырвалось и окутало беседку. Воин чувствовал его гнилостный смрад даже на расстоянии, а в самом клубящемся тумане кого—то начало тошнить.

Циклоп—поэт вылетел из облака с цимбалами в руке. Его взгляд пронзил Аота, который почувствовал приступ головной боли, но благодаря благословию Церы, укрепившему его, он не почувствовал ничего более тяжелого. Он метнул стрелы лазурного света из наконечника своего копья, и они вонзились в туловище циклопа.

Монстр пошатнулся, но не упал. Он метнул огромные цимбалы, и они полетели в Аота, как камень из катапульты.

Застигнутый врасплох, Аот едва успел отпрыгнуть в сторону. Цимбалы врезались в стену позади него с треском дерева и звоном струн.

Циклоп обнажил клинок и двинулся вперед. Аот занес копье, чтобы защититься, но Вандар завизжал, как грифон, и промчался мимо него, чтобы первым сразиться с великаном. Аот задался вопросом — действительно ли берсерк следовал плану или просто бросился на первого появившегося врага. В любом случае, это позволило Аоту сосредоточиться на поисках леди Гронтэ.

Оглядевшись, он мельком увидел Церу, напевающую и размахивающую булавой над головой. Стержень обжигающего света вырвался из наконечника её оружия и ударил прямо в лицо циклопу, кормившему свою госпожу шляпками грибов. Он вскрикнул и закрыл ладонью глаз.

Тем временем Джесри пела за спиной Аота. Помимо только что проделанной брешки, в комнате было два входа, и ее следующей задачей было запечатать их до того, как через них ворвутся другие циклопы. Массы камней застучали, захрустели и сдвинулись, когда ее сила сдернула их вместе, как занавески. С потолка посыпались куски камня.

Гронтэ выплыла из сотворенного Аотом тумана. Ее шелковое платье было забрызгано рвотой цвета грибов и красного вина.

— Тебе нужен я! — закричал Аот, делая пару шагов вперед. — Я создал туман!

В ответ она закрыла свой маленький глаз и посмотрела большим. Хотя он никогда раньше не сталкивался с фоморами, Аот слышал, что они, как и их вассалы — циклопы, обладают силой сглаза. Он повернул голову, чтобы не встречаться с ней взглядом.

Это не имело значения. Чати снова умерла, сгорая в одно мгновение, когда жезл в ее руке взорвался. Зеркало вонзил свой призрачный меч в изуродованную скелетную форму Сзасса Тэма, и они оба ярко вспыхнули, но когда свет померк, призрак исчез, а лич остался. Сзасс Тэм повернулся, сорвал голову Барериса с плеч и двинулся на Аота.

И он был не единственным. Со своим посохом, мерцающим от магии, Маларк скользнул к боку наемника. Аласклербанбастос и Чаззар возвышались над остальными врагами Аота — каждый дракон мотнул головой вперед и широко открыл пасть, извергая свое дыхательное оружие.

Аот вскрикнул и пошатнулся, потеряв бдительность. Гронтэ бросилась вперед, а ее огромные руки протянулись, чтобы схватить его.

Воин подождал, пока она почти не оказалась у него. Затем, довольный тем, что его уловка сработала, он увернулся, зарядил свое копье силой и ударил ее в колено, когда она пронеслась мимо.

Он смог сделать это, потому что, хотя ему ни в коем случае не было приятно наблюдать, как люди, о которых он заботился, умирают снова и снова, или видеть, как несколько старых врагов нападают на него одновременно, его истинный взгляд мгновенно разрушал силу иллюзорных видений. Они не могли дезориентировать или даже причинить ему боль, что произошло бы с любым другим. Но притвориться, что заклинание Гронтэ сработало, было хорошим способом заманить её поближе.

Острые копыта Аота разрывало плоть и поцарапало кости великанши. Фомор вскрикнула и пошатнулась, но не упала. Вместо этого она снова повернулась к воину

лицом. Он отбарабанил заклинание, которое поместило его в ступицу вращающегося колеса лезвий. Парящая на уровне груди, защитная аура атаковала бы любого врага, отважившегося на удар. Но, по всей вероятности, это повредило бы только конечности великанши, а не её жизненно важным органам.

Слишком поздно он понял, что Гронтэ не собирался снова атаковать его. Во всяком случае, пока нет. Вместо этого она призвала собственную магию. Она махнула кулаком в его сторону, будто имитируя удар, и зеленый и желтый свет замерцали в её кольце с кошачьим глазом на ее среднем пальце, образуя в воздухе калейдоскопический узор.

Аот больше не смотрел на иллюзии, которые с легкостью игнорировал. Свет был всего лишь светом, но он был в высшей степени прекрасен — его способность очаровывать усиливалась как атмосферой Страны Фей, так и сверхъестественно острым зрением Аота. Он напрягся, чтобы отвернуться, вырваться на свободу, но какая—то предательская часть его не хотела этого.

Поняв, что она заколдовала его, Гронтэ искоса схватила маленькое резное грушевое деревце, с поразительной силой скрутила его и оторвала от пола. Аот увидел, что импровизированная дубина облегчит ей удары по нему, позволив игнорировать вращающиеся клинки, а импровизированная дубина раздробит его кости в кучу осколков, но он так и не смог заставить себя сдвинуться с места. С кровью, текущей из ее раненого колена, фомор захромала вперед.

Внезапно Зил метнулась мимо Аота и взобрался на окровавленную ногу фоморы. На мгновение он остановился, чтобы укусить и поцарапать рану от копья, а затем поспешил вперед. Он исчез под краем ее платья.

Гронтэ взревела и ударила кулаком по движущемуся комку под тканью. Каким—то образом она промазала и ударила лишь себя. Зил переполз с переды на спину, туда, куда ей было бы трудно дотянуться, и где, как предположил Аот, он вцепился в ее плоть.

Все еще ревя, фомор подняла каменное дерево над головой и несколько раз толкнула им вниз, как огромной, неуклюжей чесалкой для спины. Серебряные груши с лязгом упали на пол и с грохотом покатались по нему.

Тем временем циклоп на периферии поля зрения Аота взмахнул мечом по летящей булаве золотого света, которая атаковала его. Удерживая гиганта занятым, сотворенное оружие позволило Цере попробовать помочь Аоту. Пронзительным голосом — но все же подходящим для заклинания — она отбарабанила молитву.

Она освободила его. Внезапно, хотя плавающий, меняющийся узор был все еще прекрасен, его власть над Аотом ослабла. На мгновение он почувствовал запоздалый ужас от того, что был таким беспомощным, но быстро прогнал его.

К тому времени скрежещущие каменные ветки сорвали платье Гронтэ с ее тела. Одежда свисала с дерева, как рваный флаг на шесте. Она снова ударила своим оружием вниз, и оно, наконец, сбilo Зила с насеста и швырнуло его на пол. Она повернулась, обнажая спину, испещренную рубцами, порезами и следами укусов, как будто ее кто—то выпорол, и уставилась на крысу. Дёргаясь, словно в припадке, Гронтэ закинула дерево над головой.

Аот выпустил из своего копья веерообразное пламя, и оно брызнуло на ее скрюченную, окровавленную спину. Она взвыла и пошатнулась.

— Я все еще здесь, страшилище! — проревел он. — Закончи со мной, а потом уже занимайся крысами!

Она обернулась, как он и хотел. Сила ее взгляда была подобна удару молота по лицу. Он пошатнулся и закричал, и так быстро, как только позволяла ее раненая нога, она бросилась на него.

К тому времени, как Аот восстановил равновесие, каменное дерево понеслось на него по горизонтальной дуге. Он отпрыгнул назад, и оно не попало в его тело, но зацепило конец его копья. Сила удара вырвала оружие из его руки и пронзила её болью. Он подозревал, что она была почти сломана или, как минимум, вывихнута.

Аот выхватил короткий меч, который был для него запасным оружием. Он не был искусным в обращении с ним, и при этом в нём не было столько магии, сколько в копье, но и её должно было быть достаточно.

Ему придется подобраться к фомору и остаться вблизи неё, чтобы клинок мог добраться до нее. Было опасно подходить к ней так близко, и как раз когда Аот подошел к ней, она нанесла удар слева.

Аот попытался прыгнуть вперед еще быстрее и оказался в пределах досягаемости гиганта. Ее руки были над ним, и ветки каменного дерева царапали, хлопали и трещали, скользя по участку пола за её спиной. Колесо лезвий нанесло глубокую рану здоровой ноге Гронтэ, прежде чем магия исчезла. Сделав последний шаг, Аот сократил дистанцию, зарядил свой меч разрушительной силой и нанес второй по раненному копьём колену.

Меч вонзился глубоко, но великанша все равно не упала. Хотя рана, должно быть, причиняла ей боль, она неоднократно пыталась наступить на Аота и ударить верхушкой каменного дерева ему по голове. Она чередовала эту тактику с попыткой отползти достаточно далеко, чтобы его меч не мог достать до нее, и в то же время пыталась задеть Аота, размахивая самодельным оружием. Он уворачивался, упрямо преследуя ее всякий раз, когда она пыталась увеличить расстояние, и наносил ей удары всякий раз, когда она давала ему шанс.

Тем временем что-то начало стучать по другую сторону одной из арок, которую Джесри запечатала своим волшебством. До сих пор Аот и его товарищи держались, но казалось маловероятным, что их мастерства хватит для битвы с целой армией циклопов.

Это означало, что они должны были закончить бой быстро. Аот должен был, поскольку все зависело от него. Все остальные, по сути, просто не давали циклопам напасть на него.

Гронтэ попытался еще раз отступить и Аот, двигаясь медленнее, стараясь выглядеть утомленным — это было не сложно — позволил ей увеличить дистанцию. Она вскрикнула и закружила каменное дерево — все серебристые груши упали, многие ветки обломались — еще одним размахистым горизонтальным движением.

Аот не пытался увернуться. Он позволил ей увеличить дистанцию именно для того, чтобы она могла нанести еще один из своих дуговых ударов — им требовалось больше времени, чтобы добраться до цели. Если повезет, они даже дадут время на прочтение заклинания. Он отбарабанил слова силы, когда каменное дерево направилось к нему, и встретил удар своим мечом.

Луч зеленого света вырвался из лезвия и ударил в импровизированное оружие. Все дерево на мгновение засветилось изумрудным светом, а затем просто исчезло.

Внезапное отсутствие его веса выбило фомору из равновесия. Аот ринулся вперед и атаковал ближайшую ногу, словно безумный лесоруб, отчаянно пытающийся свалить дерево.

Он несколько раз рубанул, нанося новые раны конечности, которая, как и её хозяйка, уже представляла собой кровавое, изодранное месиво.

Брызнула кровь. Гронтэ взревела, споткнулась и упала головой вниз. Когда она рухнула, пол сотрясся, и Аот тоже чуть не потерял равновесие.

Он подбежал к ее голове, схватил край уха и прижал острие меча к пульсирующей артерии сбоку на ее шее.

— Не двигайся! — выдохнул он. — Скажи циклопам, чтобы отступили! Сейчас же, или ты умрешь!

Она на мгновение заколебалась, а затем закричала:

— Все, остановитесь!

Ему доставляло смутное удовлетворение то, что она звучала так же взволнованно, как и он.

Когда Аот убедился, что она действительно перестала сопротивляться, он рискнул быстро оглядеться. К его облегчению, все его союзники оказались в порядке. Они даже убили двоих циклопов: одного, которого Джесри, по—видимому, сожгла заживо, а другого, который выглядел так, будто погиб от комбинации порезов мечом и укусов больших клыкастых челюстей. Укусы не были похожи на результаты какого—либо заклинания, которое использовали Джесри или Цера, и Аот мог только предположить, что виновата какая—то магия, которую призвал Зил. Уцелевшие циклопы опустили оружие и попятились от своих противников.

Внезапно камень, закрывающий одну из арок, разлетелся вдребезги со вспышкой серебристого света и гулким эхом, и еще больше воинов—циклопов протиснулось через брешь. К счастью, они дрогнули, увидев клинок Аота у горла Гронтэ.

— Хорошо, — сказал он великанше. — Теперь все должны сохранять спокойствие, ты ответишь на несколько вопросов, а затем безопасно выведешь меня и моих друзей отсюда.

— Тебе повезет, если ты успеешь, — процедила она, — раньше, чем я истеку кровью.

Он понял, что это может оказаться правдой.

— Цера, если у тебя еще остались силы, сохрани ее в живых. — сказал он.

— Хорошо, — ответила жрица. Молитвой и прикосновением блестящей руки она остановила ритмичное артериальное кровотечение.

— Вот, — сказал Аот. — Ты не должна становиться хуже. Ну, в смысле, еще хуже.

— Кто вы, люди? — прорычала фомор.

— Агенты Железного Лорда и вичларан. — ответил Аот.

— Ну, не все из нас, — сказал Зил. — Похоже, моя маскировка изжила себя, так что эти болваны должны знать, кто их перехитрил и победил.

Контуры его тела изменились, когда он начал менять форму.

Хотя он не считал себя вычурным человеком, Аот представлял себе, что его новый союзник теперь может оказаться зловеще красивым волшебником дроу или

особенно отвратительным дьяволом. В конце концов, именно такие превращения происходили в сказках в этот момент истории. Но он почувствовал смесь разочарования и насмешки над собственным романтизмом, когда черная крыса превратилась в черного зайца.

Но если он не был впечатлен, то Гронтэ была впечатлена.

— Ты! — прорычала она.

Зил рассмеялся и сказал:

— Да. Я уже несколько месяцев прячусь прямо здесь, в твоём дворце.

— И я полагаю, тебе есть что сказать по этому поводу, — сказал Аот своей пленнице. — Но потом. Прямо сейчас ты должна рассказать мне о дуртан—нежити, и не трудись отрицать, будто не знаешь, о чем я говорю. Я уже допросил твоего воина Хосхакса.

Фомор сплюнула.

— Я проклинаю ночь, когда вернулись дуртан! — сказала она.

— Хатран тоже не слишком этому рады, — сказал Аот. — Но почему — помимо твоего нынешнего положения — ты так говоришь?

— Когда мой народ впервые вступил в союз с дуртан, мы должны были помочь им свергнуть хатран, а они должны были помочь нам сокрушить наших врагов в Стране Фей...

— Таких, как я! — вмешался Зил.

— ...и Шэдоу в равной степени. Но так называемая «Война ведьм» была катастрофой. Хатран уничтожили дуртан, и наши враги унизили нас. Возможно, среди моих людей есть люди, которым не терпится снова оказаться в том же положении, но я не из их числа. Вот почему я живу здесь: потому что я не выношу компании дураков.

— Так почему, — спросила Цера, — ты помогла дуртан завербовать оборотней на свою сторону?

Великанша фыркнула.

— Гончие — ничто, — сказала она. — Просто удобный инструмент, который мы создали в этой цитадели, чтобы не пускать людей на мою землю.

— Итак, расставшись с чем—то малоценным, — сказал Аот, — ты удовлетворила дуртан и выиграла себе время, чтобы решить, действительно ли ты хочешь снова с ними связываться.

— Да.

— Кто вернул дуртан к жизни?

— Другая нежить, предположительно откуда—то издалека. Я не знаю, откуда именно. Я встречалась только с дуртан, а не с теми, кто поднял их из могил.

— Если они так далеко, — спросил Вандар, дрожа теперь, когда его ярость прошла, — какое им дело до Рашемана?

— Я не могу сказать вам, почему они решили прийти именно в эту землю, — сказала Гронтэ. — Но я знаю, что их намерения — установить своего рода гегемонию нежити. Дуртан будут править здесь, как захотят, но их владычество будет частью чего—то большего.

— Как тарчи, составляющие Тэй. — сказал Аот.

— Да. — ответила фомор.

— И это объясняет, почему захватчики так обеспокоены тем, что Сзасс Тэм и его лейтенанты узнают о них. Тэй уже является империей нежити и некромантии. Я сомневаюсь, что ему нужен соперник, и у него вполне может быть сила уничтожить зарождающегося конкурента прежде, чем он действительно начнет действовать.

— Так я думаю.

— А когда нежить будет править Рашеменом, что получает от этого твой народ? Фомор усмехнулась.

— Те, кто приходил ко мне в гости, давали практически те же обещания, что и раньше, — сказала она. — Нежить будет править в мире смертных, а мой народ будет править в царстве духов.

— Как дуртан и другая нежить путешествуют по Рашемену так, что наблюдатели хатран не заметили их?

— Не могу сказать, но это полезный трюк.

— Что еще они могут? Какова их великая стратегия для победы в новой войне?

— Этого я тоже не знаю.

— Ты должна хотя бы иметь какое-то представление о том, где они разместили свой «штаб».

— Это Цитадель Тралкарн? — спросил Вандар, имея в виду руины, которые когда-то были главной цитаделью дуртан.

Фомор фыркнула.

— Ты думаешь, они настолько глупы, чтобы утвердиться там, где берсерки и остальные будут искать из в первую очередь? Нет, захватчики посетили Цитадель Тралкарн раньше, чем вы поняли, что что-то не так. Они подняли из мертвых кого могли, разграбили то, что можно было разграбить, и двинулись дальше.

— Куда? — спросил Аот.

— Я не знаю, все ли их капитаны там, или даже кто главный и где он. Но они набираются сил в Крепости Полудемона, — сказала Гронтэ с ухмылкой. — Но их там достаточно, чтобы убить твою маленькую банду, я уверена.

— Разве это не руины наров? — спросила Цера. — Они поднимают мертвых наров?

— Спроси их, когда встретишь, если ты достаточно глупа, чтобы туда пойти. — ответила фомор.

— Мы не будем выглядеть глупо, когда мой клык будет с нами, — сказал Вандар. — Это то, чего мы с братьями ждали. Теперь, когда мы знаем, где найти наших врагов, мы можем убить их.

— Никаких шансов, — сказал Зил. — Или, по крайней мере, если мои люди не помогут.

— А они помогут? — спросил Аот.

— Могли бы, — сказал заяц. — Ссора между людьми и их мертвыми бабушками не имеет для нас большого значения. Но если эти захватчики внушают нашим врагам среди фей глупые представления о возможностях и если они вмешиваются в дела демонов, которых нары оставили запертыми в своих пентаграммах и тому подобном, это может стать проблемой. Конечно, мы могли бы попросить моего принца прислать воинов, чтобы разобраться в ситуации. Один из вас мог бы присоединиться ко мне, чтобы помочь объяснить ему это.

В то время как другие, подумал Аот, полетят обратно в домик в Иммилмаре. Затем две силы встретятся возле крепости с привидениями.

— Похоже, вы все поняли, — проворчала Гронтэ. — Так почему бы вам не уйти и не оставить меня в покое?

— Я же говорил тебе, — сказал Аот. — Мы будем держать тебя в заложниках до тех пор, пока ты и только ты не выведешь нас обратно на поверхность. К сожалению, мне нужно держать оружие у твоего горла, так что тебе придется смириться с тем, что я поеду верхом на твоём плече. То есть, если ты не хочешь ползти.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Это была деревня, группа простых хижин на скалистых холмах между озером Ашейн и Урлингвудом. В такой заводи было сравнительно немного людей, которых можно было бы убить, и еще меньше тех, кто мог бы дать бой мертвецам. К тому времени, когда появилась тень Дай Шаня, бойня почти закончилась, но не совсем. Он почувствовал выживших прежде, чем увидел их, как точки тепла в холоде и темноте. Он также ощущал своих братьев как что-то более холодное, чем просто холодное, и более пустое, чем просто пустое.

Когда тень бежала вниз по склону, один ухмыляющийся труп схватил маленького мальчика за лодыжки, а другой за запястья. Они тянули его в противоположные стороны, и если они надеялись разорвать его надвое, то потерпели неудачу. Но он кричал, когда его руки и ноги выпали из суставов.

Упырь растерзал женщину, а затем, когда жертва перестала сопротивляться, ради эксперимента укусил ее за плечо. Он снова выплюнул окровавленную плоть, бросил тело на землю и, раскачиваясь на костяшках пальцев, побежал к маленькому кладбищу.

Мужчина вонзил копье в существо, настолько разложившееся, что тень не могла сказать, было ли оно изначально мужчиной или женщиной. Хотя у него не осталось глаз в темных и мягких обломках, заменявших ему голову, существо посмотрело на оружие, а затем схватило нападавшего за шею.

Тень должна была решить, как лучше подойти к убийцам. Она все еще мрачно размышляла, когда среди бойни внезапно появились хатран в белой накидке, плаще и маске с одним рогом, а также единорог.

Вместе они излучали серебристое сияние, которое обжигало и ослепляло мертвых, как солнечный свет. Пока существа еще не оправились от этого, единорог хлестнул головой и разорвал мягкое тело одного из них надвое своим рогом. Хатран произнесла молитву, от которой левая половина тела гуля обратилась в пыль. После того, как оставшаяся часть упала, она слабо и тщетно попыталась уползти.

Возможно, из-за того, что тень никому не причинила вреда, жрица и единорог ее не заметили. Она поняла, что у неё есть возможность завоевать доверие и внимание своих братьев—нежити. Она кружила позади единорога и хатран. И внезапно напала.

Когда она подобралась достаточно близко, бледный свет опалил и её, но боль была терпимой. Она прыгнула, как кошка, приземлившись на спину единорога и вонзив свои замерзшие бестелесные руки в плоть священного животного. Единорог дернулся и закричал.

Подняв скимитар, ведьма повернулась к своему союзнику. Но прежде чем она успела ударить или наложить заклинание на тень, прямо позади нее в воздухе появился чертенок размером с ястреба, с трепещущими крыльями, как у летучей мыши, заостренными ушами и пастью, полной игольчатых клыков. Он хлестнул хвостом и жалом на его конце по затылку хатран.

Жало, казалось, не пронзило ее шерстяной капюшон, но она развернулась, чтобы защитить себя от парящего дьявола, и предоставила единорогу заботиться о себе самому.

Тень несколько раз ударила священного зверя так быстро, как только могла, но животное просто исчезло из—под нападавшего.

Тень пролилась на землю, как вода. Единорог снова появился в поле зрения сбоку и мгновенно прыгнул, направив на врага сияющий рог.

Тень отлетела в сторону, и удар прошел мимо. Единорог развернулся, встал на дыбы и ударил её передними копытами. Один удар толкнул её руку, и она почувствовала шок от боли.

Вспышка темно—красного, как—то грязного пламени брызнула на бок единорога. Животное закричало и пошатнулось, падая на четвереньки. Пока оно пыталось восстановить равновесие, в бой вмешалась другая нежить и ударила его по голове боевым молотом. Брызнула кровь и захрустела кость. Единорог рухнул и лежал неподвижно. Туман серебристого свечения, окружавший его и хатран, потускнел.

Убийца животного представлял собой ходячий труп с тремя бесплотными черепами на плечах вместо одного. Судя по его кольчуге, выцветшему, истлевшему, но богато вышитому сюртуку и явной силе, он почти наверняка был капитаном отряда налетчиков.

Когда единорог был убит, предводитель нежити повернулся к хатран, но напрасно. Женщина упала под натиском жалящих ударов нескольких бесов. В следующий момент бледное свечение полностью исчезло, погаснув вместе с ее жизнью.

Лидер отряда огляделся, и в глазницах среднего черепа забурила тьма. Павшие миньоны существа зашевелились, когда вливание силы восстановило раны, нанесенные им единорогом и ведьмой.

Вожак свистнул и поднял руку в массивной перчатке, напоминающей перчатку сокольника. Рыча и бормоча окровавленными ртами, бесы поднялись с трупа хатран и полетели к своему хозяину. Когда каждый приблизился к перчатке, он исчезал.

Затем трехголовое существо повернулось, чтобы посмотреть на тень.

— Ты не один из моих, — сказал средний череп. — Но ты можешь быть им. Ты можешь присоединиться к нам.

Но тень знала, что это не так, потому что ее воля не принадлежала ей. Она была связанной со своим хозяином, который сделал её для одной конкретной цели, и пришло время ее выполнить.

Тень забрала всю свою силу и направила ее на свою конечную цель. При этом она погибла, а на её месте появился Дай Шан.

Ну, не совсем, подумал шу, отвесив трехголовой нежити глубокий и вежливый поклон. Она все еще была тенью, или, может быть, в тот момент её было более уместно называть отражением. В любом случае, она перестанет существовать, когда магия, создавшая её, иссякнет. Однако до тех пор она могла думать и говорить, как сам Дай Шан, поэтому точно знала, что ей было нужно.

— Насколько я понимаю, — сказал предводитель менее сердечным тоном, чем раньше, — вы повелитель тени, которая только что пожертвовала собой, чтобы дать вам возможность появиться передо мной.

— Да, — сказал Дай Шан, стараясь не рисковать, реагируя на запах разложения и сожженного единорога, загрязняющий холодный ночной воздух. — Я создал и командовал ей. Я Дай Шан из Дома Шан в Телфлэмме, если эти имена что-нибудь значат для такого почтенного мага, которого я вижу перед собой.

— Это преступление для любого из живых — пытаться контролировать нежить. — сказал вожак.

Дай Шан изогнул бровь.

— Даже ту, которая никогда бы не существовала, если бы живой человек не создал его из клочка самого себя? — спросил он. — Я не уверен, что это неоспоримо рационально или неоспоримо справедливо. Тем не менее, я смиренно извиняюсь за то, что непреднамеренно оскорбил ваши обычаи.

— Это не «обычай». Это закон.

— Как скажете. — сказал Дай Шан. Здесь действительно было холодно, и шу приказал себе не дрожать. Мало того, что это опозорит его, но это может привести к тому, что существо с тремя головами вообразит, что он боится, а это, в свою очередь, может вызвать агрессию.

— Но, к сожалению, уже слишком поздно применять какой-либо закон в интересах тени, — продолжил Дай Шан. — Как проникательно вы заметили, её уже невозможно вернуть, и человек, который её создал и направлял, для вас недостижим. В таком случае, не будет ли более продуктивным, если вы и его доверенное лицо обсудите вопросы, представляющие взаимный интерес, до того, как я тоже исчезну?

Вожак нежити хмыкнул, или, возможно, это был единственный скупой приступ смеха.

— Что тебе нужно, Дай Шан из дома Шан в Телфлэмме? — сказал он.

— Начнем с имени доблестного лидера, если вы сочтете нужным почтить меня им. — ответил шу.

— Сокольниковый подойдет. Что еще вы хотите?

— Грифоны.

Нежить заколебалась.

— Я не знаю, что вы имеете в виду. — сказал он.

— Тогда, пожалуйста, позвольте мне просветить вас. — сказал Дай Шан. Он рассказал нежити о пойманных зверях, Йельбруне, и объявленном ею соревновании.

Когда он закончил, Сокольниковый сказал:

— Это звучит так, как будто вы — или призрак, который был здесь до вас — должен был сражаться на стороне единорога.

— Только если бы я думал, что мои агенты и я могли бы внести значительный вклад в победу хатран, — ответил Дай Шан, — но что, если я сомневаюсь, что такая победа вообще возможна? Что, если я думаю, что у вас, восставших наров и дуртан, больше шансов победить? Тогда было бы разумно присоединиться к вам. Это, конечно, если вы готовы расстаться с грифонами, чтобы компенсировать мне помощь, которую я окажу вам.

Сокольников потрогал бесплотную челюсть среднего черепа и сказал:

— Если бы я был этой Йельбруной, я вполне мог бы послать агента — или его «доверенное лицо» — сделать такое предложение в надежде, что какая-нибудь доверчивая душа согласится и расскажет важную информацию. Особенно, если не было реального риска для самого агента.

Про себя Дай Шан признавал проницательность Сокольника. Это действительно была одна из уловок в игре, в которой он пытался быть на стороне всех — или, по крайней мере, хатран, нежити и Марио Беза — одновременно.

— Благородный воин, — сказал он, — вы поступили мудро, раз проявили осторожность, и я действительно не ожидал меньшего. Но я верю, что знаю, как развеять ваши опасения. Не говори мне ничего. Еще нет. Вместо этого просто позвольте мне помочь вам. Я объяснил, что есть еще четыре группы, которые стремятся уничтожить вас. Позвольте мне уничтожить одну из них, чтобы продемонстрировать свою добросовестность.

— У меня есть определенная власть, но я не верховный главнокомандующий всех себе подобных, — ответила нежить. — Я не могу сказать да или нет такому предприятию.

— Тогда я предлагаю разработать средство связи, которое позволит продолжить такие обсуждения. — сказал шу.

* * * * *

Цера вскрикнула, когда сладкое нарастающее давление внутри нее вырвалось наружу, и Аот хмыкнул, закончив вместе с ней. Через несколько мгновений он скатился с нее, и какое-то время они лежали, прижавшись друг к другу потными телами, совершенно расслабленные и глядящие вверх на стропила длинного дома Борилака Мурокина.

— Это было восхитительно. — сказала она через некоторое время.

— Рад, что тебе понравилось. — ответил он, усмехнувшись.

— Интересно, каково было бы сделать это в Стране Фей.

— Мы были немного заняты, и, может быть, это даже к лучшему. Если бы это было слишком хорошо...

— Тогда занятия любовью в нашем мире могут нас больше не удовлетворять? Я не верю, что это когда-либо могло произойти.

— Я тоже.

— Но я думаю, это должно было задержать нас там на какое-то время, — она надулась. — Хотя я приехала на север только для того, чтобы быть с тобой.

Он смотрел на неё, не понимая – дразнит она его или нет. Судя по её взгляду, она и сама не понимала этого.

— Ты же знаешь, что я не хочу расставаться, — сказал он. — Но я не думаю, что кому—то из нас стоит идти куда—то одному...

— И, очевидно, — ответила она, — Вандар должен быть одним из тех, кто вернётся в Имилмар, чтобы привести Клык Грифонов на север. Но он и Джесри могли бы отправиться с ветром на восток, а мы с Зилом отправимся к фейри.

Аот вздохнул, прежде чем сказать:

— Я бы хотел сделать именно так, но...

— Ты не думаешь, что тебе следует отделяться от Джесри. — ответила Цера.

— Это так очевидно?

— Мне.

— Ну, я надеюсь, что не ей. Я не хочу, чтобы она думала, что я ей не доверяю. Это не так. Не настолько все плохо. Но я беспокоюсь. Она говорит, что рада, что изменилась, и я понимаю, что это может быть правдой. Но так ли это? Временами она так упорно боролась, чтобы преодолеть свои проблемы. Что это, как не повод сдатьсь им?

— Я понимаю твоё беспокойство, и, конечно же, ты должен позаботиться о ней. Она твоя приемная дочь или достаточно близка тебе, и я не хочу, чтобы ты думал, что забота о ней создает проблему между тобой и мной. Это просто...

— Что?

Цера сама не была уверена, что на самом деле хотела сказать, но продолжила, как могла.

— Во время той последней битвы в Лутчеке мы убили драконов. Возможно, сама того не осознавая, я пошла на это, думая, что если мы сможем справиться с этим, то никакой меньший враг не сможет нам навредить. Я, конечно, не ожидала, что это путешествие будет особенно опасным. Но мы чуть не потеряли Джета в священной роще. Я могла потерять тебя, когда фомор держал тебя загипнотизированным.

— Но теперь у нас все в порядке. — сказал Аот.

— Но все это слишком опасно.

Аот нахмурился.

— Дорогая, я не знаю, что ты хочешь. Чтобы я сказал, что мы непобедимы? Ты не ребенок и сама все понимаешь. Любой солдат может погибнуть в любом бою против любого врага. Все, что нужно, это одна ошибка или немного невезения. Но ты, Джес, Джет и я хороши в том, что делаем. Шансы большую часть времени с нами, а когда их нет, мы жульничаем.

— Я знаю, и я не боюсь...

— В этом я уверен.

— Меня просто поражает, что ты всегда будешь воином и будешь сражаться в битвах. Вот кто ты. Но неужели должно быть так? После того, что ты совершил в Чессенте, Шала Каранок с радостью предоставит тебе там постоянное место. Ты мог бы быть дворянином; Джесри, Гаэдинн и Кхорин могли быть рыцарями; а Братство могло стать частью регулярной армии.

— И тебе не придется выбирать между тем, чтобы быть главой своей Церкви в Чессенте и остаться со мной.

— Я люблю тебя, Аот. На самом деле люблю. Но я не могу скитаться с тобой по миру, если Амаунатор скажет мне, что мое место в Лутчеке.

— И я люблю тебя. На самом деле люблю. Но я не стану вассалом какого—либо лорда. Даже такого хорошего, как Шала.

— Почему бы и нет?

— Наверное, потому, что в молодости я служил слишком многим плохим лордам. Их амбиции опустошили мою родину, и они использовали меня, совершенно не заботясь о моем благополучии. И, в конце концов, это заставило меня решить, что я больше никогда не буду думать о ком—то как о хорошем человеке или как о своем господине. Я никогда и не думал. Наемники предлагают свои услуги королям и им подобным, но контракты всегда временны и они существуют на наших условиях.

Она поерзала, устраиваясь на изгибе его мускулистой руки.

— Я знаю, что ты независим, — сказала она. — Тебе даже не нравится предположение, что Бог говорит тебе, что делать.

— Ты права, — ответил он. — Когда Йельбруна начала бредить сообщениями от духов и отправлять нас всех на поиски, я был почти готов бросить все это предприятие, — он улыбнулся кривой улыбкой. — Но только почти. Мне нужны эти грифоны.

— Тогда как—нибудь мы их победим, — вздохнула она. — И, наверное, к тому времени пора будет возвращаться домой.

— Где соберутся все вы, Повелители и Повелительницы Солнца, и никто не знает, чем это кончится. Другие могут даже не пытаться избрать тебя. Бьюсь об заклад, есть священники, которые занимаются политиканством в твоё отсутствие.

Цера решила не говорить, что какая—то ее часть тоже хотела получить этот сан.

* * * * *

Фолкер Дульсаэр посмотрел на грифонов, спящих в заснеженном поле. Мужчины развели костры в разных точках, как приказал их командир. Некоторые из наездников на грифонах ворчали, что выносливые скакуны могут справиться с холодом, и Дульсаэр в частном порядке признал, что они почти наверняка были правы. Но он всегда заботился о благополучии зверей. Это, по его мнению, было истинным признаком порядочного человека: он хорошо заботился о меньших существах, таких как животные и дети, которых судьба отдала ему на попечение.

Его глаза автоматически отыскивали Коппера, его собственное животное, дремлющее, как и все остальные. Он понял, что хоть он и устал почти так же, как и его зверь, ему хотелось бы провести утро в полете, только он и грифон. Это могло бы помочь ему забыть разочарование от того, что он целыми днями бороздил эту жалкую, варварскую землю, так и не найдя свою добычу.

— Даже во сне, — сказал мягкий баритон, — звери великолепны.

Вздвогнув, Дульсаэр резко обернулся и увидел, что Дай Шан стоит прямо, неподвижно и как—то смутно изящно. От дыхания шоу исходил пар, но кроме этого не было никаких признаков того, что он чувствовал холод, хотя его длинное зеленое пальто не выглядело таким уж теплым. Длинные дома Имилмара с остроконечными дерновыми крышами стояли позади него на расстоянии выстрела из лука, коричневые пятна в мире зимней белизны.

Рот Дульсаэра сжался. Он никогда не любил Дай Шана и возненавидел его еще больше с тех пор, как торговец выставил его дураком перед хатран. Тем не менее, он полагал, что ему надлежит проявить к этому человеку капельку вежливости.

— Да, великолепны, — сказал он. — Вы выехали из города, чтобы посмотреть на них?

Дай Шан улыбнулся и сказал:

— Это грифоны заманили нас всех сюда, храбрый капитан. Естественно, хотелось бы познакомиться с ними поближе. И теперь, когда Железный Лорд выставил охрану, чтобы мы не подходили слишком близко к диким существам, мне больше негде их изучить. Должен сказать, они выглядят такими же сильными и свирепыми, как и те, из—за которых мы ссоримся.

Дульсаэр кивнул.

— Абсолютно. — сказал он.

— В связи с чем возникает вопрос, — сказал шу, — если у Агларонда уже есть грифоны такого качества, почему вы так стремитесь заполучить тех, что находятся в руках рашеми?

— То, чего хотят симбархи, исполняет их слуга.

— Но я абсолютно уверен, что такой проницательный офицер знает, зачем они им нужны, и может просветить меня, если захочет.

Дульсаэр пожал плечами.

— Полагаю, это не секрет, а просто здравый смысл. Когда дело доходит до такого оружия, как грифоны, его не может быть слишком много. Вы также мудры, чтобы понять – хорошо, когда такого оружия нет у твоих врагов. В первый раз, когда Агларонд попытался отвоевать Предел Волшебников, этот ренегат Фезим привел против нас грифонов, и это было одной из причин, по которой мы проиграли. Если на то пошло, у самого Тэя когда—то был Легион Грифонов. Ты не думаешь, что они восстановили бы его, если бы им дали шанс?

— Может и так.

— А Тэй — враг всех остальных земель на Востоке. Но если бы у вас были грифоны, вы бы продали их Сзассу Тэму, не так ли? Думаю, его золото тратится так же, как и все остальные.

— Меня огорчает, доблестный сэр, что вы, кажется, относитесь к моей профессии с пренебрежением. Я смиренно признаю, что она не такая героическая, как ваша, но все же без коммерции это был бы безрадостный и трудный мир.

— Может, и так, но скажи мне, что я ошибаюсь насчет грифонов и тебя.

— Лично обо мне — да. У меня есть некоторое представление об источнике сил Сзасса Тэма и о несчастьях, которые постигнут любое царство, которое попадет под его власть. Но я должен признать, что мои старейшины в Доме Шан могут не видеть этого так ясно, как я, и у меня тоже есть приказы, которым я обязан подчиняться. К счастью, у меня есть определенная свобода в том, как я их интерпретирую.

Дульсаэр склонил голову набок.

— В чем ваша выгода? Скажите прямо.

— Перед хатран, увлеченный энтузиазмом момента, я выразил свое намерение уничтожить существ, беспокоящих это царство. Но позже я с неохотой пришел к выводу, что вы были правы: моей маленькой группе не хватает ресурсов, чтобы

сделать что—то подобное. С другой стороны, вы обладаете необходимой мощью... За исключением того, что, если верить слухам, вам так и не повезло обнаружить врага.

— Так вы предлагаете партнерство?

— Такое, которое должно вам очень подойти. Если я не смогу помочь вам добыть грифонов, вы, естественно, мне ничего не должны. Но если я это сделаю, и вы завладеете животными, то вы заплатите мне за проделанную работу. Вы вернетесь домой с тем, за чем пришли, а я получу достаточно прибыли, чтобы удовлетворить моего отца, даже если это не тот приз, за которым он послал меня.

— Некоторые люди говорят, что вы уже заключили сделку с Марио Безом. Что вас видели разговаривающим с ним, когда его небесный корабль возвращался в город.

— В поисках возможности торговец общается с самыми разными людьми. Это не значит, что я не предпочел бы договор с благородным офицером грязному соглашению с печально известным наемником.

— Хм. — пробормотал Дульсаэр, перебирая в уме предложение в поисках изъяна. Почувствовав себя хитрым, жадным купцом, он спросил:

— Какая цена?

* * * * *

Пока она шла, опуская посох при каждом шаге в снег, хрустящий под ее ботинками, Джесри следила за следами и фигурами, скрывающимися за деревьями. Вероятно, это была пустая трата усилий. Аот и Зил, скорее всего, заметят угрозу раньше, чем она, но жизнь научила ее никогда не доверять свою безопасность другим, если этого можно избежать.

— Сколько еще? — спросил Аот с ноткой нетерпения в голосе.

— Недалеко, — ответил черный заяц, — так что держись поближе. Мы скоро подойдем к часовым, и я хочу убедиться, что они понимают, что вы двое со мной. Люди обычно не приветствуются так глубоко в лесу.

Аот фыркнул.

— Есть ли в Рашемене леса, которые не являются запретными, священными или и тем, и другим?

— Не так много, — ответил Зил. — По сути, это страна духов и фей, которые терпят то, что считают низшими существами, пока мы проявляем должное уважение.

— Мы? — спросила Джесри.

Зил рассмеялся пронзительным, пульсирующим звуком, достаточно похожим на нервующий человеческий вопль боли.

— Я всего лишь животное, огненный дух, — сказал он, — хотя и научился некоторым полезным приемам с тех пор, как не по годам развитый ребенок разбудил его по своей прихоти. Есть те, кто скажет, что вы больше принадлежите ко двору фейри, чем я.

— По какой—то причине, — сказала она, — у вас сложилось обо мне ошибочное впечатление. Это правда, что я приобрела родство с огнем, но я все еще человек.

— Если вам угодно так думать, леди, то кто я такой, чтобы утверждать обратное? — сказал Зил.

— Я вижу одного из ваших часовых, — сказал Аот. — Вперед и немного левее.

Руководствуясь этим, Джесри тоже заметила наблюдателя. Он чем—то напоминал стройного эльфа—лучника с заостренными ушами и раскосыми глазами. Но у эльфов, которых она видела, было мало волос на теле, в то время как часовой, казалось, был покрыт рыжевато—коричневым пухом. Его лицо было более узким и менее мужественным, чем у эльфа, и она не могла прочесть его выражение. Длинные клыки торчали из—под его верхней губы, а маленькие рога с блестящими металлическими предметами, прикрепленными к концам, торчали из—под лба.

— Интересно, — сказал Аот. — Я еще не встречал таких существ.

— Они родственники ваших эльфов, — сказал Зил, — по крайней мере, так гласит история. Но затем, во времена отчаяния, они попросили духа по имени Король—олень спасти их от грядущей гибели. Он согласился сделать это, если сможет переспать с тремя их девушками. Возможно, не понимая, насколько сильной окажется его кровь, эльфы согласились. Через несколько поколений все они стали такими же, как он, и не возражали, когда он вернулся, чтобы править как их король.

Когда Джесри и ее спутники двинулись вперед, Аот указал на других лучников, наблюдающих из укрытия, как и первый. Со временем за спинами наемников зазвучал звон, похожий на бубенчики саней.

— Это что? — спросил Аот.

— Колокольчики в их рогах, — ответила Зил. — Их способ сказать вам, что теперь, когда вы зашли так далеко, вы не можете повернуть назад.

— Другими словами, — сказал Аот, — они думают, что могут запугать нас, как загонщики, окружающие дичь. Это тоже не очень лестно или дружелюбно.

— Они вообще не дружелюбны.

— Тогда зачем служить им, если ты сам не темный фейри?

— Вы видели, что у меня есть силы.

— Да.

— Ну, как и эльфам в этой истории, мне приходилось торговаться за то, что я хотел, с тем, кто был готов торговать со мной. Теперь смотрите внимательно. Мы почти там.

Путешественники пробирались через густые заросли ясеня и ольхи к поляне на другой стороне подлеска. Сначала Джесри не могла понять, почему на этом участке земли не растут деревья. Затем она сделала еще шаг, и перед ней показался замок. Линии шпилей и зубчатых стен когда—то были изящны и гармоничны, а стены когда—то были украшены замысловатой мозаикой. Но все рассыпалось и потускнело.

— В каком мире стоит эта крепость? — спросила она.

— Здесь и сейчас, — сказал Зил. — И только ночью она уплывает.

Джесри предположила, что это был настолько обнадеживающий ответ, на который она вообще могла рассчитывать. Она и Аот последовали за зайцем через ворота и через заснеженный двор. Жители смотрели, как они проходили. У самок не было рогов, но это не делало очертания их длинных заостренных лиц менее странными.

В самом зале Короля—оленья боролись два голых самца, попеременно сцепляясь, как люди, и ударяя друг о друга рогами. Маленькие круглые колокольчики, прикрепленные к наконечникам рогов, звенели при каждом резком, натужном движении. Хрюканье, шлепки плоти по плоти и стук раздвоенных копыт по полу были

единственными звуками, которые можно было услышать. В отличие от публики, которая наверняка подбадривала бы своих фаворитов, группа местных зрителей молча наблюдала за соревнованием.

— Подождите здесь. — сказал Зил. Он обошел толпу вокруг и скрылся из виду.

Схватка закончилась вскоре после того, как бойцы сцепились рогами, и один сбил другого с ног диким выворачивающим движением, охватившим все его тело. Наконец зрители выразили свою признательность — или, по крайней мере, Джесри предположила, что они именно этого и хотели, — кивая и заставляя звонить колокольчики, прикрепленные к их собственным рогам.

Из дальнего конца зала кто-то крикнул:

— Расчистить дорогу! Дай—ка я посмотрю, чего заяц притащил!

Голос был низким, как у циклопа.

«Эльфы» в холле повернулись, чтобы посмотреть на незнакомцев у двери, но были ли они удивлены или встревожены, обнаружив их там, Джесри не могла сказать. Они освободили центр зала, и она впервые взглянула на Короля—оленья, сгорбившегося на искусно вырезанном деревянном троне.

Его рост и телосложение соответствовали его голосу, и хотя его кресло с высокой спинкой было более чем достаточно большим, чтобы любой эльф мог с комфортом сесть на него, он казался втиснутым в него. Но, несмотря на его огромные размеры и рога, по сравнению с которыми его потомки казались карликами, в некотором роде он выглядел более похожим на человека или эльфа, чем они. Его черты были достаточно человечны, чтобы свидетельствовать о его высокородной крови.

Он махнул рукой, и четверо охранников двинулись вперед. Казалось очевидным, что они намеревались довести наемников до трона.

Джесри почувствовала старое знакомое отвращение к перспективе прикосновения.

— Аот?

— Я согласен, — ответил он, отступая в сторону, чтобы отдалиться от нее. — Давайте произведем другое первое впечатление.

Мыслью она вызвала огонь внутри себя, охвативший её с головы до ног. Она также постучала концом своего посоха по потрескавшемуся и грязному полу, и факелы в настенных светильниках — очевидно, считавшиеся ненужными, потому что солнечные лучи сияли через отверстия наверху — вспыхнули пламенем.

Тем временем Аот поднял свое копьё, зажег наконечник голубым свечением и взмахнул им по дуге, указывая по очереди на каждого приближающегося охранника. Они запнулись, как и почти все остальные присутствующие в зале.

— Я же говорил тебе, что они маги. — сказал Зил. Джесри заметила, что тот сидит на корточках у подножия трона Короля—Оленя.

— Ты сказал ему, что мы претендуем на «право гостя»? — спросил Аот. — Это означает, что никто не должен пытаться поднять на нас и руки.

— Я доверяю суждениям Зила до определенной степени, — сказал Король—олень. — Тем не менее, одно дело, когда он говорит мне, что у вас есть сила и характер, а другое дело, когда я сам в этом убеждаюсь. Теперь я убедился, — он поманил их пальцем. — Выйдите вперед.

Джесри снова втянула свой огонь внутрь себя, и Аот снова поднял свое копье, направив его острием вверх. Они бок о бок подошли к возвышению. Вид Аота был достаточно почтенным, чтобы выражать уважение, но не более. Джесри старалась подражать как могла.

— Итак, — сказал дух. — Интересно. Двое смертных, оба возродившиеся в огне того или иного рода.

— Я не рассказывал Зилу об этой конкретной части моего прошлого, — ответил Аот. — Вы, фейри, хорошо видите, что лежит под поверхностью. Или вы слышали обо мне?

Король—олень ухмыльнулся. Вблизи от его массивного тела исходил мускусный запах — резкий, но не неприятный.

— Я был бы плохим хозяином, если бы сказал, что ничего о тебе не слышал, Аот Фезим, и тем самым задел твою гордость, не так ли? Но с другой стороны, я все равно плохой хозяин, ибо не предлагаю угощение. — Он хлопнул в ладоши и крикнул поэльфийски:

— Глентвейн для наших гостей!

Женщине потребовалось всего мгновение, чтобы пройти через арку, неся на подносе дымящиеся глиняные кубки.

Аот бросил на Джесри предупреждающий взгляд, напоминание, в котором она не нуждалась. Когда она, боевой маг и Король—олень взяли по чашке и чокнулись, она только притворилась, что делает глоток.

Но, очевидно, она или Аот недостаточно хорошо притворялись, потому что Король—олень склонил голову набок и спросил:

— Разве варево тебе не по вкусу?

— Было бы приятно, — начал Аот, — провести сто лет в веселье, которое для нас пролетит как одна ночь. Но наше дело безотлагательное.

Громадный дух рассмеялся. Джесри пришло в голову, что это действие могло заставить колокольчики в его рогах зазвенеть, но, как она заметила, у него их не было. Возможно, поскольку он обладал способностью говорить, в отличие от своих подданных, он не видел в них необходимости.

— Очевидно, — сказал он, — вы двое наслушались детских басен и сказок.

Аот пожал плечами.

— Человек может действовать только на основании информации, которую он узнает, — сказал он. — Вот почему вам повезло, что леди Колдкрик, Зил и я сегодня здесь. У нас есть важные новости, которыми мы хотим поделиться.

Запрокинув голову и щелкнув рогами о спинку трона, Король—олень отпил из своей чашки и вытер рот тыльной стороной ладони.

— Да, — сказал он. — Мой верный шпион сказал, что дуртан восстали, чтобы возобновить свою старую ссору с хатран, на этот раз с новыми союзниками. Но должно ли это меня волновать? Однажды я помог хатран. Меня это развлекало. Но кто сказал, что второй раз будет так же?

— Насколько я понимаю, — сказал Аот, — большинство темных фейри встали на сторону дуртан. Несмотря на то, что дама—фомор, шпионить за которой вы послали Зила, не была в восторге от этой идеи, можно с уверенностью сказать, что многие из них снова захотят присоединиться к дуртан. И если они победят хатран и Железного

Лорда, не захотят ли они свести старые счеты? Будет разумнее сразиться с ними сейчас, пока они не набрали еще силы и не убили тех, кто готов встать на вашу сторону.

Король—олень хмыкнул.

— Возможно, — сказал он. — Или, может быть, теперь, когда у хатран есть могущественные волшебники, такие как ты и эта дама, чтобы помочь им, моя помощь не нужна. Или, может быть, я просто уйду вглубь Страны Фей, где меня никогда не найдет старый враг, — он махнул рукой в жесте, который охватил зал. — Вы видите тоскливость, которая пришла в мой двор. Моя кровь, возможно, была недостаточно сильнодействующей.

Джерри нахмурилась.

— Вы бросите собственных детей? Бросите их страдать и умирать без вас?

Дух ухмыльнулся.

— Простите меня, если по какой—то причине это трогает вас за живое. Я мог бы согласиться отправиться на войну, если бы кто—то из вас был готов оплатить моё время.

— Я полагаю, — сказал Аот, — что, когда война закончится, рашеми будут счастливы наградить союзника.

— Но хатран и Железного Лорда здесь нет, — ответил Король—олень. — А у тебя нет полномочий предлагать сокровища от их имени. Вы и Джесри Колдкрик здесь. Чем вы заплатите? Будет ли волшебница подчиняться мне, как Зил? Вы уверены, что не хотите остаться, миледи? — спросил король—олень, переведя взгляд на Джесри. — Я не такой уж плохой хозяин. Зил подтвердит это. Я могу многому вас научить и облегчить завершение вашей трансформации.

— Да, — процедила она сквозь зубы. — И мне нравится там, где я нахожусь.

Король—олень повернулся к Аоту.

— Что ж, капитан, остаётесь вы. — сказал он.

— Могу предложить кое—что на обмен, — ответил тэец. — Золото, несколько талисманов, зачарованное оружие и тому подобное. Не все в Рашемене, но если мы заключим сделку, я передам все это вам.

Огромное существо усмехнулось.

— Незачем. Твоё величайшее сокровище здесь: глаза, зажженные Голубым огнем, изменившим весь мир. Глаза с истинным зрением. Дай мне один из них. Ты все равно будешь видеть лучше, чем любой другой человек в мире.

Аот фыркнул и сказал:

— Если только какой—нибудь враг не подкрадется не с того фланга.

— Значит, ты отказываешься от предложения?

— Конечно. Я объяснил, что в ваших интересах заключить союз с хатран и со мной. Этого должно быть достаточно. Мне не нужно торговаться с вами, будто я пытаюсь купить ковер на рынке, и смешно, что вы думаете, что я бы отказался от одного из моих самых ценных офицеров или искалечил себя, чтобы купить вашу помощь. При всем уважении, это далеко не так важно. Так что сидите без дела в этой полуразвалившейся куче, если вам это нравится. Джес и я найдем способ победить нежить без вас.

Король—олень посмотрел на него.

— Это твое последнее слово?

— Да. — ответил Аот.

Лицо духа искривилось в кривой улыбкой.

— Ну, может, я и не торговец коврами, но не вини меня за попытку, — сказал он. — Но ладно. Я и мои воины сопроводим вас в Крепость Полудемона. Посмотрим, чему мы можем научиться и кого мы можем убить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Зил намекал на берсерков, которые резали себя и у которых изо рта шла пена. Но хотя Вандар, в порыве ярости, сражался как сумасшедший, Цера не видела, чтобы он делал что—либо из этого, и поэтому решила, что заяц преувеличивает.

Она так больше не думала. Несмотря на то, что воины Клыка Грифонов в данный момент не направлялись в бой, а волнение, которое они испытывали, было, вероятно, лишь тенью того, что они будут испытывать при стычке с врагом, некоторые действительно резали свои мускулистые руки и грудь. Другие скрежетали зубами в жесте, который, по—видимому, должен был имитировать щелканье клювом грифона, жест, из—за чего в воздух летела слюна. Между тем, у остальных были другие способы вести себя как сумасшедшие — они визжали, как грифоны, размахивали руками, как грифоны, расправляющие крылья, или били своих соседей без особой причины, подобно диким грифонам.

То есть, поскольку Вандар сообщил им новости, его братья пробуждали в себе дикий дух, который им, вероятно, понадобится, когда они достигнут Крепости Полудемона. Цера подозревала, что Джет, стоящий с Вандаром и ею перед толпой, был мощным источником вдохновения. И действительно, все они были частью клыка Грифонов, но как часто они приближались к объекту своего поклонения?

Поначалу Джет относился к поведению берсерков с тем, что Цера научилась распознавать как суровую терпимость, отношение типа «Люди — идиоты, но с этим ничего не поделаешь». Однако вскоре он высоко поднял свою черноперую голову. Некоторые из рашеми замолчали, и эхо шума уменьшилось.

— В чём дело? — спросила Цера.

— Мне нужно выйти наружу. — ответил зверь. Он взглянул на высокое стеклянное окно со ставнями — несомненно, дорогую роскошь и предмет гордости в этой деревенской стране. Уже морщась, Цера представила, как он прыгает и разбивает его. Но вместо этого Джет повернулся и побежал по закопченному освещенному факелами коридору к двойным дверям в дальней стене. Испуганные берсерки бросились прочь, а она и Вандар поспешили за ним.

Она распахнула двери. Джет выпрыгнул на грязный утоптаный снег, и она с Вандаром последовала за ним. Она услышала звук, который грифона уловил даже внутри шумного здания. Слабые крики других грифонов, доносимые ветром с далёкого расстояния.

— Это дикие грифоны? — спросила она.

— Нет, — сказал Джет. — Это те, что из Агларонда.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вандар.

— Во—первых, — сказал Джет с мрачной ноткой в голосе, — я узнаю зов этого самца с голубыми глазами. Поверь мне, это агларондцы, и причина, по которой они перекликаются друг с другом, заключается в том, что их всадники побуждают их летать.

— Посреди холодной зимней ночи, — сказал Вандар. – Фолкер Дульсаэр прикажет сделать это, только если вдруг решит, что знает, куда идти, чтобы нанести удар по нежити...

Цера улыбнулась.

— Если мы с Джетом будем следить за ними, то мы точно узнаем, что они замышляют. — Сказала она.

— Хорошая идея, — ответил берсерк. — Но пойти должен я.

— Я не наездница на грифоне, — сказала Цера. — Но я, по крайней мере, провела достаточно времени в воздухе, чтобы знать, как сидеть в седле и доверять Джету заботу обо мне. Кроме того, тебе нужно подготовить своих братьев к путешествию.

Хотя Йельбруна сказал всем чужеземцам, что они могут обратиться к ней за помощью в случае необходимости, Цера и Вандар решили, что Клык Грифонов должна улизнуть из Иммилмара и отправиться в Крепость Полудемона в одиночку. В противном случае существовала большая вероятность того, что агларондцы или наемники Марио Беза — каждый из которых мог путешествовать по небу быстрее, чем рашеми по земле — устремились бы к месту назначения впереди них, уничтожили бы нежить, что было вероятно, и забрали бы награду.

Вандар нахмурился. Он сказал:

— Хорошо, леди, но будьте осторожны. У меня сложилось впечатление, что агларондцы сами не стали бы пытаться навредить вам, но им может быть все равно, если существа, на которых они охотятся, нападут на соперника или шпиона.

С этими словами он повернулся и начал отдавать приказы ближайшим берсеркам. Джет и Цера побежали к сараю, где хранили упряжь грифона. Он подпрыгивал, взмахивая крыльями при каждом прыжке, и мгновенно опередил ее, пока она своими короткими ногами боролась со снегом.

Когда она догнала его, грифон присел, чтобы жрица могла перекинуть седло ему на спину. Она застегнула его, влезла и застегнула страховочные ремни с дотошной медлительностью начинающего наездника. К ее некоторому удивлению, Джет не высказал никаких язвительных замечаний.

Как только она была готова, он бросился бежать, прыгнул, взмахнул крыльями и взмыл в небо. У нее перехватило дыхание от внезапности. Она доверяла Джету и начала получать удовольствие от полетов, но это не означало, что она чувствовала себя непринужденно каждое мгновение.

Когда он повернулся, чтобы последовать за агларондцами, Джет прохрипел:

— Твоя булава все время бьет меня.

— Ой! Извиняюсь! – сказала она. Жрица сняла болтающееся оружие с запястья и спрятала в один из чехлов, встроенных в переднюю часть седла. Держатель издал всасывающий звук, поскольку простое заклинание заставило его крепко сжиматься. — Как ты думаешь, мы можем просто проследить за агларондцами так, чтобы нас никто не заметил?

— Попробую, — ответил Джет. — Не рассчитывай на то, что грифоны сами примут меня за одного из них. Если они поймут, что мы чужие, они могут закричать, но если повезет, их всадники не поймут, что это значит. — Его тон ясно выражал презрение к человеческой глупости.

— Звучит неплохо, — сказала Цера. Ночь здесь, в небе, была еще холоднее, и она вздрогнула. — Я попрошу Хранителя согреть меня. Сделать то же для тебя?

Грифон рассмеялся леденящим кровь звуком, который она не узнала, когда впервые услышала.

— Не беспокойся, — сказал он. — Природа создала грифонов правильно — нам не нужна магия для того, чтобы терпеть зимний ветер.

— Ну ты же особенный. — сказала она, начав бормотать молитву. Тепло разлилось по ее телу.

Некоторое время они летели молча. Она вгляделась в темноту впереди, чтобы впервые увидеть агларондцев, и вдохнула запах Джета: смесь птичьего и кошачьего мускуса.

В конце концов, грифон спросил:

— Ты собираешься остаться с Аотом?

Вопрос удивил ее. Она знала, что Джет достаточно умен, чтобы понять, какой выбор стоит перед ней, но он часто считал такие глупые человеческие дилеммы недостойными своего внимания.

— Не знаю, — сказала она. — Ты... думаешь, ему будет тяжело, если я этого не сделаю?

Грифон снова рассмеялся.

— Ему сто лет, — ответил он. — У него было больше друзей, чем он может вспомнить. Он пережил больше сражений и врагов, чем может вспомнить. Думаю, он выживет, потеряв тебя.

Цера вздохнула.

— Да. Конечно.

— Но это не значит, что ему это понравится, — продолжил Джет. — Он заботится о тебе, и ты вписываешься в его жизнь. Ты подходишь к остальным из нас.

Она коснулась рукой перьев на его шее.

— Спасибо, — сказала она. — Приятно это знать.

— Нет причин разговаривать со мной таким приглушенным воркованием, — сказал грифон. — Я же не сказал — меня не волнует, что ты решишь. Смотри, там агларондцы. Ты уже видишь их?

В тот момент она не могла, но когда он поднес ее поближе, она различила смутные очертания, мчащиеся по небу. Как и ожидал Джет, некоторые другие грифоны завизжали при приближении чужаков, но, на что он и надеялся, всадники не обратили на это никакого внимания, кроме как приказали своим животным замолчать. Она и Джет тихо летели сбоку от своих соперников.

Агларондцы направлялись почти прямо на восток от Иммилмара, по сути, следуя по тропе, называемой Дорогой Хуронга. Если и можно было считать какую-либо часть северного Рашемана цивилизованной, то это был этот коридор. Цера время от времени мельком видела деревушки и изолированные фермерские дома, а также земли, которые казались полями и пастбищами, а не лесами и пустынными болотами.

Если нежить совершала набеги здесь, то это, как и нападение на священную рощу к северу от Ясеневого леса, свидетельствовало о смелости и серьезности угрозы.

Грифоны агларондцев снова завизжали.

— Они чувствуют нежить? — спросила Цера, понизив голос.

— Нет, — ответил Джет. — Они учуяли конину.

Мгновение спустя Цера тоже почувствовала этот запах. Она поняла, что это неправильно. Она не была зверем с острыми чувствами, а лишь человеком, который мог не учуять лошадь, даже если бы она стояла рядом с ней, и она определенно не должна была чувствовать её запах сейчас, высоко над землей.

Грифоны агларондцев спикировали.

На первый взгляд, в этом не было ничего странного, потому что лошадь была любимой едой грифонов. Тем не менее, должным образом обученные верховые животные будут игнорировать отвлекающие факторы, а если нет, то опытные наездники смогут быстро восстановить контроль.

Но сейчас происходило не это. Агларондцы отдали приказы своим животным подняться в небо, и их голоса становились все громче и пронзительнее, поскольку грифоны игнорировали команды.

Запах теплого, сочного мяса густел в холодном ночном воздухе. С головокружением Цера поняла, что у нее текут слюнки. Она искала лошадей и, наконец, заметила их. Очевидно, не обращая внимания на нависшую над ними угрозу, животные мирно стояли в заснеженном загоне.

Грифон впереди — Цера подумала, не принадлежит ли это Фолкеру Дульсаэру — налетел на лошадь и придавил ее к земле. Крича, лошадь билась. Грифон опустил клюв и оторвал первый кусок плоти. Человек верхом на грифоне заревел на него и ударил обухом своего копья. Его усилия были не более эффективны, чем попытки искалеченной лошади вырваться на свободу.

Еще больше грифонов бросились вниз, каждый на свою добычу. Затем Джет взвизгнул, сложил крылья и нырнул.

Неожиданный спуск вывел Церу из оцепенения.

— Амаунатор! — крикнула она — Дай мне свой свет!

Сила бога проявилась в виде теплого золотого сияния в ее руках. Она наклонилась и потянулась вперед, насколько могла, и положила их по бокам головы Джета.

Тепло вырвалось из ее ладоней в тело грифона. На долю секунды она испугалась, что этого недостаточно, потому что, хотя мощь ее божества была безгранична, способность смертного направлять ее — нет. Но с щелчком, похожим на щелканье хлыста, Джет расправил крылья и выровнялся. Он летел прямо над бойней, и Цера вздрагивала от разорванной плоти, пролитой крови и внутренностей, от криков умирающих лошадей, хруста костей, щелчков клювов, кусающих и вгрызающихся мясо, и безумных, изумленных криков агларондцев.

И тут грифоны изменились в поведении.

Если бы это происходило постепенно, Цера, возможно, не сразу заметила бы это, потому что к тому времени все животные были разорваны, выпотрошены, расчленены или мертвы. Но внезапно их оголенная плоть приняла цвет гнили, а запах

сырого мяса и пролитой крови в воздухе превратился в тошнотворный смрад разложения.

Борьба лошадей стала слабой, превратилась в простые подергивания и дрожь или совсем стихла. Но как это ни парадоксально, по мере того, как их внешний вид менялся от вида существ, убитых несколько мгновений назад, до вида тех, кто пролежал мертвым в течение некоторого времени, их движения становились гораздо более энергичными. Похоже, они больше не пытались сбежать. Скорее, их единственной заботой было укусить грифонов и их всадников или ударить их копытами.

Несмотря на то, что грифоны продолжали клевать сгнившее мясо — и, вероятно, ели все это время, и только иллюзия создавала впечатление, что это не так, — их всадники все еще не могли заставить их остановиться. Таким образом, единственным вариантом для солдат было тыкать мертвых лошадей своими копьями. Они приступили к делу с яростной решимостью, не обращая внимания на другие оборванные, волочащиеся фигуры, поднимающиеся из—под снега вокруг них.

Джет пронесся вокруг поля боя. Цера оглянулась через плечо, но уже почти ничего не видела из быстро уменьшающихся фигур за ее спиной.

— Повернись! — сказала она. — Мы должны им помочь!

— Они наши соперники, — ответил Джет. — И мы хотим, чтобы они потерпели неудачу.

— Поверни! — сказала она, а потом поняла, что, несмотря на его протест, он уже поворачивается. Когда он взмахнул крыльями и полетел на сражающихся, она воззвала к Хранителю и взмолилась о всей силе, которую он мог дать ей. Магия вспыхнула внутри нее, как само Желтое Солнце, наполнив ее экстазом, почти лишившим ее способности мыслить. Почти, но не совсем. Она все еще помнила свое предназначение.

Она взмахнула рукой над головой, и золотой свет вспыхнул с черного звездного неба, осветив поле внизу. Нежить съёжилась, а гнилая плоть зашипела и захрустела, как бекон на сковороде. Но эти эффекты были мимолетными. Истинное намерение Церы состояло в том, чтобы освободить каждого грифона от чар, сковывающих их разум, и она закричала от радости, когда могучие звери начали отскакивать от лошадей и расправлять крылья.

Один грифон прыгнул, но снова упал на землю. Другой побежал рысью, а затем потерял равновесие. Третий издал сдавленный крик, и его вырвало.

Цера поняла, что гнилая конина отравила грифонов, и они больше не могут летать. Она выругалась.

Существа, спрятавшиеся под снегом — Цера думала, что это были упыри, хотя из—за темноты было трудно сказать наверняка — бросились на свою добычу со всех сторон. Они вцепились в раненых грифонов и потянулись, чтобы стащить всадников с седел.

Цера попросила у Амаунатора больше силы. Каким—то образом казалось, что она одновременно спустилась сверху и поднялась из глубины ее души, но пришла в форме гнева божества, его отвращения к существам, которые высмеивали естественный переход от жизни к смерти и тому, что следовало за ним. Магия была горячей, как

прижигающее железо, но она держала ее в себе без всякого дискомфорта. Она чувствовала себя натянутой, как лук, готовый пустить стрелу.

Она провела рукой по голове и вниз. Свет исходил от ее пальцев. Один из гулей мгновенно рассыпался в прах. Сила Хранителя прожгла дыры еще в двух, а остальные съёжились, упав на живот и спрятав свои клыкастые, почти животные лица в окровавленном снегу.

Но упали лишь трое. На мгновение она не поняла, почему, ибо ей на мгновение показалось, что вспышка силы Амаунатора была невероятна. Затем она заметила гротескную фигуру, смотрящую на нее тремя парами пустых глазниц.

Она никогда раньше не сталкивалась с такой нежитью, но из рассказов Аота о Войне Зулкиров она узнала в бронированной фигуре с боевым молотом в руке и тремя черепами на его единственной паре плеч повелителя черепов. Такие существа обладали магическими способностями, и, вероятно, его сила защищала меньшую нежить от полного воздействия магии Церы.

Оглянувшись на нее, повелитель черепов вскинул руку, на которой была массивная перчатка, похожая на перчатку сокольника. Неясные, темные фигуры, несколько похожие на человека, но с длинными изогнутыми рогами и крыльями, как у летучей мыши, возникли над его рукой. Они полетели на нее и Джета.

Грифон мгновенно начал летать быстрее и болтаться взад—вперед, вверх—вниз. У Церы не было навыков — или психической связи, — которые позволили бы ей предвидеть внезапные движения Джета, из—за чего она дергалась в седле. Хуже того, стремительное продвижение грифона уносило их от тех, кто внизу так срочно нуждался в их помощи.

— Агларондцы! — выдохнула она.

— В первую очередь мы должны защитить себя! — прохрипел Джет. — Мы не можем помочь никому другому, если теневые демоны разорвут нас на части...

Одно из призрачных существ вдруг появилось справа. Оно ударило когтистой рукой и едва не попало в крыло грифона, после чего Цера с опозданием поняла смысл его стремительного, казалось бы, беспорядочного движения. Джет знал, что теневые демоны способны перемещаться в пространстве. Таким образом, непредсказуемый, постоянно меняющийся курс был единственной надеждой избежать их.

Джет рванул вправо, оставив духа позади. К сожалению, он был все еще достаточно близко, чтобы попробовать другую форму атаки. Хотя жрица не могла точно определить, что и как на неё действовало, она внезапно почувствовала, как его злоба пронзает ее, как кинжал, вонзившийся ей в глаз.

Она почувствовала, как ее дух отделяется от тела, как это было, когда они с Аотом проводили ритуал открытия в саду храма в Сулабаксе. Но тогда это было по собственной воле Церы. Здесь, над Дорогой Хуронгов, какая—то сила вытаскивала ее душу наружу, а какая—то тень набросилась на её тело, чтобы заполнить образовавшуюся пустоту.

— Хранитель! — воскликнула она. Сила бога вернула ее душу на свое место. Демон ударился о невидимый барьер, его конечности и рогатая голова потеряли свои очертания.

Несмотря на настойчивые попытки Джета уклониться, еще один демон появился прямо перед ним так близко, что у него не было никакой надежды столкновения с

ним. Дух вонзил когти грифону в плечо, держась одной рукой и сгребая другой. Тем временем третья тень материализовалась над левым крылом грифона и схватила его.

Цера набрала еще одну долю силы Амаунатора, прижала руку к спине Джета и заставила его засиять, как будто он сам был частичкой солнца. Порождения живой тьмы ослабили свою хватку и бросились прочь от священного сияния.

Однако они все еще не были изгнаны. Свечение мерцало и тускнело, когда всплески тени пытались заглушить его. Внезапное уныние пришло вместе с леденящим холодом, от которого у Церы перехватило дыхание, а тело Джета дернулось под ней.

Она направила еще больше силы Амаунатора и вложила ее в свои чары. Тело Джета вспыхивало все ярче и ярче, при этом не мешая ему и жрице видеть. В определенный момент тень ослабла и перестала пытаться перекрыть свечение.

На мгновение Цера почувствовала яростное удовлетворение. Потом она вспомнила об агларондцах и посмотрела вниз.

Хотя свет Джета тускнел, поскольку жрица перестала направлять в него силу, он все еще был достаточно ярким, чтобы осветить сцену внизу во всех её жутких деталях. Все наездники на грифонах и сами животные лежали покалеченные и неподвижные; двигалась только нежить. Те, что питались плотью, пожирали ее так же жадно, как раньше грифоны пожирали гнилых лошадей. Другие продолжали рубить и колотить павших врагов либо потому, что им это нравилось, либо потому, что никто не сказал им, что можно остановиться. Некоторые издевались над агларондскими трупами странными и даже более отвратительными способами.

Повелитель черепов стоял посреди бойни. Цера разглядел пару теневых демонов, парящих над ним. Вожак нежити поманил ее, бросая вызов.

Она жаждала принять его. Уничтожать ходячих мертвецов было долгом Повелительницы Солнца, и в данном случае это обязательство идеально соответствовало ее желаниям. Она ненавидела то, что было под ней. За резню агларондцев таким гнусным и вероломным способом. За то, что чуть не убил Джета и ее. За то, что заставил ее потерпеть неудачу, когда она так отчаянно хотела добиться успеха.

Тем не менее, она понимала, что продолжать борьбу с такими превосходящими силами было бы самоубийством, поэтому не стала протестовать, когда Джет развернулся и отступил. Она просто использовала больше своей быстро тающей мистической силы, чтобы залечить его раны.

Через некоторое время она сказала:

— Это была ловушка. Ловушка специально для наездников на грифонах.

— Я тоже так думаю, — сказал Джет. — Лошади были приманкой.

— Но есть ли в этом смысл? Как враг мог быть уверен, что поймает именно их?

— Вы, люди, с вашим извращенным мышлением, лучше разбираетесь в таких вещах. — проворчал Джет.

Может быть и так. Но как бы Цера ни крутила этот вопрос в уме, все, что она могла видеть, это то, что пять групп чужеземцев взялись за поиски Йельбруны, а теперь осталось только четыре.

* * * * *

Дай Шан задолго до этого заметил, что важные моменты в жизни распределены неравномерно. Либо ничего не произошло, либо ситуации, требующие внимания, возникали одна за другой.

Так было и в эту ночь. Он только что отпустил тень, которую создал, чтобы шпионить за приютом грифонов, когда существо, которое ему передал Сокольников для связи, издало слабый BLEЮЩИЙ вскрик из окованного медью кожаного сундука, где оно было спрятано.

Шу прошел через комнату к сундуку и открыл его нужным словом. Сгребая в сторону слои одежды, он достал подарок нежити—повелителя демонов — если подарок был подходящим термином для такого гротеска. Хотя Дай Шан тоже изучал то, что многие считали сомнительной формой мистического искусства, а также методы, которые его семья использовала для допроса и наказания заключенных, от прикосновения к этому предмету у него пошли мурашки по коже.

Это было похоже на правую половину младенца, расколотого вдоль — причудливого младенца, рожденного проклятым. То, что осталось от головы, было ненормально большим и выпуклым, а участки кожи были такими же чешуйчатыми, как у змеи. Три пальца на руках и два пальца на ногах были увенчаны черными когтями. Когда Дай Шан тайно протащил *это* в замок и спрятал, он казался мертвым, как и должно было быть по всем правилам. Но теперь он слабо извивался и открывал глаз, который, хотя и вертелся из стороны в сторону, был сплошь налитой кровью, без видимого зрачка или радужной оболочки.

Дай Шан предположил, что когда—то существо имело вторую половину и было бесом. Вероятно Сокольников вызвал его из одного из нижних миров, разрезал пополам, одну половину оставил себе, а другую велел доставить в Иммилмар своему слуге.

Глаз полубеса перестал двигаться, предположительно потому, что он смотрел на Дай Шана, хотя точно сказать было невозможно. Затем он произнес его имя глубоким, глухим, со странным акцентом голосом Сокольника.

— Благородный капитан, — ответил Дай Шан и представил свой собственный голос, исходящий из рта полубеса, все еще находящегося на в руках повелителя черепов. — Надеюсь, у вас хорошие новости.

— Агларондцы мертвы. — сказал Сокольников.

— Отлично, — ответил шу. — Я же говорил вам, что мой препарат сделает грифонов особенно восприимчивыми к чарам. Мне даже не составило особого труда заразить пищу крылатых зверей.

Хотя было бы преувеличением сказать, что Фолкер Дульсаэр стал доверять ему, но как только они заключили договор и наездники на грифонах привыкли видеть его в своем лагере, возможность отравления представилась почти сразу.

Он хотел, чтобы было так же легко держать в руках полубеса — Дай Шану нужно было держаться за него, чтобы усиливать магию, но он не мог найти способ удержать холодные, склизкие открытые органы от соприкосновения с его кожей.

— Полагаю, да, — сказал повелитель черепов. — Но случилось еще кое—что, чего мы не предвидели.

Дай Шан слегка нахмурился.

— И что это было?

— Там была еще одна всадница, жрица солнца на черном грифоне, — сказал Сокольников. — И она ушла.

— Интересно, — сказал Дай Шан. И это действительно было интересно. Он не осознавал, что кто-то еще, принявшийся за «задание», шпионил за происходящим, из-за чего его уважение к Аоту Фезиму и его соотечественникам только что выросло. — Но если агларондцы не сказали ей, что это я отправил их на гибель, то это не должно быть проблемой. И, по-видимому, они этого не сделали, иначе ко мне бы уже подошли с неудобными вопросами.

Вещь в его руках дергалась и тряслась, как эпилептик в муках припадков. К его отвращению, его конвульсии выдавливали жидкость и грязь, пачкая его руки и рукава. Потом припадок стих.

— Кого ты можешь отправить к нам следующим? — спросил Сокольников.

— Не знаю, — сказал Дай Шан. — Доверяют ли мне теперь достойный воин и его окружение? У нас была договоренность. Если нет, то я боюсь, что ответ должен быть «никого».

— Да, — сказал Сокольников. — У нас была договоренность. Продолжай помогать моим союзникам и мне, и когда мы победим, ты получишь грифонов.

— Прекрасно, — ответил он. — Было бы также прекрасно, если бы мой новый партнер рассказал мне хотя бы немного больше о себе и своих товарищах. Такое проявление доверия заставило бы меня чувствовать себя еще более уверенным в обязательствах, которые я взял на себя. Это также может дать мне дополнительное представление о том, как наиболее качественно помочь вам.

Полубес снова забился в конвульсиях, сжимая челюсть так сильно, что один из его зазубренных зубов треснул. Выдавленное из полости его тела, маленькое зеленое яйцообразное нечто упало и шлепнулось на пол.

— Нежить пришла в эти земли откуда-то издалека, — наконец сказал Сокольников. — Я сам не понимаю, откуда именно. Я понимаю, что лицо мира значительно изменилось с тех пор, как мой бывший хозяин сделал меня таким, какой я есть, и возложил на меня мои неблагоприятные задачи. Но пришельцы объединяют всех тех, кто когда-то жаждал власти, даже грязных ромвирианцев.

Дай Шан считал себя экспертом во многих вещах. Истории давно умерших империй среди них не было. Тем не менее, он знал достаточно, чтобы спросить:

— А гордые и доблестные нары рады приветствовать таких негодяев в своих рядах?

— На данный момент они служат общей цели, — сказал Сокольников. — Мы с нетерпением ждем того времени, когда это закончится.

Дай Шан улыбнулся.

— Я вас полностью понимаю, — ответил он. — И я благодарю вас за всю информацию, которую вы доверили мне. Но я также был бы признателен за одну или две детали. Может быть, могучий и проницательный капитан расскажет мне, где он устроил свою крепость.

— Тебе не обязательно это знать. — сказал повелитель черепов.

— Ваша уловка с бесом гениальна, — сказал Дай Шан, — но моя половина быстро портится, и я подозреваю, что ваша тоже. Мы не можем рассчитывать на то, что

сможем использовать эту форму общения, когда нам это нужно. Если я буду знать, где вы находитесь, то смогу послать гонца.

Сокольников помедлил, прежде чем сказать:

— Хорошо. Я понимаю твою точку зрения. Будь уверен, это не единственная крепость, которую заняла моя армия. Но я базируюсь в Крепости Полудемона.

А воины Клыка Грифонов как раз готовились двинуться на север. Дай Шан знает, где осела нежить, но непонятно, откуда это узнали Джесри Колдкрик и Аот Фезим.

Он подумывал сказать Сокольникову, чтобы тот ждал гостей. Но быстро отказался от этой идеи по двум причинам.

Во—первых, сегодня вечером он уже оказал нежити одну услугу. Было бы расточительно оказывать еще одну так быстро. Помощь в меру поможет возбуждать в Сокольникове чувство долга.

Во—вторых, возможно ему будет полезнее, чтобы Клык Грифонов захватил Крепость Полудемона. В той игре, которую он ведет, пока нет причин закрывать одну из возможных вариаций развития событий.

Через мгновение или два Сокольников снова заговорил и вывел шу из задумчивости.

— Этого тебе достаточно?

— На данный момент, храбрый герой, более чем, — сказал Дай Шан. — И я благодарю вас за честь вашего доверия.

— Тогда вернемся к моему вопросу. Кого мы убьем следующим?

— Я должен изучить возможности. Большинство ваших врагов менее доверчивы, чем Фолкер Дульсаэр.

— Ну, тогда, пока ты изучаешь, может быть, ты сможешь сделать еще кое—что для нас.

Затем Сокольников начал объяснять, и Дай Шан оказался заинтригован. Потому что, несмотря на собственные познания в мистических искусствах, он не понимал, в чем смысл такой операции.

Но его чутье торговца подсказывало, что в данный момент нет смысла просить у Сокольника объяснений – к сожалению, он выдавал информацию по крупицам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Если бы кто—нибудь поймал Дай Шана, исследующего подвалы под цитаделью Железного Лорда, результаты могли бы быть плачевными. Но вскоре шу решил, что обнаружение настолько маловероятно, что даже не удосужился применить свои мистические способности, чтобы спрятаться от посторонних глаз. Он просто бродил, как заурядный, но чрезвычайно искусный вор.

Некоторые из холодных, гулких сводов были кладовыми, а другие просто пустовали. Отметив отсутствие подземелий, Дай Шан задался вопросом — что Манган Урук делал с захваченными преступниками и другими заключенными, попавшими к нему в руки. Возможно, как варвар, Манган убивал их на месте, даже не задумываясь о потенциальных преимуществах сохранения их жизни.

Если так, то Дай Шан определенно хотел избежать разоблачения. Он хотел найти то, что, по утверждению Сокольников, было спрятано здесь, и спрятать его в своей комнате и в своей кровати прежде, чем кто-то обнаружит пропажу.

Вскоре он оставил позади бочки, ящики, мешки и тусклый, колеблющийся свет случайных масляных ламп. Чтобы исследовать залы, находящиеся за пределами досягаемости света, ему потребуется один из его тайных талантов, позволяющий ему видеть в темноте.

Не считая пыли и паутины, покои оказались пустыми, несмотря на то, что сказал Сокольников. Дай Шан почувствовал укол нетерпения. Он сделал вдох и выдох. Он напомнил себе, что нужно искать спокойно и методично, и, что бы он ни обнаружил, придумать способ использовать это с пользой для себя.

И все же, когда он, наконец, пришел к чему-то многообещающему, он почти прошел мимо этого. Кто-то хорошо поработал, запечатав арку блоками из песчаника, чтобы было похоже на соседнюю стену. Тем не менее, были тонкие различия в цвете и нарушение регулярного расстояния между залитыми раствором щелями.

Дай Шан уперся руками в препятствие и толкнул его. Оно показалось ему довольно твердым ибо даже не колыхнулось. У него были инструменты, которые могли открыть для него почти любую дверь, но пройти через стену было сложнее.

Хотя такой подвиг был возможен, конечно. Он открыл один из потайных мешочков на поясе, достал кусочек светящегося кварца и поставил его на пол. Чтобы использовать свою власть над тенями, ему сначала нужно было создать одну, а именно свою собственную.

Свет от кварца расплескал его тень по полу и по стене. Он сосредоточил свою волю и сказал:

— Проснись.

Тень отскочила от того места, где лежала.

При этом Дай Шан почувствовал укол боли за солнечным сплетением. Очевидно, он переусердствовал с этим особым талантом. Было нелегко самому следить за всеми и всем, что могло представлять интерес в Рашемене.

В любом случае все было хорошо. Его сердце все еще билось, и он не превратился в одного из безумных искалеченных негодяев, называемых Бестеневыми.

— Иди, — сказал он. — Ты знаешь, что я ищу.

Тень провела руками по каменной кладке, ощупывая арку. Время от времени её пальцы, казалось, цеплялись за блоки и трещины, растягиваясь, а затем возвращались к нормальной длине, когда выдергивались из отверстий. Дай Шан знал, что сущность ищет какую-нибудь маленькую сквозную дыру или трещину.

Тень ничего не нашла, но, к счастью, для существа, которому недоставало физического тела, такая дыра была просто удобством, а не необходимостью. Тень отступила на шаг, затем бросилась на препятствие.

Дай Шан ощутил ошеломляющий толчок, словно сам сломя голову бросился на твердую преграду. Тень исчезла. Очевидно, какая-то давно умершая хатран наложила на стену защиту, чтобы предотвратить проход сквозь неё таких существ.

Дай Шан ощупал своё лицо. Несмотря на пульсирующую боль, его нос не был сломан, и он не обнаружил царапин или порезов. Воздействие произошло только в его сознании. Он так и думал, но решил убедиться.

Шу мог придумать только один способ пройти через барьер, и это требовало определенного риска. Было ли это задание настолько важным? Разве он не мог просто сказать Сокольничему, что не смог получить доступ к нужной части подвала? Именем Черной Луны, это даже было бы правдой.

И, возможно, после этого все наладится. Но если Дай Шан ставил перед собой задачу, он предпочитал выполнять ее, отчасти из—за убеждения, что успех порождает дальнейший успех, а неудача — только неудачу. И мысль о том, что он потерпит неудачу в Рашемене и вернется домой без грифонов, о насмешках братьев и отца, о том, что его до конца времен заставят заниматься тривиальными делами, в то время как его братья будут вершить судьбу Дома Шан, съедала его изнутри.

Когда дело закончится, подумал он, я оставлю голубоглазого грифона себе. Это будет моей наградой за смелость того поступка, что я собираюсь сделать.

Он еще раз взглянул на скрытую арку. Она была довольно широкой. Он прикинул, что четверо невысоких мужчин вроде него могут стоять плечом к плечу под ней.

Шу повернулся к тени, которую снова отбрасывал.

— Проснись. — сказал он.

Боль в груди длилась дольше, словно какой—то мучитель неторопливо вонзал нож. Но он выдержал, и тень вскочила.

Как только это произошло, на её место легла другая тень. Дай Шан оживил и её, и ему пришлось стиснуть зубы, чтобы сдержать крик боли. К сожалению, он ничего не мог сделать, чтобы сдержать слезы, покотившиеся по его щекам.

Моргая, он рассматривал две живые тени, ожидающие его команды. Голос в его голове прошептал, что двух вполне достаточно.

Но это был голос страха, и уважающий себя шу не мог его услышать. Дай Шан решил, что три миньона увеличат его шансы на успех

— Проснись. — Сказал он.

Он ожидал, что последний акт сотворения будет самым мучительным из всех, и, вероятно, так оно и было. Но когда он очнулся, распластавшись на полу, он не мог вспомнить ни боли, ни потери сознания, хотя чувствовал себя гонгом, дрожащим после удара колотушки.

Он попытался поднять руку и обнаружил, что может. Свечение кристалла заставило серый плоский аналог конечности скользнуть вверх по стене.

— *Я все еще жив,* — подумал Дай Шан, — *и я все еще я.*

Дикий смех попытался вырваться из его груди, но он подавил его, как того требовало достоинство.

Он решил, что, какой бы срочной ни была необходимость, он не будет оживлять больше теней в течение десяти дней. К счастью, эта способность была лишь одной из его сильных сторон. Он обладал многими другими, в том числе физической жизненной силой, которая быстро вернётся к нему.

Он встал и сказал:

— Изменись.

Мгновенно это произошло с тенями, и теперь они стали похожи на отражения самого Дай Шана, за исключением того, что каждая из теней стояла в оригинальной позе, не похожей на позу их создателя. Их мысли и восприятия вонзились в его собственные, внося в его сознание беспорядок и какофонию, и Дай Шану пришлось

напрячь свою волю, чтобы заблокировать их. Он не хотел переживать мысли своих теней, что предлагала та, что встречалась с Сокольниковым, а лишь увеличить свою силу в четыре раза.

Когда чужие мысли стихли, Дай Шан подошел к барьеру и возложил на него руки. Его копии сделали то же самое. Потом все начали толкать.

Стена стояла прочно, как склон горы.

Сжав челюсти и вспотев, Дай Шан толкнул сильнее. Он сосредоточился на действии, пока не стал им. Отныне он больше не помнил, зачем ему это, и не думал об успехе или неудаче предприятия. Все, что имело значение, это его идеальная артикуляция.

Поверхность под его ладонями задрожала, а затем сдвинулась. Со скрежетом и лязгом вовнутрь упала груда камней.

Достигнув своей цели, тени Дай Шана быстро исчезли. Их создатель прислушивался к любому признаку того, что звук обрушения привлёк ненужное внимание. Если не считать глухого биения собственного сердца в ушах, в подвалах было тихо.

Он сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Вытащив из рукава шелковый носовой платок, он вытер им сначала пот с лица и шеи, а затем капли крови из царапин на ладонях. Затем он подобрал кристалл и пролез через дыру.

С другой стороны стены лестница уводила вниз. Спускаясь по ней, он высматривал вырезанные знаки, прислушивался к шелесту кожистых крыльев или к щелчкам когтей по камням, пытался учуять запах серы или гниения. Казалось вероятным, что если древние нары и оставили после себя сторожевых демонов, то их преемники—рашеми уничтожили их. Но опять же, поскольку ведьмы и их последователи сочли нужным запечатать нижние уровни, они, должно быть, не считали их полностью безопасными.

У подножия лестницы Дай Шан внезапно почувствовал внутренний толчок, связанный с ощущением, что за ним наблюдают. Он опустил на корточки и огляделся.

У хранилища перед ним было пять стен с дверным проемом в центре каждой и пятиконечная мозаичная звезда посреди пола. Меньшие геометрические фигуры и слова на незнакомом языке заполняли пространство между расходящимися концами звезды.

Опытная рука мастера, работавшего позже но так же тщательно, нарисовала еще один слой глифов и символов поверх исходного пятиугольника. Отчасти благодаря своему пребыванию в Рашемене Дай Шан смог интерпретировать некоторые из новых знаков. Спиральные рога представляли Миликки; полумесяцы — Селунэ; розы и косы — Чонтию; а треугольники всех трёх богинь вместе.

Через несколько мгновений Дай Шан прошел через арку, которая соединяла лестницу с пятиугольным залом. Даже когда он ступил на край мозаики, ничто не выпрыгнуло из ниоткуда, чтобы напасть на него, и он позволил себе легкую улыбку, когда пришел к выводу, что ничто и не выскочит.

Нары действительно оставили здесь демонов, и хатран не уничтожили их. Вместо этого они использовали тот же подход, что и с ловушками духов роматари в Высокой Стране. Они укрепили вместилища демонов, чтобы те вечно гнили в этих ловушках.

Все больше убеждаясь, что ему ничего не угрожает, но, тем не менее, действуя осторожно, Дай Шан двинулся вперед, в лабиринт скошенных углов и пятиугольных форм. В какой—то момент он почувствовал, что что—то еще наблюдает за ним с такой же глубокой, но бессильной злобой, уподобившись в этом чувстве тому, что было заковано в звездную мозаику. Шу вдруг представил себя восьминогим существом, ползущим по огромной паутине к прекрасной крылатой женщине, застрявшей в нитях внизу. Когда фантазия прошла, он заподозрил, что только что принял на себя видение демона, запертого в ловушке.

Но, конечно же, нары не оставляли скованных демонов на каждом дюйме темного и безмолвного лабиринта. Большую часть времени Дай Шан исследовал места, которые с их пыльными алтарями и выцветшими, облупившимися фресками, изображающими нижние миры, явно когда—то были помещениями для заклинаний и ритуалов, но ныне были брошены.

Иногда, несмотря на пропасть во времени и отсутствие общего языка, он узнавал глиф или изображение, связанное с эзотерическими дисциплинами, которыми он сам владел. Он почувствовал искушение задержаться, чтобы попытаться расшифровать общее сообщение и посмотреть, какие тайные знания он сможет обнаружить. Но он пришел не для этого, поэтому продолжил двигаться.

Двигаясь в поисках склепов, которые, по утверждению Сокольников, были здесь, Дай Шан просто надеялся, что, несмотря на свое невежество в обычаях древних наров, он узнает их, когда увидит. Он успокаивал себя тем, что не может быть такого способа, почтенно, но невидимо для окружающих похоронить кого—либо.

И действительно, он мгновенно узнал гробницы, когда поворот привел его к другой мозаике в виде пентаграммы, нарисованной хатран. С другой стороны была арка, запечатанная коваными воротами, а за ней каменные саркофаги, кувшины и урны в нишах стен.

— *Хорошо, —* подумал Дай Шан— *Нашел. Я могу немедленно выполнить инструкции Сокольников. Вопрос в том, хочу ли я?*

Конечно нет. Ни один разумный человек не стал бы выполнять приказы нежити, заранее не узнав, каким будет результат.

Но было также верно и то, что в игре «Камни» игрок иногда оказывался вынужден делать свой ход, не чувствуя, как отреагирует противник или какой стратегии он вообще придерживается. Кто—то все равно поставит свой камень, потому что единственной альтернативой было поражение.

До этого момента Дай Шан обещал помощь нескольким другим игрокам в игре, не делая при этом слишком многого — за исключением содействия убийству агларондцев — чтобы помочь кому—либо. Но ясно, что с учетом того, что Сокольников требовал от него содействия, а берсерки Клыка Грифонов маршировали на Крепость Полудемона, общая ситуация менялась, и простые обещания долго не просуществуют. Если Дай Шан не сделает себя по—настоящему полезным для кого—то, он потеряет всеобщее доверие. Он просто должен был действовать так, чтобы оставалось место для увиливаний, маневров и предательства.

Шу обошел край узора на полу. Он доверял искусству древних хатран, но все же незачем было идти через центр демонической клетки и предупреждая заключенное в нём существо о своём присутствии. Он без помощью рук взобрался на кованые

ворота, как на лестницу, а затем достал из—под пальто молоток и долото. Повторяя слова, которым его научил Сокольников, — Дай Шан просто заучил их, не понимая смысла — он забил первую из трех вертикальных засечек.

* * * * *

Склон казался обычным лесистым подножьем, как и любой другой, пока темное гудящее облако не поднялось над безлистными деревьями наверху. Некоторые из братьев из клыка Вандара встревоженно воскликнули.

Они могли бы тоже броситься бежать, если бы насекомые приблизились позже, чем берсерки пришли в себя. Жужжа, мухи и другие насекомые кусали, жалили, цеплялись и ползали. Сам Вандар был обездвижен иррациональным страхом, что насекомые заползут ему в уши и в нос, а он никак не сможет их достать.

Поскользнувшись и чуть не упав в снег, он повернулся и побрел вниз по склону холма. Это было все, что он или любой из берсерков мог сделать против такой атаки.

Шел он почти закрыв глаза, дабы не пустить в них насекомых. Но, несмотря на этот недостаток и кружащейся со всех сторон рой, берсерк мельком заметил мерцающие формы, появляющиеся и исчезающие в бледном зимнем солнечном свете. И в промежутках между усилением и ослаблением жужжания, Вандар слышал какие—то слова. Он не мог их понять, но чувствовал вес гнева, который они несли с собой.

Он молился, чтобы атака прекратилась, как только он и его товарищи спустятся со склона. Это оказалось не так. Он полагал, что насекомые не могут атаковать вечно, но не было никакого способа угадать, как долго они будут упорствовать или как далеко они будут преследовать их.

— Факелы! — воскликнул он, наполовину задыхаясь от тварей, мгновенно залетевших ему в рот. Только Лесная Королева знала, сколько потребуется времени на то, чтобы зажечь огонь в таких условиях, но если у них получится...

— Зима! — крикнула Цера откуда—то сверху. Она и Джет вели разведку с высоты и, очевидно, наблюдали за страданиями своих товарищей. — Хранитель приказывает вам снова заснуть!

Солнечный свет засиял ярче, и насекомые разбежались. Будь он слабаком, Вандар мог бы заплакать от облегчения при их уходе. Вместо этого он выплюнул их горечь изо рта, зачерпнул снег и натер им жгучие зудящие шишки в местах укусов. Тем временем, последний раз взмахнув крыльями, Джет опустился на землю.

— Прости, что не пришла раньше. — сказала Цера, возясь со сбруей, которая привязывала ее к седлу грифона.

— Мы спустились вниз, как только заметили. — прохрипел грифон. Вандар достаточно наслушался нечеловеческой речи Джета, чтобы уловить эмоции, и подумал — не счел ли зверь забавным тяжелое положение воинов. Но нет, конечно нет. В конце концов, грифон был их тотемным животным.

— Если все соберутся поближе, — сказала Цера, спрыгивая со спины Джета, — я попрошу Амаунатора облегчить вашу боль.

Она прочла молитву и взмахнула позолоченной булавой по дуге над головой. Боль от крошечных ран Вандара уменьшилась, и другие мужчины вздохнули, испытывая такое же облегчение. Шишки на их лицах уменьшились.

— Так лучше? — спросила Цера.

Вандар кивнул.

— Весьма, — ответил он. Другие берсерки тоже поблагодарили её.

— Тогда объясни, что случилось. — сказала пухлая маленькая жрица.

— Я предполагаю, — сказал Вандар, — что мы вторглись на территорию, защищенную каким-то духом или фейри.

— Потому что он в союзе с дуртан?

— Не обязательно. Мы достаточно далеко от крепости. Думаю, мы просто вторглись в чьи-то владения.

Другие мужчины бормотали, сплевывали и чертили в воздухе знаки, чтобы отогнать неудачу.

— У нас в Чессенте почти нет фейри, — сказала Цера, — по крайней мере, кроме как в Небесных Всадниках, но я так понимаю, вы говорите о некоем кургане? Священная земля?

— Да, — сказал Вандар. — Такие территории, как правило, отмечены кольцами грибов странного цвета или камнями, выложенными в виде узоров. Но учитывая, как много всего погребено под землей... — Он с отвращением покачал головой. В значительной степени это было отвращение к самому себе.

Дорога вела вдоль берега озера от Иммилмара почти до Крепости Полудемона, но если Вандар и его берсерки пойдут по ней, то их сразу же заметят. Альтернатива заключалась в том, чтобы повернуть на восток, избегая при этом как проторенных путей, так и запретных уголков Урлингвуда.

Но это означало пересечение земли, которую Вандар знал не так хорошо, чтобы с уверенностью обозначить все владения всех фейри. Тем не менее, было трудно избавиться от ощущения, что это он был виноват в том, что его друзья пострадали.

— Что с вами всеми не так? — спросил Джет. — Вы похожи на испуганных котят. Это несложно. Если небезопасно идти через холм, обойдите его.

Вандар заставил себя улыбнуться.

— Звучит как ответ, не так ли? Ладно, братья. Похоже, справа будет легче. Давайте попробуем.

Так они и поступили. Цера и Джет решили пройти вместе с берсерками. Даже после исцеляющей молитвы укусы Вандара все еще пульсировали и немного зудели, но это был банальный дискомфорт.

Потом начало пульсировать и пространство над левым глазом, и заболели суставы. Тошнота скрутила его кишки. Задаваясь вопросом, не заболел ли он зимней лихорадкой, он услышал звук рвоты позади. Он повернулся и увидел согнувшегося пополам товарища—берсерка, которого тошнило.

Другие братья из клыка тоже выглядели больными: бледные, вспотевшие и шатающиеся. Только Цера и Джет выглядели хорошо, вероятно потому, что они не ступали на насыпь.

Сузив глаза, солнечная леди посмотрела на своих товарищей.

— Это не может быть яд, — пробормотала она. — Исцеление нейтрализовало бы его. Должно быть, это проклятие.

— Проклятие? — эхом отозвался воин с нотками пронзительности в голосе.

— Да, — сказала Цера, — но не волнуйся. Хранитель уже даровал мне силу снимать проклятия. Все, собирайтесь снова.

Когда они это сделали, она прочитала еще одну молитву. И даже более – она произнесла её трижды. С каждым разом солнце светило ярче, и его тепло впитывалось в тело Вандара, отчего боль и тошнота исчезали. Но спустя всего пару ударов сердца недомогание возвращалось с прежней силой. Он огляделся и увидел, что с остальными происходило то же самое.

Цера тоже это видела. Смахнув белокурый локон с глаза, она сказала:

— Позвольте мне немного помедитировать. Тогда я попробую еще раз.

— Нам нужна настоящая хатран. — сказал один воин.

— Значит, возвращаемся в Мулптан, — сказал парень рядом с ним. — Или еще лучше, в Урлинг.

— Нет, — сказал Вандар. — Если мы это сделаем, новости о нашем местонахождении достигнут даже халруаанцев или шу. Кроме того, наши союзники ожидают, что мы объединимся с ними.

— Но даже берсерки не могут сражаться больными, — сказал человек, который хотел пойти к Урлингу. — Или, по крайней мере, мы не сможем победить.

— Вот что мы сделаем, — прохрипел Джет, с щелчком расправляя крылья. — Дайте Цере еще один шанс снять проклятие. Если она не сможет, я полечу на вершину кургана и заставлю фейри или что бы там ни было освободить от него вас. Или я убью его и посмотрю, поможет ли это.

— Нет. — отрезал Вандар.

Красные глаза Джета сверкнули.

— Ты думаешь, я не смогу этого сделать?

— Думаю, ты сможешь, — сказал Вандар, — но только если сможешь найти фейри. Они хорошо прячутся, и в данный момент у тебя нет глаз Аота Фезима, чтобы смотреть ими.

— Ты прав, — сказала Цера, кладя руку на шею Джета, словно успокаивая его. — Но есть ли у тебя альтернатива?

— Надеюсь, — сказал Вандар. — Мы, рашеми, знаем фейри и духов. Мы знаем, как помириться с ними после того, как обидели. Так что, если ты не снимешь проклятие до восхода луны, то я пойду на вершину кургана.

— В одиночку. — сказал Джет.

— Да, и без оружия, — ответил Вандар. — Мы не хотим давать этому существу никаких оснований подозревать, что я пытаюсь выманить его, чтобы напасть.

— Ты понимаешь, — нахмурившись, сказала Цера, — что мы подозреваем сущность, защищающую курган, в сговоре с нашим врагом? Или это могут быть темные фейри, полные такой злобы, что ничто не может их умиловить.

Вандар пожал плечами.

— Я по—прежнему считаю, что это лучший вариант. — сказал он.

Джет фыркнул и отвернулся, по—видимому, бросив людей на произвол судьбы.

Сомнения грифона фактически отражали собственные сомнения Вандара, и он молился, чтобы Цера смогла снять проклятие. Но он был вождём клыка, и если она не сможет все исправить, то это должен будет сделать он.

Цера честно пыталась, но даже потратив всю силу Амаунатора, она не смогла. Возможно, подумал Вандар, бог солнца был слаб в царстве, где ни он, ни какое—либо мужское божество не было почитаемо. Или, возможно, у него были проблемы с проявлением своей силы на севере в разгар зимы.

А может быть, хранитель кургана был настолько силен, что даже опытный клирик, полностью посвященный в таинства своей веры, не мог с ним сравниться.

Какова бы ни была причина, она не оставила Вандару другого выхода, кроме как отложить копье, палаш и кортик и подняться обратно по склону, навстречу взошедшей Селунэ, как он и обещал. К тому времени боль лишь усилила его головные боли и спазмы кишечника, и, когда он пел свою песню успокоения, похвалы и извинения, ему приходилось несколько раз останавливаться, чтобы прокашляться. Позади него его друзья тоже хлюпали и сопели.

Он не мог видеть сверху ничего, кроме серого, блестящего снега, утоптанного до того места, где он и его братья шли раньше, и отсутствие следов выше по склону. Он решил, что это лучше, чем если бы насекомые снова напали на них. Может быть, их отсутствие означало, что его хриплая флегматичная песня действительно принесла пользу.

Даже когда он вскарабкался на гребень кургана, снегопад скрыл все, что могло бы предупредить путника, что это нечто большее, чем просто склон. Пропев свою песню до конца в последний раз, Вандар сбросил свой кожаный рюкзак, открыл его и достал обернутую соломой бутылку огненного вина и небольшую буханку овсяного хлеба. Он искал, где бы их поставить, и выбрал раздвоенный ствол черной ольхи.

— Хорошо, — пробормотал позади него холодный, сухой голос, — что ты хотя бы под принуждением знаешь, как себя вести.

Каким—то образом Вандару удалось удержаться от прыжка и не показать, насколько сильно его напугал этот голос. Он вздохнул, затем обернулся.

Существо перед ним было несколько легче различить, чем мерцающие очертания, которые он заметил ранее, когда нападали насекомые, но не намного. Казалось, дух состоит из мерцания и тени, смазанных вместе, как испорченный угольный набросок. Вандар различил продолговатые раскосые глаза под высоким широким лбом; что—то, что могло быть тисненой кожей, покрывающей худощавое туловище духа; и намек на рукоять ножа на бедре. Но он понятия не имел, было ли существо духом природы, живой фейри, защищающей место упокоения своих предков, или призраком, охраняющим свои останки.

Он только чувствовал, что существо было древнее и неестественное. Волосы на его затылке встали дыбом, чего не было даже вблизи от дуртан—нежити.

Он низко поклонился.

— Я извиняюсь за нашу грубость, — сказал он. — Мы с друзьями не знали, что идем туда, куда не дозволено.

— Интересно, почему, — ответило существо, — высшие силы сделали смертных без глаз, ума и памяти? Разве это не милосердно низвергать вас во тьму при каждой удобной возможности?

Вандар сглотнул.

— Я могу только сказать вам, милорд, — ответил он, — что наши жизни имеют для нас ценность. Даже мы, берсерки, которые забываем о собственной сохранности,

когда бросаемся в бой, надеемся, что само наше безрассудство сокрушит наших врагов, но оставит нас в живых.

— И куда ты мчишься сейчас, посреди зимы, через всю страну, которую у большинства смертных хватит ума избегать?

— Крепость Полудемона, — сказал Вандар. Он ждал ответа, но его не последовало. — Вы знаете её?

— Не под этим именем, — сказала привидение. — Возможно, под каким—то более древним и правильным именем, которое ваш род забыл. Но я знаю тебя, берсерк. Я знаю твой разум. Те, кто охраняет крепость, совершили набег на ваше убогое маленькое поселение, и вы, полные гнева, спешите отомстить им. Или же вы мародеры, мнящие себя умнейшим народом, который когда—либо дышал, потому что нападете на своих врагов зимой, когда они этого не ожидают. В любом случае, мне все равно. Просто муравьи режут друг друга на куски, когда их стаи вступают в контакт.

Мрачная фигура отвернулась.

Вандар заколебался. Хотя презрение стража терзало его, благоразумный человек скорее оставил бы его без ответа, чем рискнул бы еще больше разозлить существо, хотя берсерк и не знал – снял ли дух проклятие и вообще собирался ли делать это. До сих пор он не почувствовал себя лучше. Его голова все еще была тяжела, а нос издавал мокрый хрипящий звук при каждом вздохе.

— Подождите. — сказал он.

Призрак повернулся и сказал:

— Ты думаешь, ты можешь отдавать мне приказы здесь, под скорбным взглядом Селунэ?

— Нет, — сказал Вандар, — и я еще раз извиняюсь, если это прозвучало именно так. Но вы действительно не понимаете. Мы с друзьями не преследуем бандитов, ледяных троллей или кого—либо из врагов, с которыми сражались наши отцы и деды до нас. В Рашемене происходит что—то новое.

Дух усмехнулся. Звук его смеха был резким и глухим, как звуки удара по барабану.

— Будь уверен, маленький муравей, тебе это только кажется новым.

— Пожалуйста, выслушайте, прежде чем судить, — ответил Вандар. — До этого, какие бы человеческие правители ни приходили и ни уходили, Рашеменом в прямом смысле управляли феи и духи лесов и холмов. Но если люди в Крепости Полудемона добьются своего, нежить поставит себя выше всех живых — как смертных, так и бессмертных. — Вандару с опозданием пришло в голову, что если существо перед ним было призраком, это могло показаться ему не таким уж плохим. — И даже наших собственных духов, чьи тела упокоены в могилах. Сюда пришли мертвые существа из какого—то далекого места, о котором никто никогда не слышал!

Глаза призрака сузились.

— Объясни.

Вандар сделал все возможное и надеялся, что история произвела впечатление. Поскольку он едва мог разглядеть расплывчатые черты стража, судить было трудно.

Он увидел только то, что когда он закончил, и призрак снова заговорил, его тон был таким же пренебрежительным, как и прежде:

— А ты — слепой, нарушитель, осквернитель — чемпион, который одолеет эту угрозу?

— Не один, — сказал Вандар, прежде чем ему пришлось замолчать, чтобы прокашляться. — Мой клык идет со мной, и Король—олень — вы знаете его? Он идет, чтобы присоединиться к нам. Железный Лорд и вичларан тоже помогут, если мы попросим.

— Но ты этого не сделал, — сказал страж, — потому что ты хочешь, чтобы грифоны были твоими. Сделать свой маленький домик более престижным, чем любой другой. Возможно, даже сделать своего вождя Железным Лордом, когда трон снова освободится.

Вандар почувствовал приступ дискомфорта, отличный от беспокойства, вызванного простым присутствием призрака. Впервые, к своему собственному удивлению, он задумался, не были ли его амбиции чем—то недостойным.

Но как они могли быть таковыми, если они были просто тем, чего хотел каждый настоящий мужчина—рашеми? Тем, чего мужчину учили старшие воины, особенно если он происходил из семьи, не отличавшейся особым благополучием или знатностью? Он нахмурился от некой обиды.

— Милорд, я не отрицаю, что надеюсь, что, служа королевству, я также смогу принести пользу своему клыку и себе, — сказал Вандар. — Так думают смертные. Если истории, которые я слышал всю свою жизнь, правдивы, то так думают и феи, и духи. Но не только амбиции или жадность влекут меня к грифонам. С того момента, как Йельбруна позвала их с неба, я почувствовал связь с ними, будто они были предназначены мне духами. У вас есть магия. Скажите мне, если я ошибаюсь.

К его удивлению, дух снова усмехнулся — возможно, этот звук стал менее холодным и пренебрежительным, чем прежде.

— Если бы я увидел все, что скрыто, — сказал он, — мне не нужно было бы, чтобы ты рассказывал мне о привидениях, пришедших сюда из далекой страны, не так ли? Я скажу так: то, что ты ответил честно, хорошо говорит о тебе. И было бы действительно прискорбно, если бы мертвые захватили власть над Рашеменом.

— Ну да, в целом. — ответил Вандар.

Мрачная фигура покачала головой и сказала:

— Так заявляет муравей, воображая, что обзревает весь мир с вершины травинки. Но ты не видишь того, что вижу я. Если клан вампиров держит стадо человеческого скота в подчинении где—то еще — например, в стране, которую вы называете Тэй — то ты не беспокоишься об этом. Но эта страна всегда была уникальной, и даже после смерти Владычицы Семи Звезд она остается таковой. Это все еще место, где миры фей и сфера смертных проникают друг в друга теснее, чем где—либо еще, и если ваши пришельцы—нежить воспользуются этим, то их победа будет великой и разнесется эхом по всему миру. Может быть, именно поэтому они пришли сюда, хотя я сомневаюсь, что они настолько хорошо понимают эту землю.

Вандар криво улыбнулся.

— Вы правы, — сказал он. — Муравей ничего не понимает, по крайней мере, не все. Но я так понимаю, вы согласны с тем, что мы с друзьями делаем что—то стоящее. Раз так, вы поможете нам?

— Конечно, я смерю свой гнев. — сказала привидение.

Вандар закашлял так долго и упорно, что ему казалось, что он вот—вот потеряет сознание от нехватки воздуха. Но когда приступ закончился, его голова и грудь прояснились и отчистились, как будто он выхаркал всю мокроту. И больше ничего не болело.

— Спасибо, — сказал Вандар. Он помедлил, а затем, не выдержав собственной осторожности, двинулся дальше. — Большое спасибо. Но на этом все? Вы лишь отозвали проклятие, которое сами и наслали.

Фантом улыбнулся. Или, возможно, это была просто игра света, когда мимо луны проплыл клочок облака.

— Нашел ли я что—то, что мне понравилось в твоём человеческом племени на мгновение или два? Возможно... и может это не просто случай привел вас сюда, заставив потревожить мою гробницу. Полагаю, случались и более маловероятные вещи. Но я не такой, как твой Король—олень. Я больше не пойду на войну. Мои собственные клятвы сведут меня с ума, если я попытаюсь сделать это. Но это значит, что мне больше не нужно то, что я когда—то нес на войну.

Привидение махнуло рукой. Что—то загрохотало, и клочок снега рухнул сам в себя. Присмотревшись, Вандар понял, что снег проваливается в дыру, похожую на глубокую могилу неправильной формы.

— Слезай вниз. — сказал призрак.

Замечательно, подумал Вандар. Судя по старинным сказкам, ступать на землю фейри было опасно. Войти в их покои было в разы опаснее. Тем не менее, сам призрак открыл путь, и если он собирался причинить берсерку еще больший вред, вряд ли ему нужно было хитрить.

Кроме того, какой берсерк, не говоря уже о предводителе берсерков, отказался бы от вызова?

Цепляясь за куски промерзшей земли, Вандар пополз вниз, и тень поглотила его. Единственный оставшийся свет исходил от звезд прямо над головой и их блеска на снегу внизу. Когда он достиг дна, то понял, что снег сверкает не только на снегу.

Когда—то, подумал он, в яме могло лежать тело. Но если так, то время стерло все следы костей, плоти, волос или одежды, или, по крайней мере, все, что он мог бы заметить в темноте. Но не проржавевшими, не потускневшими и даже не грязными остались длинное копье и палаш. Казалось, они полностью сделаны из какого—то странного малинового металла, даже древко копья.

На ножнах меча были застёжки, чтобы закрепить его на бедре. С копьем было сложнее обращаться, но, пропустив его по спине и через пояс, он сумел выбраться из могилы, забрав с собой оба оружия.

— Что думаешь? — спросило привидение с иронией, острой, как лезвие. — Достойно ли оружие претендента на титул Железного Лорда?

Стараясь не направлять копье на призрака, Вандар опустил его. Хотя он гораздо лучше владел мечом, даже он чувствовал, насколько легким и идеально сбалансированным было это оружие. В его руках оно казалось легким и стремительным, инструментом, способным убить даже дракона и демона.

— Я не Старейшина, — сказал он, — но даже я чувствую, что они полны магии. Что это?

— Я не могу тебе этого сказать, — сказал страж, — потому что оружие ведет себя по—разному в каждой паре рук. Они увеличивают то, чем ты уже являешься. Зная это, ты все еще хочешь его?

— Конечно! — воскликнул Вандар. — Больше я хотел только своё положение в Клыке Грифонов и самих грифонов. И я благодарю вас от всего сердца.

— Как и следовало бы, — ответил призрак. — И теперь у тебя есть все, что я должен был тебе дать. Ну кроме советов. Я же сказал, что сам вижу не все. Никто не знает всего — ни самый мудрый пророк в светлом мире, ни самый умный провидец в темном. Но теперь, когда мне стало интересно, я кое—что вижу.

Вандар, уже немного привыкший к призрачному присутствию стража, вдруг почувствовал сухость во рту.

— Что вы видите? — спросил берсерк.

— Я вижу предательство и убийство, летящие с неба. Я вижу, что тебе не следует доверять чужакам.

Вандар открыл было рот, чтобы спросить еще, но прежде чем он успел, страж исчез. Щель в земле закрылась в тот же миг, так же быстро, бесшумно и абсолютно. Если бы не копье в его руке и вес лезвия, висевшего на бедре, можно было бы подумать, что разговор был всего лишь сном.

Когда он спускался вниз, его чувства были смешанными. Естественно, какая—то часть его ликовала. Поводом для радости было бы даже то, что страж просто снял проклятие, но он сделал гораздо больше. Он дал ему зачарованное волшебное оружие и пророчество, согласно которому он получит грифонов и прославит себя. И когда его выздоровевшие братья заметили, что он спускался, они начали аплодировать, и это сделало момент еще слаще.

И все же, когда он посмотрел на Церу и Джета, то почувствовал укол беспокойства.

Нетрудно было поверить, что Аот и Джесри могут обмануть его. Сражаясь за деньги, а не за семью или очаг, наемники, бесчестные по определению, были немногим лучше бандитов. Вдобавок к этому боевой маг явно считал себя выше всех остальных — зачем еще он постоянно пытался командовать другими? Высокая, стройная волшебница была самой холодной женщиной, какую Вандар когда—либо встречал, даже если в ее венах течет огонь.

Но Цера была служителем бога, и ему нравились ее компания, дерзкие шутки и общее хорошее настроение, а также ее готовность выполнять различные обязанности, необходимые для лагерной жизни. Она резко контрастировала с мрачной молчаливостью Йельбруны на их пути к Высокой Стране. И Джет был живой эмблемой мужества и верности, как грифонов и определял Клык Грифонов.

Тем не менее, грифон также был боевым зверем, и когда его тэйский хозяин приказывал ему, он мог наброситься с высоты и убить человека, как сокол, убивающий кролика.

— Я присмотрю за ними, — решил Вандар. — *И погляжу, что произойдет.*

* * * * *

Марио Без наблюдал, как двое членов его команды осматривают обветренный серебристый менгир. Одним из его экспертов — справедливости ради, этого звания

он не был достоин — был толсторогий коротышка тифлинг—чернокнижник, заявивший о значительных познаниях в обитателях нижних миров. Другой эксперт, в перчатках с шипами и в стёганном камзоле с красной отделкой, была жрицей Темпуса. Теоретически, она должна была иметь представление о божественной магии, в отличие от тайной, которую практиковали тифлинг, сам Без и дюжина других бойцов на борту «Бури Возмездия».

Ночь была холодная, с высоких вершин дул холодный ветер, и эксперты Беза уже какое—то время занимались своей работой. Небесный корабль в настоящее время стоял на якоре на широком уступе на склоне горы, над стоячим магическим камнем, а сам капитан стоял у подножья камня. Огни, горящие в шахтёрской деревни внизу, дразнили дрожащего сына Сияющего Юга возможностью согреться. Тем не менее, потягивая сембийское бренди из фляжки, Без сумел сдержать порыв напасть на их — ничего хорошего из этого не выйдет. Вместо этого он утешал себя мыслью, что хоть камень не убежит и не спрячется.

Олте, Боевой Страж Темпуса, отступила от монумента. Она была такой же крупной и широкоплечей, как и многие воины, и когда направляла через себя силу Бога Войны, то могла размахивать боевым топором с тем же смертельным эффектом. Или она могла просто схватить мужчину и сломать ему спину о свое колено, свидетелем чего был Без в нескольких лагерных драках и потасовках в тавернах.

Предположительно, она закончила свои изыскания, поэтому он бросил ей фляжку.

— Чему научилась?

— В ловушке два демона. — ответила она. Ее альтовый голос был мелодичным и культурным, что никак не сочеталось с её вечно глупым лицом и нелепой фигурой.

— Я думаю, их может быть даже трое. — сказал тифлинг Мелемер. Его желтые глаза слегка переливались в свете звезд.

Олте посмотрела на него.

— Ты ошибаешься. — сказала она.

Мелемер развел руками.

— Конечно, Боевой Страж, — ответил он. — Если вы уверены в своей оценке, то гарантирую, что и я уверен в своей.

В бою он был таким же храбрым, как любой наемник, которого когда—либо знал Без, но вдали от поля боя он всегда извинялся, льстил и юлил... по крайней мере, до тех пор, пока человек, который его обидел, не терял бдительность.

— Не имеет большого значения, двое их или трое, — сказал Без, — главное, чтобы они не были слишком сильны. Что вы можете мне сказать об этом?

— Думаю, все в порядке. — сказала Олте. Она снова сердито посмотрела на Мелемера, словно вызывая его возразить ей.

Но она уже потеряла внимание Беза. Он повернулся и посмотрел вверх по склону на темную, безликую фигуру, приближающуюся бесшумно, плавно, одновременно ползая и прыгая. Мелемер поднял руки, и несколько его колец, сделанных из разных металлов и украшенных разными символами, засияли, как его глаза.

Без выхватил кинжал и рапиру и изготовился к битве. По меньшему лезвию поползла молния, а на большем образовывался иней.

Олте начала крутить топором, напевая боевой гимн. Хотя она не обращалась к Безу, он все же чувствовал, как звенят и эхом отдаются внутри него слова.

Тень не казалась обескураженной молитвой или какой—либо другой демонстрацией силы. Она продолжала приближаться, остановившись только тогда, когда свет зарябил внутри неё, из—за чего её расплывчатая плоская форма раздувалась во что—то трехмерное.

Преобразование заняло всего один—два удара сердца, и когда оно было завершено, Дай Шан поклонился с элегантностью, которая каким—то образом выражала безупречную вежливость и беспечность.

— Мои доблестные соратники. — Сказал он.

— Что, во имя Разрушителя, ты здесь делаешь? — Спросил Без.

— Я хотел посоветоваться с вами, — сказал Дай Шан, — поэтому я послал одного из своих слуг, чтобы найти вас. Когда я почувствовал, он справился, я превратил его в окно, через которое мы с тобой можем говорить в течение относительно короткого времени.

Без подавил кровожадные силы, бурлившие внутри его оружия, и опустил его так, чтобы оно смотрело на землю. Но в тот момент сердечное приветствие было выше его сил. Может быть, это потому, что, хотя они и прочесали всю страну от Иммилмара на восток до гор, он и его отряд не нашли следов ни одной из разрозненных банд ведьм—нежити, оборотней и тому подобного, что могло бродить по Рашемуну и совершать злодеяния. В то же время шу потребовался один лишь призрак, чтобы найти корабль Марио. В лучшем настроении Без мог бы найти в этом некоторую долю иронии, но на данный момент это лишь усугубляло его разочарование.

И, может быть поэтому он повторил слова торговца в уме и засомневался.

— Иммилмар на западе, — сказал он, и, отвечая на его подозрительность и враждебность, внутри его клинков задрожала сила молнии и холода в предвкушении драки. — Твой призрак, или что это было, пришел с востока.

Легкая улыбка Дай Шана не дрогнула.

— Естественно, тень не могла просто двигаться к вам по прямой линии, — сказал он. — Ей пришлось бродить туда—сюда, прежде чем она наконец заметила вас.

— Когда я сказал, что она идет с востока, — настаивал Без, — я имел в виду, что она идет с того места, где пришвартована «Буря». С тех пор, как мы покинули Иммилмар, мы везем безбилетника, не так ли? Одного вы оставили, чтобы шпионить за нами, а то и хуже.

Он поднял рапиру и кинжал, и его безмолвная команда снова заставила их магию вспыхнуть. Следуя его примеру, Олте и Мелемер снова заняли боевые стойки.

Дай Шан небрежно сделал шаг назад.

— Умоляю вас, — сказал он, — учтите, что на самом деле меня здесь нет. Если вы уничтожите эту штуку, все, что вы сделаете, — это приведете наши переговоры к бесплодному и преждевременному концу.

Без усмехнулся.

— А зачем, купец, мне хотеть разговаривать с «другом», который отправил нежить на борт моего корабля?

Улыбка Дай Шана немного расширилась.

— Доблестный капитан, если бы вы не решили стать лучшим солдатом века, я уверен, что вы бы добились равного признания как поэт или как актер, потому что у вас, несомненно, есть необходимый талант к драматическому искусству. У вещей, выходящих из тени, есть свои аппетиты, и я не стану оскорблять ваш интеллект, утверждая обратное. Но я никогда не позволял своим созданиям сорваться с поводка, и даже если бы я это делал, как мог один маленький призрак по—настоящему угрожать воину, который в свое время сражался с великанами и целыми легионами?

Без неохотно улыбнулся.

— Всегда странно разговаривать с тобой, шу. Я думаю, это потому, что я привык быть бойким. Ты клянешься, что тень была на борту только для того, чтобы шпионить и дать тебе и мне возможность поговорить, если потребуется? Ты не планировал ничего хуже?

— Августейший военачальник, клянусь именем моего отца, — ответил Дай Шан. — Отмечу также, что если присутствие моего скромного посредника на вашем корабле было неуместным, по крайней мере, теперь вы от него избавились — больше он не проживет.

Без погасил энергию, горящую в его оружии, и вложил его обратно в ножны.

— Хорошо. Пока забуду об этом. Я не могу вонзить меч в настоящего Дай Шана через всю эту жалкую страну. Так чего же ты все—таки хочешь?

— Я хочу, чтобы вы вернулись в Иммилмар и забрали меня.

— Зачем?

— Ну, это та часть, которая будет звучать немного неловко. Я объясню, когда мое истинное я окажется на борту небесного корабля. А пока я прошу вас довериться мне.

Без фыркнул.

— Без обид, торговец, но этого не будет. Я готов работать с тобой, а не слепо выполнять твои команды.

— Стойкий и проницательный капитан, вы, конечно же, понимаете, что настоящая проблема заключается в моей неспособности полностью и безоговорочно доверять вам. Если бы я сказал вам сейчас, куда вам следует лететь и почему, вы, может быть, просто сделали бы это сейчас же, не утруждая себя забрать меня. И тогда как я смогу убедить хатран, что я сыграл хотя бы незначительную роль в грядущих достижениях?

Без хмыкнул.

— Я подумаю об этом. — сказал он.

Дай Шан слегка нахмурился. Большого проявления искренних эмоций он себе не позволял. В некотором роде его лицо было такой же маской, как и у любой из ведьм.

— Да, — сказал маленький шу, — я понимаю, почему такой проницательный лидер предпочитает тщательно взвешивать свои решения. Но если мы потеряем средства связи до того, как вы ответите «да» или «нет», это поставит меня в неловкое и двусмысленное положение.

Без усмехнулся.

— Это твоя проблема. — сказал он.

— Да, это так. Так как ваша проблема заключается в погоне за добычей, которую вы не поймали и никогда не поймаете без моей помощи. Очевидно, вы тоже это понимаете, иначе не стали бы изучать ловушку для демонов посреди холодной ночи.

— Мы ищем следы, которые приведут нас к врагу.

— Мастер—стратег, хитрый тактик, бич Побережья Дракона, я очень уважаю ваш интеллект. Я прошу уважать и мой. Очевидно, вы обратили внимание на рассказы о дуртан и им подобных, уничтожающих старые роматарские менгиры. Разочарованный своей неспособностью обнаружить настоящего врага, вы решили сами открыть камень, убить все, что содержится внутри, и отнести тушу побежденного обратно в Иммилмар в качестве трофея.

— Ради разнообразия признаю твою правоту. И что?

— Откровенно говоря, это слабая уловка. Возможно, это немного поднимет мнение Йельбруны о вас, но не убедит ее в том, что вы добились существенного прогресса в выполнении задачи, которую она поставила. А если вы выполните мою просьбу...

— Хорошо! — рявкнул Без. — Я приду за тобой. А если выяснится, что ты зря тратишь мое время, то мои клинки окажутся в тебе. Ты понял?

— Более чем, — сказал Дай Шан. — До встречи.

Он низко поклонился, и его тело распалось на части и исчезло, как будто рассыпалось в пыль, настолько мелкую, что глаз не мог ее увидеть.

Через мгновение Мелемер усмехнулся.

— А мне он понравился.

Без ухмыльнулся.

— Еще бы, — ответил он. — В ваших жилах течет кровь, полная лести. Но не слишком привязывайся к нему.

— Итак, — сказала Олте, кивнув в сторону менгира. — Мы отказываемся от этой затеи?

— Нет, — сказал Без. — Мы уже здесь. И является ли эта идея «слабой уловкой» или нет, мне не хочется возвращаться к Железному Лорду и Вичларан с пустыми руками.

— Достаточно справедливо, — сказала жрица, нахмурившись. — Единственная проблема, которую я вижу, заключается в том, что, хотя мы не знаем, заметили ли эти шахтеры внизу притаившуюся нежить, но наверняка хоть кто—то заметил наш корабль. Что, если жители деревни узнают, что мы сами освободили демонов? Что, если они отправят сообщение Железному Лорду? Признаюсь, маловероятно...

— Более чем маловероятно, — сказал Без, — даже невозможно. Демоны собираются доказать, насколько ужасной угрозой они являются, стерева с лица земли деревню. Ну, технически мы собираемся сделать это за них, но я уверен, что если бы они знали о наших устремлениях, то оценили бы наши усилия от их имени. Затем, когда мы закончим с шахтерами, мы сломаем ловушку, убьем ее заключенных и заберем их головы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Грифон вот—вот прилетит к нам! — крикнул Аот по—эльфийски. — Не стреляйте в него! Это Джет, мой друг, о котором я тебе говорил!

Все стояли и ждали появления существа, и вскоре после этого Аот указал своим копьём и сказал:

— Вот.

Затем по заснеженной земле пронеслась огромная тень.

Джет рухнул на землю. Прислушавшись к предупреждению Аота, никто не напал на грифона, но некоторые воины—олени не смогли устоять перед импульсом поднять оружие.

Джет посмотрел на них и фыркнул.

— Расслабьтесь, — прохрипел он, — я не причиню вам вреда. Вот если бы вы были кентаврами... а может и нет. В последнее время я видел такие вещи, которые выбивали меня из колеи.

Аот подошел, почесал перья на голове грифона, затем помог Цере выбраться из седла и обнял ее.

Король—олень подошел к ним и к Джету без видимых колебаний. Либо он был уверен, что грифон не набросится на него, либо просто не хотел вести себя робко.

— Ваше Высочество, — сказал Аот, — это Цера Иуртос, Повелительница Солнца из Сулабакса, и Джет, мой грифон. Цера, Джет, это Король—олень.

Улыбаясь, Цера провела рукой по дуге, и на мгновение бледное зимнее солнце засияло ярче и стало теплее.

— Приветствую, — сказала она. — Да благословит Хранитель вас и всю вашу компанию.

Король—олень хмыкнул.

— Твой бог не любит меня, жрица, а я его, — сказал он. — Насколько близко эти твои берсерки?

Цера моргнула.

— Вы должны были встретиться задолго до заката. — сказала она.

— Тогда давай ускорим темп, — сказал дух, — и выясним, как выглядит эта наша армия, когда мы соберем ее вместе.

Отвернувшись, он взмахнул своими оленьими рогами над головой, призывая роту двигаться вперед.

— Хорошо, — сказала жрица. — Это был радушный прием.

— Даже несмотря на то, что он родом из Страны Фей, а не Царства Теней, — ответил Аот, — он тёмное создание, как и фоморы, и, возможно, неравнодушен к жрецам света.

Аот, Цера, Джесри и Джет двинулись вперед среди эльфов—оленей, большинство из которых все еще внимательно следили за грифоном и тем, чтобы он не подходил слишком близко.

— Но хватит о нем, — сказал Аот. — Клянусь Чистым Пламенем, рад снова вас видеть! Обоих! Каковы ваши впечатления от Клыка Грифонов? Как их боевой дух?

— О, с ним все в порядке. — сказал Джет с сардонической ноткой в голосе.

— Что это значит? — спросил Аот.

— Джет сказал, что рассказал тебе о кургане фей. — сказала Цера.

— Да. Это чудо, что хоть кто—то добирается в Рашемене хоть куда—нибудь, учитывая то, что на каждом шагу тебе нужно остановиться и двадцать раз

поблагодарить какого—нибудь духа. Но я так понял, что Вандар смягчил гнев стража, и это сняло проклятие.

— Так и было, — сказала Цера, — но потом начало происходить что—то еще. Постепенно, поэтому Джет и я сначала не заметили. Вот почему ты только сейчас об этом слышишь.

Понизив голос, она объяснила, что имеет в виду.

Когда она закончила, Аот сказал:

— Я ненавижу эту вонючую страну.

* * * * *

Как и замок Мангана Урука, Крепость Полудемона была построена из серого камня и черного железа, но выглядела еще более массивной и квадратной. Очевидно, круглые башни, украшавшие крепость в Иммилмаре, были нововведением рашеми.

Древние нары, однако, украсили, если можно так сказать, цитадель огромными железными воротами, отлитыми в виде рычащего нечеловеческого лица. В какой—то момент в последующие века лист с правой стороны упал с петель. Это оставило висеть лишь профиль ужасного лица, и, как предположил Аот, вдохновило название, которое ныне носило это место.

Лежа, склонный заглянуть за возвышенность, он перевел взгляд с ворот на зубчатые стены. Кто—то или что—то двигалось там, наверху, но Аот был так далеко, что даже его глаза с трудом различали движение. Надеясь, что это поможет, он прикоснулся к татуировке, от которой по его телу пробежала бодрящая волна энергии. Он снова прищурился, и крошечные фигурки оказались в фокусе.

Один из них был коренастым гоблином—копыеносцем с зеленоватой кожей, заостренными ушами и косматой гривой, торчащей во все стороны из—под конического шлема. Другой был значительно крупнее — если бы сгорбленное существо встало прямо, оно могло бы быть выше Короля—оленя. Судя по его длинным рукам, худощавому телосложению и бородавчатому морковообразному носу, это, вероятно, был тролль, хотя его белая блестящая кожа отличала его от любого подобного существа, с которым Аот встречался на юге. А еще он не встречал троллей в кольчуге, с арбалетом и палахом.

Судя по его опыту, тролли были едва умнее зверей. Они жили как звери в дикой природе, и даже когда какому—нибудь предприимчивому командиру удавалось приручить одного из них и использовать в качестве солдата, ему редко давали оружие или доспехи. В этом не было смысла. В пылу битвы тролль почти всегда срывает снаряжение и атакует врага клыками и когтями.

Белые тролли севера, очевидно, были другими. Но не настолько, как подозревал Аот, чтобы создать непреодолимую проблему. Его больше беспокоили реанимированные дуртан и прочая нежить, но сейчас их не было видно.

Это имело смысл. Даже нежить, которая могла переносить солнечный свет, все равно не любила его. Так зачем же им днём охранять укрепления, когда их живые союзники — существа, которые присоединились к дуртан во время Войны Ведьм и снова объединились под их началом — могут сделать это за них?

Когда Аот решил, что увидел все, что хотел, он отполз назад достаточно далеко, чтобы никто на зубчатых стенах не увидел его, когда он встанет. Он вернулся к относительно чистому участку холмистой вересковой долины, где его ждали союзники, и был рад обнаружить, что, хотя берсерки и олени не выказывали никаких признаков того, что подружались в его отсутствие, эти две группы, по крайней мере, выглядели готовыми быть терпимыми друг к другу. Возможно, они нашли друг друга настолько странными, что их первым побуждением было скорее удивиться, чем почувствовать страх или отвращение.

Вандар сидел на пне, а вокруг него собралось несколько братьев по клику. Когда он заметил возвращающегося Аота, он поманил его взмахом своего нового копья. Для глаз, тронутых пламенем, красный металл сверкал чем—то большим, нежели отраженным солнечным светом. Аот мог видеть, как чары текут и бурлят внутри него.

Это не делало менее раздражающим то, что его вызывали как подчиненного. Тем не менее, это казалось слишком мелким раздражителем, чтобы на него жаловаться, а нынешнее местонахождение Вандара было таким же подходящим местом для переговоров, как и любое другое. Аот направился к нему, но не торопился.

— Что ты узнал? — спросил Вандар.

Аот огляделся и обнаружил, что, как и ожидалось, Король—олень, Цера, Джесри, Джет и Зил начали приближаться к ним.

— Давайте подождем, пока все не услышат. Тогда мне не придется рассказывать все несколько раз.

Вандар нахмурился.

— Как пожелаете. — сказал он. Вандар звучал так, будто делал Аоту одолжение.

Цера и Джет были правы, подумал Аот. Вандар стал другим. Он думал, что, по крайней мере, между ним и берсерком зародился скупой след духа товарищества, но если так, то ныне от него не осталось и следа. Вместо этого Вандар казался еще более вспыльчивым и подозрительным, чем во время их первой встречи.

Оказывали ли красный меч и копье психическое воздействие? Аот никогда не носил такого оружия и не хотел бы, но слышал о нем истории.

Если во всем виновато оружие, Аот предположил, что ему лучше привыкнуть к новому Вандару. Было ясно, что он слишком высоко ценит зачарованное оружие, чтобы отказаться от него.

Как только все вожди экспедиции собрались вокруг, а вслед за ними и многие берсерки, Аот рассказал им о том, что он увидел. Когда он дошел до части о большом белом существе на зубчатой стене, Вандар усмехнулся и сказал:

— Это был ледяной тролль. Бороться с ними — это один из способов, которым мы, рашеми, тренируемся убивать тэйцев.

Братья из клика рассмеялись.

Аот проглотил укол раздражения.

— Я рад, что ты понял, о чем я, — сказал он. — Ты можешь рассказать мне и другим южанам о них позже. А пока давайте поговорим о нашем следующем шаге.

— Разве это не очевидно? — спросил Вандар. — Ты говоришь, что ворота открыты. Светит солнце, так что нежить слабее всего. Давайте возьмем замок!

Его братья по клику завопили в знак согласия. Некоторые завизжали, точно имитируя грифонов, и взмахивали руками, словно расправляя пару крыльев.

Испуганные взрывом эмоций, воины—олени отступили от него, а некоторые даже подняли свои копья. Однако, к счастью, они были не настолько напуганы, чтобы нанести удар по своим союзникам—людям.

Когда шум стих, Аот сказал:

— Ты должен помнить, что наши враги не идиоты. Поскольку они не могут закрыть ворота, они наверняка защитили их каким—то другим способом.

— Как? — спросил Вандар.

— Я пока не знаю.

— Пока?

— Мне нужно подойти поближе и посмотреть на замок с разных сторон. Джет и я должны пролететь над ним под покровом темноты.

— Это глупо. Нежить выйдет наружу, а она может видеть в темноте. Если подумать, то же самое могут делать тролли и гоблины.

Аот улыбнулся.

— Но они не могут видеть так далеко, как я, — сказал он. — Мы с Джетом будем в порядке, и после этого мы все будет лучше понимать силу нашего врага.

Вандар покачал головой.

— Мне это не нравится. — Сказал он.

— Почему нет?

— Дуртан наверняка рассылают патрули, в том числе ночью. Чем дольше мы откладываем атаку, тем больше вероятность того, что они обнаружат нас. Тогда мы потеряем преимущество внезапности.

Его последователи зарычали в знак согласия.

— Мы далеко от крепости, — сказал Аот. — Мы можем немного побыть в укрытии.

— Если вы, люди, перестанете кричать, — прохрипел Джет, — это даже поможет.

Берсерки выглядели несколько сбитыми с толку тем, что их собственное тотемное животное упрекнуло их. Или некоторых из них. Вандар все это время казался невозмутимым.

— Я продолжаю настаивать на атаке. — подытожил он.

А сколько крепостей ты захватил за свою карьеру? — подумал Аот. Вслух он сказал:

— Сейчас у нас есть прикрытие, но стражники на стенах заметят нас задолго до того, как мы достигнем ворот.

Вандар ухмыльнулся.

— Тогда мы побежим.

Аот повернулся и посмотрел на Короля—оленья.

— Что вы думаете, Ваше Высочество?

Лорд—фейри нахмурился и провел пальцем по подбородку.

— Я думаю, что смелость часто побеждает, — наконец сказал он. — Но это более вероятно в сочетании со знанием возможностей врага.

Это стерло ухмылку с лица Вандара с квадратной челюстью. Хотя он мог презирать тэйцев, его всю жизнь учили уважать духов и фейри. Аот ощутил проблеск надежды, что рашеми сдадутся.

Вандар встал. Ему по—прежнему приходилось смотреть вверх на громадную фигуру перед ним, но теперь они смотрели друг другу в глаза.

— Ваше Высочество, — сказал он, — я знаю, что вы стары и мудры. Но вы такой не единственный. Такой же древний дух предсказал, что я приведу своих братьев к победе. В качестве знака он дал мне это, — он поднял красное копье, — и это. — Он схватился за рукоять алого меча.

Аот задался вопросом — действительно ли хранитель кургана сказал именно это. Поскольку никто больше не слышал разговора, узнать было невозможно. Но почему — то он в этом сомневался.

Судя по кривой улыбке Короля—оленья, он тоже. Но все, что он сказал, было:

— Поверь тому, кто знает: даже мудрые старые духи не видят всего. Или не обязательно говорят всю правду в форме, понятной слушающему.

Вандар нахмурился.

— Но в этом не было ничего сбивающего с толку, — сказал он. — Итак, Ваше Высочество, при всем уважении, сообщаю вам, что мы с братьями собираемся взять этот замок. Для меня будет честью, если вы и ваши воины будете сражаться вместе с нами. Но если нет, мы справимся без вас.

Дух фыркнул.

— В этом нет необходимости, смертный, — сказал он. — Мы пришли сражаться, и мы будем сражаться.

При этом берсерки не удержались от порыва еще раз взвыть и замахать руками. Некоторые даже ударили друг друга или порезали свои щеки ножами. Скорее зараженные волнением, чем встревоженные им, воины—олени размахивали оружием, энергично кивали и звенели колокольчики на рогах. Тем временем Аот обменялся взглядами со своими товарищами—чужеземцами.

Цера выглядела взволнованной, а Джесри и Джет явно разделяли отвращение Аота.

— Хорошая работа. — сказал грифон.

— Если можешь лучше, — ответил Аот, — самое время показать это. Дело в том, что я не командую этой силой, и ни Король—олень, ни Вандар не слишком склонны подчиняться моему мнению, особенно если оно отличается от их собственного.

Тем не менее, когда суматоха улеглась и все начали готовиться к маршу на цитадель, наёмник все же подошел к Королю—оленью.

— Ты не предупредил меня, что привел ко мне такого безрассудного союзника. — сказал дух.

— Сейчас он еще более упрям, чем когда я впервые встретил его, — ответил Аот. — Но я бы не сказал, что вы сильно пытались отговорить его от его плана. Если *это* вообще заслуживает того, чтобы называться планом.

— Ты слышал его, — сказал Король—олень. — Он собирался делать то, что хотел, что бы кто ни говорил, даже я или говорящий грифон. Думаешь, мы должны позволить ему и его товарищам штурмовать замок в одиночку?

— Нет, — ответил Аот. Ему нужна была армия, и она у него была. Он не мог позволить ей развалиться на куски. — Мы просто должны быть настолько же хитрыми, насколько он безрассуден, и заставить его план работать.

* * * * *

Джесри встала начала петь холодным шепотом ветрам севера. Она подружилась с ними во время перехода из леса Эрех, и они были счастливы собраться вместе и поиграть с прядями ее волос и складками ее плаща. Заинтересовавшись жаром, который они почувствовали внутри нее, они обнюхали ее, как гончие.

Когда они поняли, чего хочет от них Джесри, все, кроме одного, с воем бросились прочь. Берсерки воскликнули от этого внезапного порыва. Эльфы—олени затрясли колокольчиками, по—своему выражая удивление или одобрение.

Оставшийся ветер неуклюже опустился на землю — оставаться неподвижным было для него неестественно и неудобно.

— Скоро, — заверила его Джесри, — скоро ты снова полетишь.

Она визуализировала форму, которую хотела создать из него, и, набросав широкий контур взмахами своего посоха, помогла элементалю застыть в этом облике. Зрители забормотали, зазвонили в колокольчики и отступали назад, когда в течение нескольких ударов сердца перед ними материализовался ястреб размером с Джета.

— Закончила? — спросил Аот.

Ветер накинул волосы Джесри ей на лицо, и она откинула их назад.

— Да.

— Замечательно, — прохрипел Джет. — Мне нужен был попутный ветер, чтобы сражаться.

— Это поможет уберечь тебя от стрел, — сказал Аот. Он повернулся к Вандару и Королю—оленью. — Можете начинать, мы будем рядом.

— Надеюсь, да, — сказал Вандар. Он взмахнул красным копьём над головой. — Вперед, братья!

Он зашагал в том же направлении, куда дул ветер, хлеща голые ветки и подбирая рыхлый снег. Остальные берсерки последовали за ним. Король—олень одарил Аота кривой улыбкой, а затем привел своих воинов в движение. Все они шли прямо, но при приближении к крепости присели. Если Тимора улыбнется, укрытие, холодный, ядовитый ветер, дующий в лица стражникам, и отвлекающий маневр, который намеревался обеспечить Аот, должны спасти их от обнаружения до тех пор, пока они не подойдут к воротам, и когда часовые заметят их, они уже атакуют.

На данный момент, поскольку грифон и ветер передвигались быстрее, чем пешие люди, Джесри и остальным, оставшимся позади, не оставалось ничего другого, кроме как наблюдать за наступлением. Через некоторое время Аот прорычал:

— Пусть Черное Пламя сожжет его.

— Что случилось? — спросила Цера с золотым щитом на руке и позолоченной булавой в руке. Ее желтое облачение развевалось на ветру.

— Ты не видишь? Король—олень и его воины немного замедлились и пропустили берсерков вперед. Он следит за тем, чтобы, когда с зубчатых стен посыплются стрелы и дротики, и враги пойдут в атаку, в первых рядах оказались берсерки.

С треском и шорохом Джет расправил крылья.

— И что? — сказал грифон. — Ты сделал бы то же самое, чтобы защитить Братство, если бы какой-нибудь другой капитан решил подставиться.

Аот фыркнул:

— Ну, может быть.

— Я думаю, — сказала Цера, — что тебе просто не нравится, что командуешь не ты.

— Вот она, известная жреческая мудрость.

Она нахмурилась.

— Я не критиковала тебя, придурок. — возразила она.

— Я знаю, — ответил Аот. — Прости. Может ты и права. Конечно, я не полностью контролировал ситуацию, когда служил Шале, или Чазару, или, если подумать, любому из моих нанимателей. Наемник никогда не командует всем. Но все равно — я не могу читать Короля-оленья. Я не уверен, что понимаю, почему он вообще здесь. Я не могу вразумить этих идиотов-берсерков, и все мы слепо мчимся туда, где даже простая разведка... — Он сплюнул. — Не обращай внимания на мою болтовню. Пора выдвигаться.

Аот запрыгнул Джету на спину, а Цера села ему за спину. В ответ на невысказанную команду боевого мага, ремни вытянулись из седла, словно змеи, чтобы пристегнуть его и жрицу.

Джесри взобралась на своего сотворенного ястреба. У него не было никакого седла, но она доверилась своему мастерству и элементам, которые удержат ее верхом на нем.

— Готовы? — спросил Аот.

Она кивнула и сказала:

— Начинай.

Джет побежал, взмахнул крыльями и поднял Аота и Церу в воздух. Ястреб последовал за ним. На мгновение кусочки его перьев зашевелились и исчезли. Джесри пробормотал, напомнив ему о необходимости оставаться твердым, и эрозия прекратилась.

Когда они взлетели достаточно высоко, она заметила на земле берсерков и эльфов-оленья. Очевидно, довольный их прогрессом, Аот отвел Джет от них, и волшебница снова последовала за ним.

Их союзники наступали на крепость с востока. Чтобы создать максимально эффективное отвлечение, Джет и Джесри должны были лететь с противоположного направления, через блестящую замерзшую поверхность озера Ашейн. Но для этого грифону и ястребу пришлось бы пробиться сквозь ураган, который подняла Джесри, поэтому вместо этого они полетели к крепости с юга.

Снаружи конструкция цитадели была проста. Стены образовывали квадрат, а напротив сломанных ворот возвышалась огромная плита крепости. Как и сообщал Аот, стражники ходили по зубчатым стенам и на крыше крепости. Пока их было немного, но Джесри предполагала, что еще больше вылезет на открытое пространство, когда она и ее товарищи объявят о своем присутствии.

Летя немного впереди нее, Аот поднял свое копье. Гудящая, извивающаяся вспышка света вырвалась из наконечника.

Удар молнии снес зубец и ледяного тролля позади него. Загоревшись, существо рухнуло назад, пропав из виду.

Джесри направила свой медный посох и прочитала заклинание. Красная искра вылетела из конца оружия в сторону двух гоблинов, стоящих вместе на зубчатых стенах. Долетев до них, она взорвалась вспышкой пламени, разорвав существ на части. Они не требовали такого мощного заклинания, но волшебница и её товарищи хотели произвести как можно более сильное впечатление.

Ледяной тролль разрядил свой арбалет. Джет опустил одно крыло, поднял другое и увернулся от болта. Цера взмахнула своей булавой, и из ее конца вырвался луч света. Магия прожгла тело тролля, и он пошатнулся, но не упал. Вместо этого, рыча и обнажив спутанные желтые клыки, он выхватил из колчана еще один болт.

Джет пронесся мимо тролля, и тот, пытаясь перезарядиться, развернулся, чтобы держать грифона в поле зрения. Джесри взмахнула своим посохом, и перед ней появились огненные стрелы, полетевшие в тролля и хлестнувшие его в спину. Судя по тому, как он взревел и закрутился, она причиняла ему боль, но все равно не свалила.

Затем она и ястреб пролетели над его головой, и она впервые увидела внутренний двор замка. Как она и ожидала, на земле было еще больше живых союзников нежити. Судя по всему, минуту назад они занимались мирскими делами, отрабатывая свои боевые приемы, ремонтируя снаряжение, ухаживая за животными или просто бездельничая. Но атака с воздуха привлекла всеобщее внимание. Тролли и гоблины либо таращились от удивления, либо спешили на помощь защитникам.

У Джесри было время обрушить огонь на троицу гоблинов. Затем ястреб пронесся над северной стеной, унося ее за пределы крепости. Ее фамилляр раскачивался взад—вперед, уворачиваясь от летевших за ним стрел, а она, вцепившись коленями в его тело, извивалась и метала в стрелков огненные дротики. Но уклончивые маневры ястреба сбивали ей прицел, из—за чего снаряды врезались в серую каменную стену.

Ястреб развернулся для второго захода, и Джет, покачиваясь в полете и вытряхивая стрелу из оперения на своем левом крыле, сделал то же самое. Джесри показалось, что стрела проткнула только перья, и она не видела крови.

Аот одарил Джесри ухмылкой. Цера, напротив, выглядела мрачной, но не напуганной, а скорее сосредоточенной на своем деле. На мгновение выражение лица Повелительницы Солнца напомнило Джесри о ее первых днях в Братстве, когда она чувствовала отчаянную потребность доказать свою ценность и не подвести Аота и Кхорина.

Все они снова ринулись к замку, в поле стрел и болтов. Несмотря на мастерство Джета в уклонении, Аоту пришлось заблокировать одного из них своей магией, а Джесри пришлось ветром отклонить некоторые снаряды. Порыв ветра отбросил две стрелы, которые в противном случае поразили бы ястреба.

Как только они выдержали этот залп, Аот, пытаясь удержать ближайших лучников от стрельбы, окутал часть стены, на которой они стояли, облаком ядовитого пара. Гоблин, попавший в него или просто охваченный паникой, упал со стены на внешнюю сторону замка.

Джесри швырнула пламя в другую группу лучников, но когда они снова приблизились к крепости, она занялась поиском заклинателей.

Там! Две ведьмы в масках и капюшонах вышли из башни на углу, где сходились две стены. Одна, одетая в черное и зеленое, дымилась, когда плоть нежити под слоями её плаща и мантии начала тлеть, несмотря на то, что была скрыта.

Джесри указала своим посохом и повелела огненной вспышке, чтобы та поглотила дуртан, но огненный шар превратился в слабую искру, которая не то что не подожгла, но даже не пошатнула ведьм.

Дымящаяся ведьма запела на одном из языков Небесного Дома. Ястреб дернулся, когда чары ударили по его разуму, пытаясь пробиться внутрь и взять его под контроль. Встревоженная Джесри отбарабанила слова силы, чтобы помочь птице сопротивляться.

Но и ведьма продолжала колдовать. Джесри чувствовала это. Но тем временем ястреб, уже не полностью контролирующий свое тело, судорожно барахтался в полете — легкая добыча для лучников и арбалетчиков. А вторая ведьма, кривобокая фигура, одетая в серое одеяние с пятнами плесени, нацелила длинную деревянную палочку на Джесри.

Цера закричала откуда—то справа:

—Хранитель!

Солнечный свет вокруг дуртан стал ярче, и они закричали и пошатнулись. Психическая атака на ястреба закончилась, и его крылья снова мощно и плавно взмахнули.

Контрзаклинание Джесри больше не требовалось, и, поскольку она уже говорила на языке ветра, она надеялась, что сможет быстро перенаправить магию на другую цель прежде, чем свет Церы погаснет. Она выпалила слово силы, и визжащий порыв воздуха сорвал капюшоны с голов ведьм и стянул с их плеч мантии, открыв большую тела свету Амаунатора.

Обе дуртан вспыхнули пламенем. Та, что была в сером, спотыкаясь, вернулась в башню. Ее напарница рухнула и сгорела. Джесри ощутила прилив порочного удовлетворения.

После этого она успела метнуть во двор еще один залп огня. Тогда ястреб унес ее за стены замка. Стрелы, болты и зазубренная лента тьмы летели за ними, но ни одна из них не попала в цель.

Когда ее ястреб развернулся, она была счастлива увидеть, что Аот, Джет и Цера все еще казались невредимыми. По крайней мере, до сих пор с ними была Счастливая Дева,

— Еще раз! – крикнул Аот.

Джесри взглянула на юг и поняла, что воин был прав. Пригнувшись, берсерки и воины—олени подкрались почти достаточно близко к замку, чтобы атаковать его. И не было никаких признаков того, что кто—либо из рассеянных существ на зубчатых стенах видел их приближение.

— Давай! – ответила она.

Третий заход был самым опасным. Она знала, что так и будет, потому что с каждым ударом сердца в бой вступало все больше врагов, включая ведьм. Ястреб зарычал и дернулся в полете, когда, несмотря на все, что она могла сделать, чтобы защитить его, арбалетный болт вонзился ему в грудь. Но это было только временное существо из плоти и крови, и рана, которая убила бы обычное животное, только

заставила его резко на мгновение снизиться, от чего у волшебницы замерло сердце. Птица взмахнула крыльями и полетела вперед, прямо на летящую искру, вроде тех, что бросала сама Джесри. Это была атака, которая не могла повредить ей и уничтожить элементаря. Она выкрикнула слово силы, протянула руку, и искра изогнулась в полете, пальцами схватив магический снаряд. Она заставила его не взрываться сейчас, а метнула назад в дуртан в маске дьявола, выпустившую заклинания. В этот момент Джесри поняла, что никогда не училась этому заклинанию.

Это было интересно и, может быть, даже немного тревожно, но думать об этом было некогда. Битва требовала, чтобы волшебница защищала Аота, пока он отчаянно отвлекал стражей ворот. Он не делал этого раньше, чтобы не выдать тот факт, что кто-то собирался напасть с той стороны.

Джет пролетел над участком земли за воротами, и Аот направил на него свое копьё. Шар серого света вылетел из острия и врезался в землю, как камень из катапульты, и хотя эта часть двора показалась Джесри непримечательной, от удара магического снаряда тонкий слой грязи и ткани рухнул в глубокую квадратную яму с кольями на дне. Если бы он не раскрыл это, первые берсерки, бросившиеся в атаку, рухнули бы в неё.

К сожалению, Аот решил только половину проблемы. Гарнизон крепости не отступал от ворот, и это место было узкое место, которое позволяло рашеми и эльфам—оленям входить только по двое или по трое в ряд, что облегчало защиту входа.

Джет взмахнул крыльями, набрал высоту и двинулся на север, чтобы вынести своих наездников из зоны поражения, ограниченной четырьмя стенами. Джесри направила птицу за грифоном, но при этом высматривала упавший кусок ворот. К счастью, его было легко заметить — стражам крепости пришлось поднять и унести тяжелую железную панель, чтобы выкопать под ней яму—ловушку, но все же они унесли упавший кусок ворот слишком далеко.

Она заговорила с землей под створкой ворот, и та начала вздыматься, как бушующее штормом море. Пока гоблины и тролли кричали, шатались и падали, волны подняли упавшие ворота и перекинули их через яму, чтобы они служили мостом.

Джесри улыбнулась. Внезапно ее оглушил визг. Он оглушил и ястреба, из—за чего элементарь пошатнулся в полете. Прежде чем кто—либо из них успел прийти в себя, врок — демоническая смесь стервятника и человека — бросился на ястреба и проделал когтями длинные дыры в его туловище. Из ран полилась кровь.

Пронесшись мимо ястреба, врок схватил Джесри, и, все еще ошеломленная криком демона, она обнаружила, что в тот момент даже огненная магия была ей недоступна. Она уклонилась от атаки единственным доступным ей способом — сбросившись с другого бока птицы. Когда она это сделала, элементарь исчез, либо убитый, либо раненный настолько сильно, что не мог сохранять постоянную твердую форму.

Когда Джесри рухнула, она попыталась сосредоточиться и выдавить из себя крик о помощи на языке ветра. Через мгновение ей удалось выдохнуть, и еще один дружественный ветер рванул прямо вверх, чтобы замедлить ее падение.

Она вздохнула и потянулась к его разуму своим, чтобы он знал, куда отнести ее, произнося слова вслух. Внезапно белая, склизкая на вид кисть на конце нечеловечески длинной руки вырвалась из массы врагов во дворе внизу. Она сомкнулась на запястье волшебницы и дернула ее вниз.

* * * * *

Стоя под обжигающим солнечным светом, чувствуя жар до настоящей боли, но терпя его, Сокольников поздравил себя с тем, что нашел время, чтобы взобраться на крышу крепости. Это задержало его вступление в битву, но также предоставило ему подходящую площадку для наблюдения за всем полем битвы и борьбы с летающим противником. А именно волшебницей на ястребе.

Врок Сокольников избавился от ее птицы и заставил ее упасть достаточно низко, чтобы ледяной тролль мог схватить её. Это должно было стать ее концом, но она была слишком опасна, поэтому он решил приказать демону спуститься и помочь троллю прикончить ее.

Он как раз собирался отдать команду через перчатку, когда заметил второго крылатого зверя и его всадников, которые мчались на помощь своему товарищу. Жрица и грифон были теми живыми, что ускользнули от него несколько дней назад. Он надеялся на второй шанс, и теперь он у него появился.

Сосредоточив всю свою волю на перчатке, он отправил врока в сторону грифона. Затем он вызвал первого из своих бесов.

* * * * *

Столбы дыма поднимались из Крепости Полудемона, а за воротами ревели и кричали существа. Но пока никто из них не заметил, что с востока к замку подкрадывается армия берсерков и эльфов—оленей.

Очевидно, Аот и другие чужеземцы обеспечили эффективное отвлечение, как и обещали. Несмотря на все, что он знал о тэйцах, Вандар не мог не восхищаться смелостью и мастерством, которые требовались для этого манёвра. Он снова задался вопросом, — действительно ли Аот намеревался предать его. Он не вел себя как мерзавец, но так же трудно было представить, что дух кургана солжет.

Гоблин на стене наконец прокричал предупреждение, вернув мысли Вандара к поставленной задаче. Он вскочил, завизжал, как грифон, и отдался ярости берсерка. Когда она проснулась, он атаковал. Вокруг и позади него его братья сделали то же самое.

Вандар заметил, что только его товарищи—рашеми шли с ним в ногу, или почти так. Воины Короля—оленья двигались медленнее. Но это его не смущало — в своём возбужденном состоянии он был готов рвануть в атаку даже если бы он был один.

Когда он приблизился к стенам, то прыгал из стороны в сторону, не замедляясь, из—за чего стрелы и болты падали позади него. Инстинкт или какая—то способность к восприятию, присущая красному оружию, позволяли ему уклоняться от атак, даже если он не осознавал этого.

На мгновение тень поглотила его – она забежала в ворота и едва услышал, как его сапоги лязгнули по чему—то железному под ногами – но потом вылетел во двор замка, на солнечный свет.

На него бежали гоблины, ледяные тролли и множество других существ. Они пытались выстроиться плотными рядами, которые могли бы сдержать напавших. Он решил, что не позволит им.

Ревя, он вонзил красное копье в хобгоблина. Когда он снова выдернул его, в него уже летел скимитар врага, но почему—то он казался медленным, из—за чего берсерк с легкостью парировал его. В ответ он нанес удар обухом копья. Атака попала хобгоблину в челюсть — кость хрустнула, и существо рухнуло назад со сломанной шеей.

Ледяной тролль поднялся из своей обычной сгорбленной позы, чтобы ударить боевым топором прямо по голове Вандара. Он уклонился от удара и вонзил копье в брюхо тролля. Когда он выдернул оружие, вместе с ним он вытащил кишки монстра.

Вандару казалось, что сражаться стало проще и приятнее, чем когда—либо прежде, и он почувствовал, что может делать то, чего не мог раньше. Он схватил малиновое копье одной рукой и обнаружил, что все еще может легко управлять им, несмотря на его длину. Освободившейся рукой он выхватил красный меч из ножен.

Пока тролль пытался запихнуть внутрь себя выпадающие органы, Вандар отрубил ему ногу и обезглавил до того, как монстр успел упасть.

Развернувшись, он отбил удар копьем и полоснул по зеленым рукам, которые попытались его атаковать — парирование и ответный удар превратились в единое движение. Он почувствовал, как что—то устремилось к нему с фланга, и, даже не глядя, метнул туда копье, попав нападавшему в грудь. В то же время он дернул головой назад, и цеп, сделанный из плетеной сыромятной кожи и осколков острой стали, пронесся мимо, на расстоянии половины пальца от его носа. Он прыгнул и сразил напавшего на него багбира до того, как лохматый, неуклюжий воин успел подготовить гибкое оружие для следующего удара.

Вандар ухмыльнулся. Он отбрасывал нового врага каждой новой атакой, в то время как его противникам, казалось, было легче схватить струйку дыма, чем дотянуться до него. Когда его братья с криками бросились на гоблинов и им подобных, он почти пожалел, что они перетянули на себя долю веселья.

Линии защитников согнулись перед яростью натиска, и на мгновение Вандар подумал, что вражеский строй вот—вот дрогнет. Затем особо крупный свирепый тролль двинулся вперед, отбрасывая в сторону своих же товарищей.

Двуглавое существо было в три раза выше Вандара, с бугристой, пятнистой серо—зеленой шкурой. Его мясистые червеобразные пряди волос извивались сами по себе, а его клыки и крючковатые когти были достаточно длинными, чтобы разрубить человека на куски одним укусом или ударом.

Вандар не боялся его. С гневом, поющим внутри, и фейским оружием в руках, он ничего не боялся. Но он понял, что этот тролль был врагом, способным убивать людей дюжинами и отражать при этом атаки. Поэтому он попытался отвлечь его на себя.

Он метнул длинное копье, как дротик, и, среагировав быстрее, чем должно было такое большое существо, тролль увернулся в сторону. Вандар ускорился — пара его

меньших врагов атаковала его, и он пригнулся и уклонился от их атак, но не остановился, чтобы ответить.

Огромные руки тролля налетели на него. Изворачиваясь и уклоняясь, Вандар контратаковал, ранив их, ломая когти и даже отрубая пальцы. Но урон не замедлил гиганта, ведь ему даже не понадобятся когти или пальцы, чтобы причинить боль берсерку — если бы один из его ударов попал в цель, то это все равно будет сокрушительный удар.

Вандару пришлось оказаться в пределах досягаемости длинных рук, чтобы ударить тролля по животу. Он увернулся еще от двух ударов, затем, надеясь, что увидел лазейку, сделал выпад.

Это оказалось ошибкой. Мгновение спустя руки тролля подхватили его сзади и потянули к себе. Сгорбившись, он широко открыл обе пасти своих голов.

Лишившись равновесия, Вандар каким—то образом все—таки умудрился толкнуть врага. Красный меч вонзился в зияющую пасть справа и вылетел из затылка.

К несчастью, у тролля все еще была другая голова, и даже такая ужасная рана заставила его дрогнуть лишь на мгновение. Он потащил Вандара к своему другому слюнявому рту.

Вандар уперся второй рукой в лоб врага, чтобы держаться подальше, и тут же почувствовал, что сила гиганта превосходит его собственную. Он отпустил красный меч — даже если бы он не застрял, его было бы трудно использовать на таком близком расстоянии — и выхватил кинжал с пояса. Крича, он несколько раз вонзил его в голову, которая все еще пыталась укусить его.

Он наполовину оторвал бородавчатый шип на носу тролля, выколол глаз, а затем воткнул лезвие глубоко в окровавленную глазницу. Троль дернулся и рухнул вперед, погребя Вандара под собой.

Он изо всех сил пытался выползти из—под туши существа, заметив при этом, что его кожаная броня была порвана, а кожа в том месте, где тролль схватил его, была порезана и окровавлена. Но, все еще находясь в ярости, он не чувствовал ни боли, ни переживаний о том, что ему больно. Единственное, что имело значение, это убедиться, что тролль не встанет снова и не убьет нескольких берсерков.

Хобгоблин поднял боевой топор, чтобы ударить Вандара прежде, чем он успел полностью выбраться из под туши. К счастью, другой брат из Клыка Грифонов вырвался вперед и вонзил свой топор в его туловище прежде, чем тот успел размахнуться. Вандар вскочил, выдернул красный меч из правой головы тролля и разрубил оба его черепа на куски. Даже это, возможно, не убьет его навсегда, но если повезет, это, по крайней мере, нейтрализует существо, пока кто—нибудь не подожжет его.

Он огляделся и усмехнулся, увидев, что враг отступает. Может быть, потеря огромного тролля ослабила их решимость, а может быть, всему виной прибытие воинов Короля—оленья. Ибо они, наконец, были здесь: сражались вместе со своими союзниками—людьми, выпуская стрелы, пронзая врага копьями и опуская головы, чтобы пронзить их рогами. Легкий, веселый звон их колокольчиков очень странно дополнял крики и лязг стали о сталь.

Вандар завизжал, как грифон, подгоняя своих братьев вперед. Когда он это сделал, серебристая рябь силы ударила откуда—то сверху. Она не забрызгала его, но

все же он ощутил похолодание. Однако берсерки и эльфы—олени, которых она поглотила, вскрикивали, бились в конвульсиях или падали на землю. Не прошло и секунды, как на них прыгнул бородатый демон и взмахнул глефой.

Люди, которые не были берсерками, воображали, что, когда воин вызывает в себе ярость, он вообще не может думать. Но это было не совсем так — по крайней мере, если рассматриваемый берсерк владел искусством контроля ярости так же хорошо, как Вандар. Он понял, что, хотя он и его братья побеждали врагов перед ними, это занимало слишком много времени. Все больше и больше заклинателей—нежити появлялись из внутренней части крепости, атакуя напавших, и берсеркам и эльфам—оленим надо было с этим что—то сделать.

Атакующие нуждались в собственных заклинателях, чтобы противостоять угрозе. Где, во имя Золотого Рога, были их заклинатели?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Когда она упала на землю, ледяной тролль схватил Джесри за руку, обездвижив и ее. Она вскрикнула от страха и отвращения. Существо широко раскрыло вонючую пасть и подтащило ее к своим блестящим кривым клыкам.

Мыслью она вызвала огонь, который окружил её. Тролль взвыл и отбросил свою жертву.

Враги все еще теснили друг друга. Прекрасно осознавая опасность, которую они представляли, и будучи исполненной явного отвращения от их близости и возможности того, что они могут коснуться ее, она приказала ветру, который все еще витал рядом с ней, подбросить ее обратно в воздух.

Он попытался. Ее ноги оторвались от земли. Но сетка из толстых клейких нитей, похожая на гигантскую паутину, появилась сверху и приклеила ее к земле. Ветер напрягся, но не мог разорвать ловушку.

Усмехнувшись, она снова вызвала свое пламя, ибо, как знал каждый ученик, именно огонь был выходом из такой ловушки. Но сетка не сгорела.

По крайней мере, огонь мог защитить ее от кольца врагов, готовых атаковать ее со всех сторон. Выкрикнув слово силы и пытаясь сдвинуть свой посох достаточно, чтобы начертить руну в воздухе, она швырнула пламя во все стороны.

Взрыв сбил некоторых нападавших с ног, а других отбросил назад — все они горели и кричали. Но остался один: чешуйчатое, красноватое, длинноухое существо, выглядевшее лишь немного обожженным. Ухмыляясь, оно потянулось, чтобы вцепиться в нее сквозь сеть.

Внезапно зверь пошатнулся и упал на одно колено, когда Вандар вонзил свой меч ему в спину. Он несколько раз рубанул его по шее, и с третьим ударом отрубил голову врага с большими желтыми глазами и белыми клыками.

Вандар порезал сетку — красный меч легко разорвал липкие нити. Джесри выпалила контрзаклинание и закончила то, что начал клинок. Сеть исчезла.

Стряхнув с оружия капли крови и бледную сукровицу, Вандар полоснул им воздух, указывая на зубчатые стены.

— Убей! — прорычал он. Может быть, в ярости, овладевшей им, это было все, что он мог выговорить.

В любом случае, этого было достаточно, и волшебница поняла, что он хотел донести. Несмотря на все усилия нападавших, там было слишком много нежити. Дуртан в масках и плащах призывали полупрозрачных волков и медведей. Нары — связыватели демонов вызывали демонов из дисков — талисманов из железа, латуни и серебра. Была даже парочка ромвирцев — или тех, кого она посчитала ромвиранцами — между пальцами которых искрилась магия. На их плечах и у ног корчились насекомоподобные механические существа.

Вандар был прав: таким существам нельзя позволять беспрепятственно творить свою магию. Надеясь, что она нацелилась на того мага, который сбросил на нее сетку, Джесри швырнула пламя в зубчатые стены. Тем временем Вандар и двое его братьев окружили ее, чтобы защитить от врагов на земле.

* * * * *

Брок нырнул вниз, затем взмахнул угольно—черными крыльями, которые вспыхнули странным пурпурным цветом, когда сквозь них прошел свет Амаунатора. Поднявшись еще раз, он повернулся к Цере, Аоту и Джету.

Под ним появилось пламя — будто из неоткуда оно возникло в воздухе и окружило Джесри. Ледяной тролль, который собирался укунить ее, взревел и вместо этого отшвырнул ее прочь.

Цера была рада этому, потому что ни она, ни ее спутники не смогли бы сразу помочь волшебнице. Демон—стервятник намеревался перехватить их, и сначала им придется разобраться с ним.

Цера попросила у Хранителя силы и взмахнула оружием по дуге, указывая на врока. Появилась летящая светящаяся булава и ударила существо по голове. Аот направил свое копьё и выпалил слова силы, после чего на мгновение пронзительный вой заглушил рев битвы. Несмотря на то, что шум был невероятно громким, он каким—то образом не повредил уши Церы, но отбросил демона—стервятника ниже и заставил его дергаться, как будто кто—то воткнул в него меч.

Джет мгновенно сложил крылья и нырнул вниз. Верхом на его спине Цера не могла видеть всего, что происходило дальше, но она почувствовала удар, когда орлиные когти грифона вонзились в демона, а затем почувствовала, как напряглись мышцы его задних конечностей, когда львиные задние лапы пытались утянуть его на себя.

Когда грифон вцепился в танар'ри, они рухнули вниз вместе. Хотя Цера доверяла ему, она ахнула, когда ей показалось, что они вот—вот рухнут к обезумевшим воинам снизу. Но внезапным рывком Джет сбросил врока со своих когтей, с треском расправил крылья и выровнялся. Цера сгорбилась и на мгновение с облегчением закрыла глаза. Когда она снова открыла их, воздух был серым от какой—то пыли.

Спустя удар сердца ветер, созданный Джесри и поддувавший бока Джету, сдул её в сторону. Но даже когда это произошло, Церу охватил ужас — что она делала здесь, высоко над землей, на спине у сражающегося зверя? Если Джет рухнет на землю, она погибнет, и это чуть не произошло несколько мгновений назад. Она отпустила свою

булаву, и только кожаный ремешок, стягивающий ее с запястья, удерживал ее от падения — впрочем, жрице было бы все равно, если бы оружие упало. Все, что имело значение, это высвободить руку, чтобы расстегнуть ремни, которые удерживали ее от прыжка в безопасное место.

Из—за спешки ее руки стали неуклюжими, и она долго возилась со сбруей. Перед ней Аот стукнул себя в грудь, и его кольчуга звякнула. Несмотря на панику, Цера поняла, что он вызывает магию одной из своих татуировок.

Затем он потянулся и схватил Церу за бедро.

— Мы отравлены! – крикнул он. — Очисти себя и Джета!

Его слова не убрали ее страх, но они подавили его достаточно, чтобы она могла думать и помнить пыль. Должно быть, демон—стервятник каким—то образом выпустил яд в воздух, пока Джет разрывал его самого на части.

Она успокоилась и сосредоточилась, насколько могла, затем притянула свет и тепло Желтого Солнца. Сила наполнила ее и подавила страх, а затем одним прикосновением она передала благословение Джету.

Грифон перестал бешено метаться взад—вперед, словно пытаясь увернуться от опасности, которую мог видеть только он. Вместо этого он сосредоточился и взмахнул крыльями, пытаясь подняться над полудюжиной бесов, которые, как заметила Цера, налетели на них, пока они были отвлечены.

На наконецнике копыта Аота рябило синее и зеленое мерцание. Он прорычал слово силы, ткнул оружием в воздух, и из него вылетели стрелы света, пронзившие двух бесов. С пронзительным криком они упали.

Еще один бес подлетел к Цере, его клыкастая пасть была широко раскрыта, а цепкий хвост вздернут, чтобы было проще нанести удар жалом на конце. Ей пришлось бы повернуться всем телом, чтобы ударить его булавой, поэтому она атаковала баклером. Звякнула позолоченная сталь, и чертенок закувыркался в воздухе прочь.

Тем временем Джет разорвал клювом другого беса.

Оставшиеся бесы исчезли, и Цера инстинктивно вздрогнула, представив, как они летят на нее, как разъяренные осы, а она даже не могла их увидеть. Но Аот мог, а раз он мог, то и Джет увидит их. Боевой маг ударил копьём, потрескивающим от разрушительной силы, и из ниоткуда появились две половины беса, разорванного пополам. Грифон поймал другого своим щелкающим клювом, заскрежетал по костям и выплюнул тушку.

Насколько могла судить Цера, это была последняя из мерзких тварей.

— Повелитель черепов! — выдохнула она, потому что была почти уверена в то, что это он вызвал их.

— Да, — прохрипел Джет, — где... Там!

Поскольку он поворачивался, чтобы нацелиться прямо на главного врага, Цера без труда понял, что он имел в виду. Трехголовый скелет с боевым молотом и громоздкой перчаткой стоял на крыше крепости.

Аот посмотрел во двор, и Цера с уколom вины поняла, он высматривает Джесри, чтобы убедиться, что с ней все было хорошо. Сама она совершенно забыла об их подруге, хотя все они были полны решимости спасти ее за несколько мгновений до этого. Безумие того, что последовало за этим, стерло эту мысль из ее разума.

— Хорошо, — сказал Аот. – Давайте разберемся с ним!

Джет пронесся над вершиной крепости, как стрела. Повелитель черепов вскинул руку в перчатке. Над ним появился демон с крыльями летучей мыши, чем—то похожий на бесов, но ростом с человека и покрытый иглами. Спинагон мгновенно взмахнул крыльями и полетел над двором. Он взмахнул рукой и метнул залп игл, которые вспыхнули пламенем.

Джет поднял одно крыло, опустил другое и уклонился от атаки. Аот прорычал заклинание, направил свое копье на шипастого дьявола, и из острия ударила молния, разорвав его на части.

Джет дернулся, и Цера поняла, что его каким—то образом ранило. Но его крылья взмахивали так же плавно и так же сильно, как и прежде, сметая их всех к врагу так же быстро, как и раньше, так что, судя по всему, рана была не такой страшной.

Аот произнес слова, чтобы вызвать еще больше молний. Цера обрушила силу Хранителя и направила в свою булаву в виде яркого сияния. Две атаки одновременно поразили бронированного скелета. Сила разорвала его на части

— Мы уничтожили его! — Закричала Цера.

— Еще нет, — сказал Аот сквозь стиснутые зубы, и Джет продолжал лететь вдоль крыши так же быстро, как и раньше. Жрица поняла, что они поняли что—то, чего не поняла она. И через мгновение она увидела, в чём было дело.

Обугленное, расколотое тело повелителя черепов собралось вместе, хотя по большей части его сломанные кости остались без погнутых, поломанных доспехов. Но, не считая этого, воскресший нар выглядел полностью восстановленным, за исключением того, что у него осталось лишь два черепа.

Когда маг—скелет вскочил на ноги, в глазницах правого черепа замерцал малиновый свет. Огромная вспышка темно—красного, отвратительного вида пламени вырвалась вперед и, пролетев крышу всего за один удар сердца, вынудила Джета резко сменить курс. К тому времени, когда грифон выровнял свой полет, повелитель черепов пробирался через дверь, которая, вероятно, вела на лестницу, ведущую вниз в крепость.

Существо всего на мгновение опередило своих преследователей — Джет рухнул на крышу, и по воле Аота ремни седла мгновенно растянулись. Он и Цера соскочили с седла и побежали к двери.

С оглушительным грохотом еще более мощная вспышка красного огня взорвала вход, поразив всех и заставив трястись всю крышу. Когда Цера восстановила равновесие и начала откашливаться и протирать глаза от песка, поднявшегося в воздух, она увидела, что лестничная площадка была полностью разрушена. Она выплюнула проклятие, которое слышала от некоторых более грубых членов Братства — ссылка на анатомию Огневолосой Леди столь же кощунственна, сколь и непристойна.

— Полегче, — сказал Аот, — мы убьем его. Только не сейчас.

— Разве у тебя нет магии, которая... — начала она.

Аот взмахнул копьем, указывая на остальную часть замка и все еще бушующую там битву.

— Мы нужны нашим союзникам. И теперь, когда мы занимаем самую высокую точку в замке, то можем зачистить стены. Идём.

* * * * *

Баглз заревел. Велвелод ощутил движение со всех сторон.

Рога трубили об отступлении. Оглядевшись, нежить—воин роматари увидел, что его союзники делают все возможное, чтобы отделиться от своих врагов и поспешить к разным дверям, ведущим внутрь крепости. Кто—то — скорее всего, сам Урамар — должно быть решил, что их сторона проигрывает.

Велвелод развернулся и бросился к одной из дверей в крепость. Эльф—олень вскочил на него и попытался пронзить грудь копьем. Он уклонился и нанес удар в бок нападавшему.

Что—то ударило его между лопаток, отбросив вперед, и он споткнулся, но не упал. Он не знал, что в него попало — снаряд или ручное оружие — и не стал оглядываться назад, чтобы узнать.

Он споткнулся о дергающееся тело ледяного тролля, и ему снова пришлось бороться, чтобы восстановить равновесие. Повернувшись назад, он увидел, что безопасная крепость была прямо впереди. Нар—повелитель демонов с иссохшими серыми конечностями, покрытыми татуировками, и круглым латунным амулетом, висящим на шее, держал окованную железом дверь, когда пара гоблинов вбежала внутрь.

Волшебник посмотрел прямо на Велвелода, затем усмехнулся и захлопнул дверь с грохотом, похожим на удар грома.

— Ты грязный ублюдок, нар! — подумал Велвелод, когда что—то врезалось ему в колено сзади. Он упал вперед. Когда он перевернулся, второй удар копьем попал ему в лицо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Двери во дворе замка резко закрылись с громовым шумом. Глядя вниз с крыши крепости, Аот пытался определить — не остался ли кто—нибудь из врагов в ловушке в угловых башнях или в каких—нибудь меньших постройках вдоль стен.

— Нет, — прохрипел Джет. — Рашеми говорили, что Крепость Полудемона славится подземельями и туннелями под ней. Я предполагаю, что независимо от того, в какую дверь нырнул тролль или ведьма, они встретятся с остальными.

— Наверное, ты прав, — сказал Аот. — Будь она проклята, в любом случае.

— Ты думал, мы сможем помешать им запереться внутри? — спросила Цера, тяжело дыша. Несмотря на холод, ее круглое лицо было потным, и она выглядела так, словно на неё давил вес своей булавы и доспехов.

Не совсем, — сказал Аот. — Учитывая то, как бессистемно мы начали битву, все прошло так, как мы и могли ожидать, — он еще раз взглянул на зубчатые стены. Пара живых — или воскресших — врагов все еще продолжали бороться, но никто из них не выглядел заслуживающим заклинания. Воины могли с ними справиться. — Давайте спустимся туда.

Он запрыгнул Джету на спину, а Цера забралась за ним, пристегнувшись к седлу. Грифон взмахнул крыльями и перепрыгнул через ряд зубцов.

Когда Джет устремился вниз, Аот искал Джесри. Все еще невредимая, она уже приступила к сожжению павших троллей и нежити. Вандар и Король—олень тоже были в порядке, и казалось, что ни воины—олени, ни берсерки не понесли больших потерь.

Последние, кстати, колотили в двери замка любым импровизированным тараном, какой только могли найти, но ворота не были живым врагом, и без плоти, которую нужно было резать, и крови, которую можно было пролить, ярость берсерков ничем не подпитывалась. По одному или по два, они прекращали тщетную атаку и, спотыкаясь, уходили прочь, с серыми лицами и дрожащими мускулами.

Братство, подумал Аот, все еще было бы сильным и готовым к новой битве. Но он знал, что был не совсем справедлив. Даже пехота Кхорина не смогла бы справиться с этой безумной атакой на замок лучше, чем братья из клыка Вандара. На самом деле, несмотря на всю их подготовку, они могли бы даже не справиться. Было время для дисциплины и тактики — Аот считал, что это было большинство времени — но также и время для чистой ярости.

Как только ремни седла отстегнулись, Цера спрыгнула со спины Джета и отправилась на поиски тех, кто нуждался в ее исцелении. Аот еще раз огляделся, чтобы попытаться увидеть то, чего не было видно с вершины крепости, и заметил наконечник красного копья Вандара, выглядывающий из—под мертвого багбира, упавшего на него сверху.

Джет снова взмыл в воздух, чтобы осмотреть поле боя с высоты. Аот подошел к копью и поднял его. У него перехватило дыхание от силы и чар, которые он почувствовал внутри оружия, из—за чего и насторожился. Дело было не в том, что оно было проклято, или, по крайней мере, его создатель не хотел, чтобы оно таким не было. Ему не нравилось ощущение, будто оружие само оценивает своего владельца.

— Это мое – ворвался Вандар.

Аот повернулся и обнаружил, что вождь клыка подошел к нему сзади. Он смотрел так, будто перед ним всё еще был враг, и, подтверждая это, он держал красный меч боевой хваткой.

Убедившись, что он не торопится и не выглядит взволнованным, Аот первым протянул древко оружия.

— Я знаю, — ответил он. — Я просто избавил тебя от необходимости искать его.

— Я знаю, что ты жаждешь его, — сказал Вандар. — Но духи дали мне его, как и грифонов.

Аот посмотрел в глаза мужчине.

— Ты же согласился отдать мне половину. Ты дал слово, помнишь?

Вандар задержал взгляд на одно долгое мгновение. Затем он моргнул, и что—то, что могло быть замешательством или даже оттенком стыда, промелькнуло на его лице.

— Да, — сказал он. — Я имею в виду, что я верен тем, кто верен мне, —он взял копьё. — Спасибо, что нашел его.

— Будь осторожен с ним и с мечом, — сказал Аот. — Я мало что знаю об оружии фейри...

Вандар повернулся к тому месту, где несколько его товарищей—берсерков все еще пытались выбить дверь.

— Разве магия не может пробиться внутрь? – спросил он.

Аот вздохнул и сказал:

— Я надеюсь, что этого не потребуется. Отзови своих людей.

— Мы не должны давать дуртан время перегруппироваться! — запротестовал берсерк.

— Это нам нужно время, чтобы перегруппироваться, — ответил Аот. — Твои братья должны восстановить свои силы, иначе враг перережет их, как только они попадут внутрь. Вашим раненым нужна помощь, иначе они, скорее всего, умрут. Это то, что ты хочешь?

Рашеми вздохнул.

— Нет, — сказал он. — Просто останавливаться на полпути — не то, как сражается берсерк, — он повысил голос до крика. — Братья! Оставьте двери в покое! Наблюдайте за ними и помогите раненым!

— Пойдем, — сказал Аот, — посоветуемся с нашими товарищами.

Они направились к Королю—олень, который сейчас стоял среди призрачных зверей, которых он вырвал из—под контроля дуртани подчинил себе. У его ног ластился огромный волк, на его плечах разместились белки, а на концах рогов сидели вороны. Это могло бы выглядеть комично, если бы не их полупрозрачный вид, лисий взгляд в глазах и запекшаяся кровь на наконечнике оружия лорда фейри.

— Все прошло не так уж плохо. — сказал Аот.

Король—олень кивнул.

— Я вижу, ты оттащил рашеми от дверей. — сказал он.

— Враги уже потерпели поражение, — сказал Аот. — Может быть, когда мы откроем двери, ваши воины должны будут войти первыми.

Дух усмехнулся:

— Это сработает? Я бы беспокоился о том, что эти герои будут атаковать, несмотря ни на что, и растопчут мой народ в своем стремлении сблизиться с врагом.

Вандар фыркнул.

— Запросто, — сказал он. — Все в порядке, тэец. Клык Грифонов счастлив взять на себя инициативу в любой битве.

— Хорошо, — подумал Аот. — Будь идиотом. Мне то что?

Вслух он сказал:

— Нам нужно больше людей на стенах. После того, как мы разместим их там, мы сможем немного расслабиться. Поешьте, отдохните и восстановите силы и заклинания. Давайте запланируем атаку на крепость перед закатом.

— Значит, ты хочешь сражаться с нежитью ночью? — спросил Зил. Аот посмотрел вниз и увидел, что черный заяц присел у его ноги.

Король—олень пожал плечами.

— Неважно, — сказал он, — внутри крепости и в подземельях будет темно, когда мы туда ни вошли.

— Верно, — сказал Аот. — И мы должны быть готовы к тому, что битва будет не из лёгких. Враг знает территорию, а мы нет. Большинство из них смогут видеть лучше, чем большинство из нас. Нас попытаются разделить и заманить в ловушки. А это

значит, что если мы потеряем голову от паники или жажды крови и бросимся в темноту, нам конец. Вандар, ты можешь контролировать своих братьев по клыку?

— Даже когда нас охватывает ярость, — ответил рашеми, — мы не теряем рассудка, — он удивил Аота, слегка криво улыбнувшись. — Не все из нас, не каждый раз. Мы разделимся на боевые отряды, каждый из которых возглавляет брат, умеющий контролировать свой гнев — человек, который может контролировать себя, не даст потерять себя и другим. Остальные будут двигаться за ним след в след.

— Хорошо, — сказал Аот, повернувшись к Королю—олень. — И вы можете управлять своими воинами? Признаюсь, я мало что о них знаю, но не думаю, что они провели много времени под землей.

— С ними все будет в порядке, — ответил дух. — В любом случае, это моя забота, а не твоя.

Аот вдохнул пар.

— Я не пытаюсь учить вас, Ваше Высочество, — сказал он. — Или Вандара. Но кто—то должен думать об общей тактике. И, может быть, капитан, который захватил больше крепостей и сразился с большим количеством нежити, чем может вспомнить, но у которого в управлении нет армии — лучший кандидат на эту роль.

Король—олень пренебрежительно махнул рукой.

— Хорошо, человек, — сказал он. — Возможно, ты прав. Обещаю, по крайней мере, я прислушаюсь к тому, что ты порекомендуешь.

Вандар коротко кивнул.

— Я тоже. — сказал он.

— *Наконец—то!* — подумал Аот.

Джет рассмеялся своим визгливым смехом в голове своего хозяина.

— *Им просто нужно будет кого—то обвинить, если что—то пойдет не так.*

Урамар заметил, как мягкая плоть половины маленького демона сочилась в хватке Сокольников. Сам повелитель черепов выглядел несколько потрепанным — у него все еще была перчатка, но та же самая стычка, которая обуглила куски его костей дочерна, стояла ему всего остального снаряжения. Теперь он надел панцирь, который мешком болтался на его костлявом теле.

Самым большим изменением стала потеря одного из его черепов. Пара сломленных личностей Урамара — две из наиболее эрудированных и наименее здравомыслящих — спорили, сможет ли нар как—то раздобыть еще одну или должен вечно обходиться только двумя.

На мгновение их голоса стали болезненно громкими. Урамар подавил желание стиснуть зубы и ударить себя по вискам. Его армия только что проиграла битву, и его разумы воинов понимали, что в такой момент его офицеры не должны видеть его расстроенным или подавленным. Это было бы плохо для общего морального духа.

Внезапно половина трупа демона заговорила, отвлекая его от дискомфорта в своем сознании.

— Я смиренно извиняюсь, что заставил вас ждать, благороднейший из волшебников, но я уверен, что вы понимаете, что, окруженный нашими общими врагами, я не всегда могу ответить сразу.

По словам Сокольничего, маленький труп передавал слова некоего Дай Шана, торговца—авантюриста из Теска. Акцент смертного был странен для Урамара, но его легкий баритон говорил об интеллекте и самоуверенности.

— Мы в осаде, — рявкнул Сокольничий. — Почему ты не предупредил меня о приходе Клыка Грифонов и их союзников?

— Если бы я мог, — сказал Дай Шан, — но, к моему вечному сожалению, я не знал. Я уверен, что такой проницательный лидер, как вы, может понять, что, хотя я собираю информацию так усердно, как только могу, я не посвящен в чужие планы. У вас большие проблемы?

— Бывали дни и получше, — ответил нар. — Ты можешь чем—нибудь помочь нам?

Дай Шан заколебался, а может быть, магии просто понадобилось мгновение, чтобы донести его слова до места назначения.

— Возможно, августейший маг, возможно, — сказал он. — Что вообще у вас происходит...

С тихим хлюпающим звуком оставшаяся плоть полутрупа разом превратилась в жидкость. Он соскользнул с костей маленького демона и пролился на пол брызгами грязи. Пара голосов Урамара завизжала от смеха. Более брезгливая душа хотела блевать, и от тошноты у него скрутило желудок.

— Я так понимаю, на этом разговор окончен? — спросила Ниварра. Ведьма—вампира, казалось, трепетала от нетерпения. Урамар подозревал, что это произошло не столько из—за того, что ее союзники проиграли первую битву, сколько из—за того, что солнечный свет помешал ей участвовать в ней и испить крови тех, кто стал бы жертвой ее силы.

— Да. — сказал Сокольничий. Он бросил кости беса в лужу гнили у своих ног.

— Оно и к лучшему. — усмехнулась Певкалондра. Блестящая жемчужина размером с глазное яблоко располагалась в левой глазной орбите ее сморщенного лица, а крошечные серебристые скорпионы ползали, как вши, в складках ее вылинявшего синего бархатного платья. Поскольку в крепости была лишь горстка ромвирианцев, она, возможно, не пользовалась таким же статусом, как Сокольничий и Ниварра, и ей не нужно было включаться в военный совет. Но некоторые из более проницательных голосов Урамара утверждали, что было бы вежливо вызвать ее в темный, разрушенный большой зал крепости вместе с двумя другими руководителями.

Сокольничий повернулся и посмотрел на гуля обеими черепами.

— И почему.

— Потому что любой мог уловить предательство в этом елейном голосе, — сказал Певкалондра. — Я думала, даже нар может это заметить. Но возможно...

— Не начинайте! — отрезал Урамар. — Пожалуйста. Мы все теперь братья и сестры, объединенные верой Лода. А даже если бы и не были ими, сейчас не время для возобновления ссор.

— Я понял, что шу, вероятно, не сможет нам помочь, — сказал Сокольниковый сквозь стиснутые зубы, — но общение с ним не вредило, и нет причин думать, что он обманывает нас. Он сказал, что вырезал подсказки в гробницах под замком Железного Лорда, и если это так...

Урамар поднял руку с кривыми пальцами, рубчатыми шрамами и пегой кожей.

— Тебе не нужно оправдываться, — сказал он. — Я подумал, что мне стоит поговорить с ним самому. Теперь нам нужно рассмотреть вопрос, который он нам задал. Наше положение тяжелое?

Ниварра издала плюющийся звук.

— Конечно нет! — сказала она. — Я не единственная дуртан, которая не может выйти наружу, на дневной свет. Если они спустятся сюда, то мы сможем переломить исход борьбы.

— Я согласен, — сказал Сокольниковый. — У моего народа есть демоны, которых мы еще не использовали.

Певкалондра кивнула.

— И мои конструкты готовы. — добавила она.

Урамар улыбнулся.

— Хорошо, — ответил он. — Я знал, что могу рассчитывать на ваш боевой дух. Теперь мне кажется, что лучший способ сокрушить незваных гостей — это нацелиться на их заклинателей. У них всего несколько человек, и без них они не смогут победить.

— Согласен, — сказал Сокольниковый. — И никому не нужно уговаривать меня сосредоточить свои усилия на Фезиме и Повелительнице Солнца. Мне нужно свести счеты.

— В то время как я, — промурлыкал Ниварра, — получу огромное удовольствие, если опозорю Короля—оленья. Что за темные фейри сражается на стороне хатран?

— Тогда наш план готов, — сказал Урамар. — За исключением того, что есть еще один момент, который следует учитывать. Что если, несмотря ни на что, враг снова одержит верх?

Певкалондра фыркнул.

— Я планирую победить, не проиграть.

Один из самых бойких голосов Урамара посоветовал ему, что ответить.

— При всем уважении, миледи, — сказал он, — одна из сильных сторон Высокопреосвященства заключается в том, что мы планируем все непредвиденные обстоятельства. Мы придумываем, как заставить даже поражение служить нашим целям. Вот почему никто не может помешать нам создать нашу империю.

— Как мило, — сказал Сокольниковый. — Но каков план на случай непредвиденных обстоятельств?

— Если мы разобьем наших врагов, отлично. Но если битва пойдет против нас, то более... разумная нежить отступит в безопасное место по тропам смерти. Тем временем мы оставим зомби в прекрасной броне, масках и мантиях дуртан, чтобы они погибли вместе с нашими гоблинами и прочими низшими слугами. Некоторые возьмут с собой документы, чтобы создать впечатление, что, взяв эту одну крепость, наши враги разгромили все наше предприятие.

Даже когда он сформулировал план, он почувствовал укол вины; потому что вся нежить, даже с самым маленьким умом, заслуживала лучшего. Но также верно и то, что любому командиру иногда приходилось жертвовать войсками для достижения своих целей.

Ниварра кивнула.

— Мне это нравится. — сказала она.

— Хорошо, — сказал Урамар. — Теперь поговорим о частностях. Сокольничий, ты знаешь крепость лучше, чем все мы. Как лучше всего беспокоить смертных по мере их продвижения? Где лучше всего расположить группы?

* * * * *

Зимнее солнце почти скрылось за зубчатыми стенами. Джесри знала, что скоро начнется следующая фаза осады, поэтому, хотя она и не была голодна, она заставила себя откусить пару кусочков острого белого сыра рашеми.

Она заворачивала то, что осталось, в изношенный старый платок, когда к ней подошли Цера и Аот.

— У Железного Лорда Рашемена есть грифоны на продажу, — сказал боевой маг, криво улыбаясь. — Мы должны пойти купить их.

— Все должно быть достаточно просто, — сказал Цера, цитируя его. — И втроем справимся.

— Что ж, — сказала Джесри, — мы трое справимся с этим. Так или иначе.

— Верно, — сказал Аот. — Но будь осторожна внутри. Особенно внизу, в хранилищах, где, я уверен, нам предстоит самая ожесточенная борьба.

Она нахмурилась. Не в его характере было делать такие расплывчатые и бесполезные предостережения такому опытному ветерану и надежному товарищу, как она.

Цера, видимо, думал так же.

— Ты беспокоишься? — спросила она. — У тебя было видение?

Аот фыркнул.

— Опять твоя жажда откровений, — сказал он. — Нет, слава Повелителю Огня. Я просто хочу, чтобы мы делали это вместе с Братством. Но мои желания ничего не значат, так что давайте полагаться на себя.

Берсерки и эльфы—олени уже слышали план, поэтому им не потребовалось много времени, чтобы выстроиться в грубый подковообразный строй вокруг высоких двойных дверей в центре крепости. Джесри стояла перед строем и устремила взгляд и всю свою волю на окованные железом панели перед ней.

Направив свой посох на двери, она прочитала контрзаклинание, чтобы рассеять чары, которые их поддерживали. Затем она обратилась к механизмам, которые также защищали ворота и скомандовала поднять штифты и сдвинуть стержни.

Ничего не произошло.

Но все было в порядке. Заклинания, которые она только что попробовала, были лишь наименьшей частью ее магии. Затем она попыталась пробить камень слева от дверей, как в подземном дворце Гронтэ. Напевая, она взмахнула своим посохом в

горизонтальном направлении, чтобы указать где и как она хочет, чтобы камень разделился.

Блоки из песчаника, защищенные магией древних наров, как и ворота, не обращали на нее внимания.

Значит, они должны будут загореться.

Взмахивая посохом вверх—вниз, напоминая этими движениями вздымающееся пламя, она прочитала стихотворение на одном из шипящих и потрескивающих языков Бессмертного пламени. Огонь, который был частью ее, вырвался вперед, чтобы полностью поглотить тело волшебницы.

Но это пламя было слабой мерцающей свечой по сравнению с жаром и потенциалом тепла, концентрировавшимся в ее руках и посохе. Когда она собрала все, что могла удержать, она подняла медный посох над головой и замахнулась им на двери, словно топором, собираясь разрубить врага пополам.

Поток пламени хлынул из головки посоха. Ни жар, ни яркость не беспокоили Джесри, но ее союзники закричали и отшатнулись.

На мгновение или два двери выдержали даже такую атаку, но затем они начали плавиться. Наполовину расплавившаяся и деформированная, железная рама двери со звоном упала на порог.

Что—то большое, как великан, с кошачьей головой и хвостом, чешуйчатым, как у дракона, выскочило из воздуха. Джесри понял, что изможденная фигура была демоном, которого нары заключили в ворота с целью предосторожности. Все это время она боролась с силой демона, и, как это ни парадоксально, победив его, она даровала ему свободу.

Демон протянул свои когтистые руки и бросился на берсерков. Аот направил свое копье и пронзил существо дротиками голубого света. Танар'ри пошатнулся, и это дало Вандару достаточно времени, чтобы броситься на него и вспороть ему живот красным мечом. Петли кишок выскользнули наружу, и существо рухнуло. Второй порез расколол его череп и вбил из него мозг.

Поскольку поджигать всю крепость не стоило — по крайней мере пока — Джесри потушила шипящую вспышку и свою огненную ауру. Цера взмахнула булавой по дуге и указала на дверной проем. Чистый свет Желтого Солнца вспыхнул на другой стороне зала за воротами. Возможно, это не повредит гоблину или троллю, но должно сбить с толку большинство видов нежити.

Но никто не закричал. Берсерки ринулись вперед.

— Нет! — рявкнул Аот. — Вандар и я пройдем первыми, — он бросил взгляд на вождя клыка – Осторожно.

Берсерк нахмурился, но резко кивнул.

— Как скажешь. — ответил он.

Пробираясь сквозь тлеющие угли и обломки раскаленного железа, двое мужчин пробрались в крепость. Джесри зашагал за ними и вошла с первой волной нетерпеливых братьев Вандара.

Она оказалась в просторном вестибюле с высоким потолком, с арочным проемом, ведущим в другие помещения на том же уровне, и лестницей, вьющейся наверх. Когда враг отступал вглубь крепости, он оставил следы в виде кровавых капель и мазков в

пыли. Но, кроме мертвого хобгоблина, который, очевидно, скончался от нескольких ран сразу после того, как оказался внутри, здесь больше никого не было.

Вандар оглядел мрачное пространство.

— Ты был прав, — сказал он Аоту. — Они ушли в склепы, как мертвецы.

— Может быть, не все, — ответил Аот. — На их месте я бы оставил отряд, спрятанный в стенах или на верхних этажах крепости, в одной из башен или где—то еще, дабы атаковать нас со спины, когда мы уйдем вниз. Что ж, стоит осмотреть каждую комнату, и уже потом двигаться под землю.

* * * * *

У «Бури Возмездия» было больше заклинателей, чем нужно, и никто из них не доверял Дай Шану. Из—за их пристального внимания было трудно добиться незаметности, но после некоторого осмотра он нашел в трюме что—то вроде укромного уголка — пространства, отгороженного перегородкой и связкой бочек, и этого было достаточно, чтобы тихо поговорить и не пропустить крадущегося наблюдателя.

К сожалению, там было тесно, грязно и воняло испорченными продуктами. Но Дай Шан не позволил этой неприятности ускорить своё исчезновение. Он сел, скрестив ноги, закрыл глаза, медленно дышал диафрагмой и обдумывал последствия своего досадно короткого разговора с Сокольничим.

После того, как он оценил все детали, ему все еще нужно было подумать о более мелком вопросе: как избавиться от бесполезной половины маленького мертвого демона. У него возникло искушение просто оставить его там, где он лежал, и позволить крысам, которые, как он слышал, шныряли где—то в трюме, сгрызть его. Но вполне возможно, что кто—то наткнется на него до того, как это произойдет, и тогда Марио Без захочет узнать, как на борту его небесного корабля оказались кости танар'ри.

Дай Шан предпочитал, чтобы такая возможность не висела над его головой. Лучше пойти на небольшой риск, а потом насладиться спокойствием, пришедшим вслед за решенной проблемой. Именно такой путь выбрал бы его отец.

Поскольку мрак не мешал его зрению, он бродил по трюму, пока не нашел кусок клеенки. Позволив себе слегка нахмуриться от отвращения — полубес, или то, что от него осталось, было еще более отталкивающим на ощупь — он собрал слизь и кости и направился к палубному люку, находившемуся впереди.

Оказавшись на трапе, он прошептал заклинание, от которого грязь слетела с его лица. Затем последовало заклинание, которое должно было отвлечь внимание любого наблюдателя, после чего он спустился вниз и закрыл за собой люк.

Пытаясь казаться небрежным, он огляделся. Насколько он мог судить, никто не обращал на него никакого внимания, даже Олте, мужеподобная жрица, которая отрабатывала удары своим топором всего в трех шагах от него.

Задаваясь вопросом — перерезало ли когда—нибудь неповоротливое существо оснастку, и если да, то имел ли кто—нибудь, даже Без, наглость жаловаться на это, Дай Шан не спеша подошел к поручням. Он перекинул сверток за борт.

Он отпраздновал успех своего маневра, воспользовавшись моментом, чтобы насладиться видом замерзших просторов озера Ашейн, сияющих красным в свете заходящего солнца. Хотя шу никогда раньше не путешествовал на небесном корабле, ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что полет доставлял удовольствие, не похожее ни на что другое из пережитого им. Он чувствовал себя богоподобным, когда весь мир расстилался под ним, и снова пообещал себе, что, как бы Дом Шан ни распорядился остальными грифонами, он оставит себе голубоглазого короля прайда.

К сожалению, он не мог долго просто стоять и наслаждаться видом — надо было поработать. Он повернулся и направился к верхней палубе, где у большого дубового колеса стоял Без. У него были подчиненные, которые знали, как управлять кораблем, но, похоже, Марио нравилось исполнять обязанности рулевого.

Поднимаясь по трапу, Дай Шан задавался вопросом — какая польза от управления, когда руль направлен не в воду, а в воздух. Предположительно, это была неотъемлемая часть той же магии, которая вообще позволяла кораблю летать.

— Прославленный капитан. — сказал Дай Шан.

— Жадный торговец, — ответил наемник с ухмылкой, указывающей на то, что он потворствует своему чувству юмора. — Где ты прятался?

— В тихом уголке, подходящим для медитации, — сказал шу, — где я мог бы оставаться в стороне, пока ваша трудолюбивая команда выполняла свои разнообразные задачи.

Без хмыкнул и повернул штурвал вправо. Корректировка, похоже, не требовала никаких действий от матросов на такелаже, но брашпили, управляющие складывающимися крыльями, сразу же начали проворачиваться.

— Похоже, это хорошее место для тебя, — сказал командир наемников. — Но я так понимаю, ты думаешь, что нам нужно поговорить.

— Капитан столь же проницателен, сколь и смел, — сказал Дай Шан. — Когда я медитирую, я иногда нахожу возможным освободить свой дух от телесных ограничений. Так было сегодня днем. Без них я увидел, что Клык Грифонов уже атакует Крепость Полудемона.

Без нахмурился.

— Тогда да возьмет тебя Дева Боли, свинья, — сказал он. — Если бы ты не настоял, чтобы я вернулся в Имилмар, чтобы забрать тебя, «Буря Возмездия» могла бы добраться туда первой. Теперь, я думаю, нам просто остается надеяться, что берсерки не справятся с этой задачей. Тогда мы сможем героически прилететь на сцену, чтобы превратить поражение в победу.

Дай Шан поклонился.

— Как всегда, когда говорит мой проницательный союзник, я слышу мудрость, — ответил он. — Это действительно одна из возможностей. Но возможно, нам не стоит преждевременно отметить ни один из вариантов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Стой. — сказал Аот. Впереди, там, где туннель расширялся в просторный пятиугольный свод с пятью другими коридорами, выходящими из него, пол покрывал причудливая мозаика. Спрятанный в узоре, но видимый для тронутых пламенем глаз, пятиугольник, мерцал бледно—зеленым свечением.

— Я тоже это вижу, — сказала Джесри, — более или менее. Я говорила с камнем вокруг нас. Он болен. Отравлен тем, что гноилось внутри него все эти столетия. И вот прямо впереди большой гнойник. Думаю, там могущественный демон.

— Мы знаем об этом что—нибудь еще? — спросила Цера, свесив булаву на ремне, чтобы заправить выбившийся белокурый локон обратно под шлем.

Судя по всему, никто не знал.

— Я могу сказать, — сказал Аот, — что когда он выскочит на нас, он будет не один. Если я не ошибаюсь, есть и другие враги, скрывающиеся по ту сторону этих арок, где мы их не видим. В боковых проходах позади нас тоже. — Союзники пытались проверять и расчищать такие потенциальные проблемные места по мере их исследования, но без того, чтобы снова и снова отделять людей от его маленькой армии, не было никакого способа сохранить туннели зачищенными. Они были слишком похожи на лабиринт. Проходы соединялись вместе непредсказуемым образом.

— Если мы знаем, что это засада, — сказал воин за спиной Аота, — что ты скажешь, если мы не наткнемся на нее? Давай найдем обходной путь.

— Нет, — сказал Вандар. Его красное копьё сияло светом, призванным Церой для освещения тоннеля. — Давайте повернем ловушку против звероловов.

Аот кивнул.

— Я согласен, — сказал он. — Не похоже, что мы действительно можем избежать битвы с демоном – враги выпустят его нам в спины. Но, поскольку мы знаем о ловушке, то можем попытаться использовать её в наших целях.

— Должны ли мы узнать, что думает Король—олень? — спросила Цера.

— Нет, — сказал Аот. — Если он хотел высказывать свое мнение, ему следовало идти впереди, вместе с нами. Вот что мы будем делать...

Когда он закончил излагать план, он был передан от воина к воину шепотом. Когда все стало понятно, Аот обратился к Джету, кружащему над замком.

— *Что—то есть?* — спросил боевой маг.

— *Нет,* — ответил грифон. — *Если у наров были туннели, выходящие за пределы замка, они не используют их, чтобы ускользнуть. По крайней мере, я не вижу.*

— *Хорошо, потому что мы собираемся выпустить демона. Это не было бы особенно умным поступком, если бы нашего врага не было здесь.*

— *Это в любом случае не самый умный поступок. Но когда это тебя останавливало?*

По тоннелю донесся слух, что все знают, что они должны делать. Аот и его спутники двинулись вперед. Мягкий, приглушенный звук шагов, цоканье копыт и скрип кожи, а также случайное бормотание или рычание духов животных свидетельствовали о том, что за ними двигалась цепь союзников.

Пока направляющие крались в склеп, Аот заметил, что сводчатый потолок достаточно высок, чтобы вместить в зале даже великана. Замечательно. Пока он собирался намеренно наступить на край узора, Вандар пронесся мимо него.

— *Хорошо*, — подумал Аот, — *давай ты*.

И берсерк так и сделал, чуть не растоптав эту часть мозаики.

Демон появился в поле зрения и одновременно прорычал слово силы. Он был таким огромным, как и опасался Аот: с рогами, волчьей головой, лохматой красно—черной шкурой и непропорционально большими крабовыми клешнями на концах каждой длинной крепкой руки. Заряд силы, который несло слово, сбил Аота и его товарищей с ног.

Аот нашел опору, выкрикнул собственное слово силы и метнул молнию в туловище демона. Джесри, в свою очередь, ответила ему веерообразной вспышкой огня, а Цера — палящим лучом света Амаунатора. По—видимому, пораженный скоростью их реакции, глабрезу взмахнул когтями и отступил на шаг.

Но это была не вся сила ответного удара. Их союзникам нужно было начать сражаться, и снова Аоту пришлось признать, что безумцы Рашемена нашли себе применение. Даже его наемники могли бы заколебаться, хотя бы на один—два удара сердца, если бы такой огромный враг вдруг появился прямо перед ними. Берсерки же нет. Вандар взвизгнул, как грифон, его братья ответили тем же, и все они бросились в атаку.

Что Аот нашел еще более впечатляющим, так это то, что они действовали точно так, как он им приказал. Некоторые бросились на демона, а другие бросились перехватывать врагов, которые, как он был уверен, вот—вот хлынут в зал из других туннелей. Последнее, возможно, было актом еще большего мужества, потому что требовало от берсерков повернуться спиной к глабрезу.

Вандар был одним из воинов, которые бросились на демона. Он вонзил красное копьё в левую ногу существа. Глабрезу повернулся к нему, при этом отступил в сторону и рывком сбил берсерка с ног. Вандар выпустил копьё и, проворно, будто акробат на карнавале, вскочил на ноги с алым палахом в руке.

Аот направил свое копьё в грудь глабрезу и выпалил первые слова заклинания, которое взорвет его радугой разрушительных природных эффектов. Внезапно свет в комнате замерцал и потускнел, а позади закричала Цера.

* * * * *

Вандар был одним из воинов, которые бросились на демона. Он полностью вонзил красное копьё. Король—олень догадывался, что Аот Фезим считает, будто он отлынивает, и это то раздражало, то забавляло его. Он мог сразиться с любым врагом, что доказал во дворе. Но для вождя было глупо маршировать в авангарде и попасть в яму—ловушку или стать мишенью для спрятавшегося лазутчика. И если тзец этого не понимал, то он был дураком, независимо от того, сколько личей и драконов он победил, или как остро его горящие голубые глаза видели то, что другие видеть не могли.

Кроме того, кто—то должен был охранять тыл — Аот сам это признал. Так почему бы не Королю—оленью и его слугам? Если он не ошибся в своей догадке, сражение

здесь, в конце колонны, должно было оказаться столь же тяжелым и важным, как и сражение на передовой.

Отдающийся эхом рев, крики людей и других существ, а также грохот и треск магии, смешавшиеся вместе, подсказали ему, что битва началась. Он посмотрел в проход позади себя, на арочные проемы, ведущие к другим туннелям, и ждал, когда во мраке появятся враги. Рядом с ним полупрозрачный, слабо светящийся телтор в образе огромного волка нюхал холодный затхлый воздух. Он зарычал, и его мех взъерошился.

Темные фигуры устремились вверх по туннелю и вышли из всех дверных проемов. Запах гниения наполнил нос Короля—оленья — лишний признак того, что он и его товарищи—воины в первую очередь столкнулись с нежитью.

— И это должно меня напугать? — спросил он себя, ухмыляясь. Мыслью он приказал духам противостоять призракам и тому подобному; поскольку телторы также не были сделаны из плоти, они лучше всего подходили для этой задачи. Затем он издал боевой клич, шагнул навстречу существам, шаркающим по тоннелю, и взмахом рогатого топора разрубил иссохшего гуля пополам. Позади него глухо звякнуло оружие, когда его отпрыски — выродившиеся, разочаровывающие животные, но способные воины — тоже начали сражаться. С каждым их движением колокольчики всё звенели, и звенели, и звенели, и звенели.

Король—оленья вонзил свое оружие в грудь другого гуля, сломав ему ребра, раздробив гнилые органы и сломав позвоночник. Затем он снес зомби голову. Он уже сбился со счета, скольких врагов он убил, и если он не будет осторожен, то полностью отдаст себя безумию и энергии ближнего боя, будет думать о противнике перед ним и ни о чем более. Это было тем более вероятно с учетом того, что бой начался со всех сторон.

Но он знал, что как лидер своей группы он должен попытаться сохранить благоразумие, отчасти потому, что до сих пор дуртан не давали о себе знать. Когда они начнут плести магию, ему придется противостоять ей.

Возможно, полагая, что отсутствие телесности спасет его, призрак с дрожащим пятном на лице бросился на фейри с протянутыми тонкими руками. Он разрубил его в клочья своим топором. Мертвый гоблин с раздробленной головой ударил скимитаром по почке Короля—оленья — он парировал удар и еще больше разбил его череп. Сразу после этого он развернулся и набросился на существ, зашедших на него сзади.

Сила внезапно задрожала в воздухе. Это не был ни звук, ни свет, ни тепло, ни холод, но любой, обладающий мистическими способностями, почувствовал бы это. Король—оленья почувствовал это как покалывание в суставах и мерзкую горечь на языке.

Призрачный медведь дрогнул, когда ведьмы попытались вернуть себе контроль над ним. Призрачный барсук упал в конвульсиях.

Король—оленья усмехнулся, сосредоточил всю свою волю, чтобы лишить дуртан силы их бывших фамильяров, и обнаружил, что это не так просто. Очевидно, ведьмы—нежить воспользовались временем между битвами, чтобы выяснить, как оказать сопротивление Королю—оленью.

Только сообщая они могли составить ему конкуренцию. Применяв прием восприятия, которым он овладел тысячелетия назад, он заглушил для себя эхо рева битвы, и сосредоточился на холодном, замысловатом пении, которое, как он предположил, скрывали более громкие звуки.

Остальной мир замолчал, и он действительно услышал заклинание ведьм. Он ожидал, что они будут работать под защитой многочисленных воинов, и так оно и было. Они были на дальней стороне дверного проема слева, вне хаоса центрального коридора.

Король—олень позволил своему слуху вернуться к норме, и шум битвы ворвался на него. Он рубил рогатым топором и посылал по проходу заряды чистой силы, сбивая некоторых гулей и зомби с ног и отбрасывая других назад. Затем он ринулся вперед, а вместе с ним вперед понеслись и некоторые из его отпрысков, а так же часть еще сильных и послушных его воле телторов, и даже парочка визжащих берсерков.

Как только он, его слуги и нежить столкнулись вместе, Король—олень продолжал набирать силу с каждым ударом, продвигаясь вперед, пока арка не оказалась перед ним. Он наносил удары снова и снова, пока не разрубил и не снес последние разлагающиеся препятствия со своего пути. Затем он бросился в боковой проход.

Шесть ведьм в масках собрались вокруг маленького голубого огня на полу. Дым от костра создавал в воздухе жгучую дымку, а пагубная сила ритуала таяла в стенах из песчаника. Некоторые ведьмы плакали кровавыми слезами, даже несмотря на своё неживое состояние.

Дуртан направили свои палочки и посохи на Короля—оленья. Он снова вызвал свою силу, рубанул топором и бросил еще один магический взрыв. Он поразил ведьм и разбросал по комнате обломки костей и иссохшей плоти.

Это было хорошее начало. Но до сих пор ни одному из приспешников Короля—оленья не удалось последовать за ним через арку. Он был один, а это означало, что ему придется уничтожить ведьм в одиночку. Он двинулся за ними, но увидел, как другие фигуры в мантиях становятся видимыми и окружают его. Он с опозданием понял, что дымка состоит не только из дыма, но и из тумана, бывшего вампирами, принявшими газообразную форму.

Фейри взревел и начал бить изо всех сил. Но несколько женщин—вампиров вцепились в него, и некоторым из них даже удалось удержаться.

Одна из них прошептала ему на ухо:

— Ты узнаешь меня?

И он узнал. Он едва успел узнать голос Ниварры, которая так искусно сражалась в Войне Ведьм, после чего две холодные иглы вонзились ему в шею.

* * * * *

Прерванное заклинание Аота потеряло свою силу, и искры погасли. Он повернулся в сторону крика Церы, но не увидел её. Она была почти погребена под вихрем теневых демонов и, очевидно, не могла создать достаточно яркое свечение, чтобы уничтожить или отогнать их. Демоны каким—то образом заставляли свечение, исходящее от жрицы, мерцать и тускнеть. Если он погаснет совсем, у их армии не

останется ничего, кроме нескольких факелов и светящихся кристаллов, едва разгонявших окружающую темноту.

Оставив на время глабрезу Джесри, Вандару и другим нападавшим берсеркам, Аот нацелил свое копье и метнул стрелы света в тени. Это было далеко не самое мощное атакующее заклинание в его арсенале, но он не осмеливался использовать ни одно из самых смертоносных, опасаясь задеть и Церу.

Две темные фигуры с рваными черными крыльями и длинными рогами, торчащими из голов, вылетели из вихря в его сторону. Он зарядил свое копье кипящей сущностью хаоса, и ударил оружием одну из теней. Воин увернулся, и в тот же момент что-то потрянуло его, хотя удар был психический, а не физический. Его тело внезапно онемело, а дух начал отделяться от него.

Аот прорычал слово защиты и призвал магию, которая воссоединила его тело и душу воедино, но момент его замешательства позволил демону, в которого он ударил, вырвать копье из его рук и отбросить его. Обе тени бросились махать когтями.

Прикрываясь своим щитом, пытаясь укрыться от демонов, Аот отступил назад, наткнувшись на кого-то и изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, дабы не упасть. Он выхватил свой меч и зарядил его мерцанием разрушительной силы. Воин сделал ложный выпад по одному из демонов, прежде чем развернуться и ударить другого.

Эта тень бросилась на него и пронзила саму себя. Магия клинка превратила её в ключья тьмы.

Аот развернулся в противоположном направлении. Другого теневого демона больше не было.

Подозревая, что он сместился ему за спину, Аот продолжал поворачиваться, как раз вовремя, чтобы заблокировать удар когтя щитом, а затем полоснуть демона мечом по животу. Его противник разлетелся на куски мрака, которые затем полностью растворились.

Он повернулся к Цере и обнаружил, что находится дальше и едва может ее видеть. Комната была переполнена берсерками и эльфами—оленьями, спешившими либо вступить в бой, либо отступить из него из-за полученных ран. Тем не менее, все увидели вспышку, когда жрице наконец удалось направить силу Амаунатора. Все кроме одного из оставшихся теневых демонов мгновенно исчезли. Последний попытался защитить себя, упав на пол и попытавшись пройти сквозь него, но рассыпался в прах, когда был по пояс в камне.

Аот начал проталкиваться к Цере.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Да, — выдохнула она, — Хранитель защитил меня.

— Я видел, — сказал он, желая обнять ее, но зная, что у него нет времени. Он огляделся и решил, что, хотя Вандар и его братья по клыку проделали неплохую работу, изрезав нижнюю часть тела демона, а Джесри сожгли шерсть на верхних частях тела, глабрезу по-прежнему представляет наибольшую угрозу. Он огляделся, нашел свое копье и поднял его. — Нам нужно...

Взрыв грязно—красного пламени отбросил рашеми, сражавшихся в одном из дверных проемов. В брешь ворвалось громадное чудовище, состоящее из кусков множества разных трупов. Один зеленый глаз и один коричневый, первый на ширину

пальца выше второго, глядели из—под края шлема на своих врагом. Уродливое лицо было бугристым, покрытым пятнами и испещренным шрамами.

Лоскутное существо было одето в доспехи, совершенно не похожее на любой, который когда—либо видел Аот, но его больше беспокоило оружие монстра, чем его доспехи. Он видел, что двуручный меч излучал магическую силу, и когда монстр ударил им одного из братьев Вандара, плоть берсерка иссохла, а его колени подогнулись под ним.

Рядом с существом появился повелитель черепов с крыши крепости, рубя своих врагов фальшионом. А за ними вырвался клин из воющих гоблинов и ревущих ледяных троллей. Аот понял, что глабрезу снова придется подождать.

* * * * *

Король—олень почувствовал холод и опустошение. Сквозь его спутанные мысли кто—то прошептал обещание, что если он только плюхнется на пол и подчинится, озноб превратится в экстаз.

Взревев, он уронил свой рогатый топор, схватил Ниварру, вырвал ее клыки из своего горла и отшвырнуть прочь. Только после того, как он это сделал, он понял, что второй вампир цепляется за него и сосет кровь из его предплечья. Он вырвал ее и тоже швырнул в коридор.

Обе дуртан невредимые вскочили на ноги. Между тем, фейри все еще был онемевшим и слабым. Он кричал о помощи и голосом, и разумом. Кто—то из его отпрысков наверняка услышит первое, а каждое тотемное животное, которого он подчинил своему влиянию, должно распознать второе. Ему оставалось только продержаться, пока к нему не подойдет помощь. Он наклонился, чтобы схватить свой топор, но там его уже не было.

Ниварра рассмеялась, и он увидел, что это она забрала оружие. Она бросила его с грохотом в проход, еще сильнее отделив оружие от его хозяина. Ее взгляд пронзил Короля—оленя. Это заставило его почувствовать, будто она бросилась на него, или, быть может, это мир накренился и заставил его упасть на нее.

Ее взгляд парализовал бы его, если бы он позволил. Фейри отвел глаза и увидел ведьму в коричневой мантии и с когтистыми, покрытыми гнилью руками, мчащуюся к нему сбоку. Он опустил голову и снова вскинул ее. Его рога разорвали ее черную кожаную маску и лицо под ней.

К тому времени одна из вампиров напала на него. Он схватил ее, взревел и оторвал голову. Сразу после этого её плоть начала распадаться на слизь.

Он ухмыльнулся другим ведьмам.

— Кто следующий?

На самом деле он не ожидал, что его бравада напугает их и заставит отступить, и этого не произошло. Но больше никто не был настолько безрассуден, чтобы драться с ним врукопашную. Вместо этого, стоя вместе, они рычали и шипели проклятия, от которых его сердце забилося, кишки скрутило, а свежая кровь хлынула из холодных пульсирующих укусов на шее и предплечье.

Одинокий фантомный ястреб пролетел через арку позади него. Ведьма, одетая в черное и белое, пробормотала стишок, и тело телтора изогнулось, как будто

невидимые руки схватили его и выжали, как тряпку для мытья полов. Он упал на пол и исчез.

Зил прыгнул в отверстие и своим пронзительным голосом выкрикнул вступительные слова заклинания. Дуртан в коричневом плаще набросилась на него, как кошка, прежде чем он успел закончить. Она рвала его тело своими зазубренными когтями и швыряла в воздух окровавленные куски плоти. Король—олень мгновение горевал по своему слуге, а затем мрачно сосредоточился на собственном тяжелом положении.

Сквозь стиснутые зубы Король—олень пробормотал слова защитных заклинаний, которые, казалось, не приносили никакой пользы. Он изо всех сил пытался напасть на ведьм, но это было все равно, что попасть в шторм. В своем сбитом с толку, тяжком состоянии он не мог сказать, вызвал ли враг настоящий ветер или это было давление взгляда Ниварры.

Что бы то ни было, после одного—двух натужных шагов оно остановило его. Он задумался, скорее с изумлением, чем со страхом — не попал ли он после всех этих тысячелетий в ловушку, из которой он не сможет выбраться силой или хитростью. Он собрал свои силы для величайшего и, возможно, последнего усилия.

Выросшие в одно мгновение кусты ежевики взлетели с пола. Они хлестали вокруг него, туго дергались и вонзали свои длинные шипы глубоко в его плоть.

Он попытался вырваться, но безрезультатно. Единственным эффектом было расширение ран вокруг проколов от клыков. Дуртан набросились на него.

* * * * *

Сначала Король—олень перестал двигаться, потом перестал дергаться, а через несколько ударов сердца Ниварра и ее сестры—ведьмы отступили от его трупа. Она вытерла окровавленные губы тыльной стороной ладони и надела потускневшую серебряную маску.

— Дадим ли мы ему шанс подняться? — спросила дуртан в красном.

— Нет, — сказала вампир. — Принесите оружие.

Ведьма в красном достала топор и обезглавила его бывшего владельца. Потребовалось четыре сокрушительных удара, чтобы голова Короля—оленья отвалилась от его шеи. Она наклонилась и подняла её за один из рогов.

— Теперь, — сказала вампир в серебряной маске, — давайте посмотрим, захотят ли его воины сражаться, когда мы покажем им доказательство того, что их господин мертв.

* * * * *

Аот двинулся навстречу лоскутному мечнику, и, прихрамывая, что могло быть результатом несоответствия ног, существо двинулось ему навстречу. Так же поступил и повелитель черепов.

И Цера знала, а может это прошептал ей Хранитель, что её возлюбленный не справится с ними в одиночку. Только не в такой давке, когда самые мощные заклинания навредят не только врагам, но и союзникам. Жрица должна помочь ему.

Она взмахнула булавой над головой, обрушила силу Хранителя и выпустила стрелу сияния из наконечника оружия. Он ударил повелителя черепов, как таран, и отбросил его назад.

Что ж, она привлекла его внимание. В тот момент, когда ему понадобилось восстановить равновесие, она пробормотала вторую молитву. Вокруг нее замерцали парящие знаки из золотого света.

Это было как раз вовремя, потому что мгновение спустя в глазах одного из его черепов вспыхнул красный свет, а затем на нее полетела вспышка багрового огня. Палящий жар и мерзкая вонь отбросили ее назад, и на мгновение ей показалось, что вокруг нее было нечем дышать, кроме грязи и угольков. Потом пламя погасло, и она вдохнула чистый воздух. Лихорадочно подводя итоги, она обнаружила, что атака лишь задела ее. Парящие руны защитили ее от худшего.

Но огненный взрыв предоставил лорду—черепу своего рода укрытие, и он использовал его, чтобы ринуться вперед. Действительно, он почти полностью сократил расстояние между ними. Ужас потряс Церу и заставил застыть на месте.

Вернее, почти. Она ахнула:

— Хранитель!

И тогда в нее влилось тепло. Это не очистило ее от всех следов заклинания испуга — вероятно, для этого нужно было устранить причину, — но неестественный, парализующий страх исчез.

Фальшион повелителя черепов полетел в нее. Она заблокировала удар своим щитом, и тяжелое лезвие ударило так сильно, что на мгновение она испугалась, что удар сломал ей руку. Она попыталась нанести ответный удар своей булавой, но потеряла равновесие, и ответный удар даже не приблизился к ее противнику. Повелитель черепов снова нанес ей удар, и только благосклонность Тиморы позволила ей увернуться.

Было ясно, что, несмотря на все, чему она научилась за время, проведенное с Аотом, она и близко не была готова победить этого врага в рукопашном бою. Когда он приблизился, Цера снова призвала силу Желтого Солнца и пробормотала молитву. Она не знала, сможет ли она закончить её вовремя, но единственная реальная возможность заключалась в том, чтобы она хотя бы попыталась.

Пара призрачных воинов, каждый из которых был пятном янтарного света, появилась между ней и повелителем черепов. Он попытался броситься между ними, но они сместились, чтобы оградить жрицу от него, и ударили его своими мечами.

Укрывшись позади них, Цера швыряла потоки силы Амаунатора — лучи солнечного света, наполненные святостью и праведной ненавистью божества к нежити. Третья такая атака разорвала лорда—черепа на горящие осколки костей.

На мгновение, забыв о том, что она узнала ранее, Цера надеялась, что это конец. Затем обугленные фрагменты скелета соскользнули и соединились вместе, начав повторную сборку.

Нет! Только не опять! И хотя напряжение последних нескольких мгновений, физическое и психическое, сделало ее запыхавшейся и слабой, она поползла вперед, чтобы размогнуть единственный уцелевший череп. Скользя, словно живые оружия, ее сотворенные защитники двигались вместе с ней.

Она думала, что вовремя преодолела расстояние, потому что добралась до повелителя черепов, когда его сила еще собирала его тело вместе. Но рука с перчаткой уже собралась и через лопатку и позвонки снова соединилась с оставшимся черепом. Нар взмахнул рукой и выпустил слугу, которого держал в резерве.

В поле зрения Церы появилось что-то похожее на уродливого херувима с багровой кожей цвета синяка, с ожерельем из мумифицированных глазных яблок, свисающим с его опухшей шеи. Он хлестнул своими кожистыми крыльями, рванул к Цере и протянул короткие руки с длинными черными когтями. Ее светящиеся телохранители ударили его, но промахнулись. Она попыталась отразить его атаку своим щитом, но не смогла достаточно быстро поднять левую руку.

Демон полоснул ее по лицу, проносясь мимо. Боль пронзила ее мозг, и все почернело. Она поняла, что танар'ри мог просто вырвать ей глаза.

На мгновение ужас угрожал заглушить все остальные мысли. Затем что-то — возможно, милость ее божества, или осознание того, что она сражается не только за себя, но и за Аота, или простое отвращение к повелителю черепов — снова пробудило безумные расчеты в путающихся мыслях.

Каким бы опасным ни был маленький демон, его хозяин оставался большей угрозой. Если еще не слишком поздно, она должна положить ему конец, прежде чем он закончит восстанавливать себя. Но она не могла нацелиться на него!

Но нет, это было паническое настроение. На самом деле она не изменила своего положения — она лишь отшатнулась на шаг. И если этого не сделал повелитель черепов, она знала, где он был. Протянув сознание к Хранителю и взяв его силу, она взмахнула своей булавой, ударила молотом и залила пол обжигающим сиянием, которое она могла лишь чувствовать.

Её ноги подгибались, а дыхание сбивалось. Цера ждала, что кто-то ударит её, но ничего не произошло.

Пульсирующая боль на ее лице немного утихла, и, моргая, она различила пятно света. Она вытерла кровь, стекавшую из порезов на лбу, и смогла увидеть больше. Судя по всему, демон не вырвал ей глаза. В его когтях был яд или какая-то магия, которая ослепила жрицу.

От повелителя черепов не осталось ничего, кроме пепла и золы, и не было никаких следов демона. Либо он сражался где-то в ревущем безумии битвы, либо скрылся, когда умер его хозяин.

В любом случае, он больше не летал вокруг Церы, и за это она была ему благодарна. У нее не осталось ничего, чтобы побороться с ним — ни физических сил, ни божественных. Все еще окруженная своими фантомными телохранителями, она отступила в относительно безопасную часть склепа, контролируемую ее товарищами, прежде чем заметила нарастающую неразбериху в одном из дверных проемов.

* * * * *

Глабрезу нацелил пару огромных клешней на Джесри. Импульсы фиолетового света освещали черные когти изнутри.

Она бросилась в сторону. Взрыв ядовитой силы обрушился на то место, которое она только что освободила, сломав этот кусок пола и подбросив в воздух куски камня.

— Что нужно, чтобы убить это? — спросила она. Она уже сожгла большую часть меха сверху и обожгла плоть снизу туловища демона. Дюжина берсерков Вандара отдали свои жизни, чтобы помочь ему порезать его ноги. Но он все равно стоял.

Она подняла свой посох обеими руками и воззвала к камню в потолке.

— Веками, — сказала она, — демон мучил тебя и делал больно. Теперь ты можешь отомстить. Я тебе помогу.

Из потолка появилась пара огромных рук. Они сомкнулись вокруг головы демона и сжались.

Глабрезу заметался и бесполезно замахал когтями, пытаясь ударить по каменным рукам. Но вдруг глабрезу исчез и вновь появился чуть левее того места, где только что был схвачен, и теперь он был свободен. Демон взмахом руки разбил каменные конечности. Все еще настроенная на камень, Джесри услышал, как он вскрикнул от боли.

Нуждаясь в моменте, чтобы сосредоточиться и переориентировать свою энергию, она отступила. При этом она заметила, что воины — в основном эльфы— олени — вбегают в комнату через ту же арку, через которую ранее зашла она.

Изначально ничего плохого в этом не было. Склеп был тем местом, где Аот хотел занять оборону, и все войска должны были проникнуть в него настолько быстро, насколько это было возможно. Но она могла сказать, что эльфы— олени не спешили драться. Они бежали, натываясь на своих союзников, сбивая их с ног и топчая в спешке, сея тревогу и смятение.

У их маленькой армии, очевидно, больше не было арьергарда. Что—то разрушило его, и это что—то теперь угрожало ворваться в самый центр строя берсерков, как только сможет пробиться через отступающих фейри.

Джесри решила, что разрушение арьергарда — еще большая проблема, чем глабрезу. Но что она могла с этим поделать со своей позиции?

Она осмотрелась и увидела, что берсерки Вандара успешно защитили еще один из дверных проемов, ведущих в зал, убив или отбросив врага, который атаковал с этого направления. Там была всего пара рашеми, карауливших проход.

Джесри снова потянулась к камню вокруг нее. Расстроенный тем, что по её вине ему причинили боль, он попытался отдалиться от неё.

— Прости, сказала она, — но для такого большого существа, как ты, эта боль была всего лишь крошечной царапиной. Ты мне нужен. Покажи мне, как этот туннель соединяется с соседним.

Камень какое—то время не отвечал. Затем перед ее внутренним взором возникла своего рода диаграмма.

— Спасибо.

Готово. Она знала, что ни один солдат, даже волшебник, не сможет пройти по лабиринту в одиночку. Она искала воинов, которые сопровождали бы её, но большинство берсерков уже были вовлечены в ту или иную жизненно важную борьбу. Единственными исключениями были раненые, бледные и дрожащие от боли и потери крови — эти эффекты всегда обезоруживали берсерков после того, как их ярость гасла. Несколько наименее ослабевших кричали и размахивали руками в тщетной попытке остановить отступающий арьергард.

За неимением лучшего Джесри направилась к эльфам—оленьям. Они заметили ее, и ее приближение сделало то, чего не смогли рашеми. Существа прекратили попытки сбежать от того, что было позади них, и уставились на нее карими сияющими глазами.

— *Что?* — недоумевала она. — *Что они видят?*

Но она знала, что сейчас не время обдумывать этот вопрос. Надеясь, что это произведет на них еще большее впечатление, она окутала себя пламенем.

За время, проведенное с эльфами—оленьями, она узнала, что, хотя они и не могут говорить, все они хотя бы немного понимают по—эльфийски. Поэтому она переключилась на то, что знала на этом языке, крикнула эльфам—оленьям следовать за ней и подкрепила команду, махнула посохом в направлении одной из арок. Затем она зашагала в этом направлении.

Мгновение эльфы—олени стояли на месте, и она подумала, что, какова бы ни была причина их интереса к ней, этого недостаточно, чтобы преодолеть их страх. Мгновение спустя, звеня колокольчиками и стуча копытами по полу, они рысью побежали за ней, проносясь между удивленными берсерками, через груды окровавленных трупов и дальше по коридору.

Испуская сразу дюжину криков и рычаний, демон или нежить — Джесри так и не смогла понять, кто именно — выползли из ответвляющегося туннеля. Существо было на голову выше ее и почти такое же широкое, как и высокое. Из—под грифельно—серой кожи торчали десятки гримасничающих безумных лиц. Лица на его туловище, возможно, были содраны со взрослых мужчин и женщин, в то время как лица, идущие по его толстым узловатым конечностям, уменьшались в размерах, пока не становились такими же маленькими, как лица новорожденных младенцев. Он бросился на нее с протянутыми руками.

Волшебница встретила существо вспышкой пламени, которое вызвало в ее сердце что—то вроде глухой боли. Существо пошатнулось и завопило из разных ртов. Хотя оно было покрыто ожогами, оно удержало равновесие и продолжало ковылять вперед. Женщина приготовилась произнести еще одно заклинание, но четверо эльфов—оленей пронеслись мимо нее, окружили существо и начали вонзать в него копыта, пока оно не рухнуло.

Она полагала, что это к лучшему, потому что приступ боли был предупреждением о том, что она уже израсходовала значительное количество своей силы. Ей, вероятно, понадобится еще немного для того, что должно было произойти.

Еще два поворота привели ее и ее товарищей в туннель позади того, из которого сбежали эльфы—олени. Она прищурилась, пытаясь разобраться в происходящем перед ней, хотя фигуры на переднем плане почти заслоняли собой все, что было позади них.

Похоже, на арьергард напали силы нежити, вышедшие оттуда же, откуда и теперь вышла она. Некоторые из нежити были ведьмами, и они, очевидно, напугали арьергард, убив Короля—оленья и восстановив власть над телторами, которых он ранее вырвал из—под их контроля.

Джесри смогла сделать так много всего за одно сердцебиение, потому что, как она и опасалась, враг услышал приближение ее и эльфов—оленей, и дуртан перестали атаковать арьергард, чтобы повернуться и противостоять отряду волшебницы. Ведьма в темной мантии и черной маске, которая могла быть из потускневшего

серебра, держала рогатый топор Короля—оленья, как посох. Другая женщина в красном одеянии держала отрубленную голову фейри. Их глаза сияли, как звезды, а призрачные волки и барсуки сидели у их ног.

Дуртан подняли своё оружие и начали читать заклинания. Магический яд прокатился по коридору волной зеленоватого свечения. Участки каменной кладки потрескались под облаком яда.

Джесри выпалил слова защиты. Ее собственная сила проявилась как вспышка пламени, которая встретила приближающееся мерцание и выжгла яд.

Вслед за этим волшебница нанесла ответный удар, призвав огонь вырваться из камней под ее противниками. Но ведьма в серебряной маске, взмахнув топором фейри, заблокировала заклинание еще до того, как оно начало проявляться. Оружие, без сомнения, было могущественным артефактом.

Обе стороны какое—то время обменивались атаками, но ни одна из них не могла пробить защиту другой. Джесри знала, что она была более могущественным волшебником, чем любой из тех, кто противостоял ей, но их сила была в числе.

Пока она сражалась с ведьмами, призрачные животные и нежить выпрыгивали из арок поблизости или просто появлялись из твердого камня. Пронзая копьями и рубя мечами, эльфы—олени защищали ее от них.

Стрелы тьмы пронзили ее огненный плащ, а холодок заставил ее сжаться и задохнуться. Она пыталась обрушить потолок, чтобы похоронить ведьм под грудой камней, но ничего не вышло. Она поняла, что это не потому, что нежить блокировала её магию, а потому, что её заклинания слабеют.

Эта неудача была предупреждением о том, что ее нынешний подход не поможет выиграть бой. Ее враги изнуряли ее. Продолжая яростно атаковать и защищаться, она попыталась представить ситуацию так, как на неё посмотрели бы её друзья.

Аот и Кхорин сказали бы, что ее текущая цель не в том, чтобы уничтожить существ, которые так упорно стремились убить ее. Её задачей было остановить отступление арьергарда и последующее за ним падение структуры их небольшой армии. А Гаэдинн, ухмыляясь своей кривой ухмылкой, сказал бы ей, что, когда ни мастерство, ни сила не могут взять верх, пора переходить на блеф.

Джесри изо всех сил старалась изобразить убедительную ухмылку, словно жестокая богиня в смертном облики, которая устала играть со своими тщедушными противниками и была готова продемонстрировать всю свою силу. Она заставила огненную ауру гореть ярче, бросила перед собой непрерывно ревущую вспышку огня и двинулась вперед.

Из—за того, что их враги подошли ближе, врагам было сложно блокировать заклинания Джесри. Ее конечности пульсировали, и их сводило судорогой, когда все больше и больше воплощенной злобы усиливало её заклинания. Но она не позволила боли отразиться на ее лице, заставить ее замедлить шаг или прервать непрерывное излияние огня из посоха. Вместо этого она превратила части пламени в подобие разъяренных грифонов, созданных из пламени.

По мере того как она и ее вспышка неуклонно приближались, телторы прижались к ведьмам. Они съежились и с тревогой посмотрели на своих хозяек. И через еще один или два шага дуртан стали жертвами того же беспокойства. Несмотря на маски и

объемные одежды, Джесри видел их страх в том, как они напряглись и сопротивлялись.

Ведьма в серебряной маске прорычала:

— Сюда!

Она пробралась в боковой проход, и ее спутники поспешили за ней. Через мгновение после того, как последний из них исчез, в устье туннеля образовалась огромная паутина, которая должна была предотвратить погоню.

Тяжело дыша, глубоко благодарная и несколько удивленная, что блеф удался, Джесри позволила своему гневу угаснуть. Она оперлась на свой посох и ноющей, дрожащей рукой, которую было почти невозможно поднять, приказала эльфам — оленям атаковать меньшую нежить, все еще пытавшуюся прорваться и прорваться в склеп к глабрезу.

* * * * *

Вандар настолько отдался ярости, что казалось, будто он был лишь чьим — то оружием. И это было отлично. Это заставляло его рубить, делать выпады, прыгать и уворачиваться, хотя его конечности давно должны были устать и безвольно повиснуть. Это заставляло его атаковать даже тогда, когда разумный человек мог бы поддаться отчаянию.

Тем не менее, несмотря на его ярость, часть его заметила, как его самые грозные союзники выбыли из борьбы. В начале, когда он и его братья атаковали глабрезу мечами, топорами и копьями, чужеземцы швыряли в него молниями, пламенем и лучами горящего света. Но эти атаки прекратились. Не в силах отвлечь внимание от демона, Вандар не смог понять почему. Он задавался вопросом — убила ли магия глабрезу Аота, Джесри и Церу.

Что бы с ними ни случилось, это была его битва — его и Клыка Грифонов. И, несмотря на разбросанные по полу измятые и расчлененные тела рашеми, Вандар все еще верил, что они смогут победить. Конечно, чары красного меча могли убить демона, но пока что они лишь отрубили и нарезали его конечности. Берсерк знал, что должен найти способ добраться до его жизненно важных органов.

Он закричал, чтобы привлечь его внимание, и бросился к его правой ноге. Это поразило демона, как Вандар и надеялся, но результат был иным. Демон не опешил, а произнёс слово силы. Магия пронзила тело берсерка и заставила кровь брызнуть из носа.

Он зарычал, прогоняя боль, и снова рванул вперед. Затем, как он и надеялся, пара огромных клешней спустилась с высоты, чтобы поймать его и разорвать на куски. Он рванул в сторону, а когда демон начал оттягивать конечность назад, прыгнул и схватился за ближайшую клешню.

Острые края порезали его, и если бы демон просто сомкнул свои клешни, он бы отрубил берсерку руки. Но воин застал его врасплох, и вместо этого глабрезу просто завершил задуманное действие. Он поднял когти обратно в воздух, а вместе с ними и Вандара.

Глабрезу начал сжимать свои клешни, но Вандар был слишком быстр для него. Он вздрогнул и запрыгнул на вершину когтя, когда был всего в одном мгновении от

смерти. Демону нужно было только махнуть рукой, чтобы подбросить его вверх и поймать в клешни или швырнуть через склеп, чтобы разбить о стену. Но прежде чем он успел это сделать, берсерк прыгнул ему на грудь.

Красный меч вонзился в обгоревшую, почерневшую плоть глабрезу почти по самую рукоять. На мгновение Вандар повис на оружии, как альпинист на крюке. Затем под его весом меч выскользнула из раны.

В отчаянии он ухватился за пучок длинных жестких волос, которые его союзники—заклинатели не сожгли. Вися на нем, он сделал еще один выпад, а затем почувствовал — или, может быть, это были эмоции красного меча — огромные клешни, вытянувшиеся за его спиной и готовые сорвать берсерка, как клеща.

Но когти так и не сомкнулись на нем. Вместо этого демон с медлительностью, напоминавшей начало лавины, рухнул на колени. Визжа, его братья по клыку бросились колоть и резать нижнюю часть его туловища.

* * * * *

Пытаясь контролировать свое дыхание, Аот знал, что устал, а кощунство — нет. Ему нужно было положить конец сражению. Он позволил щиту немного опуститься, и его враг нанёс удар.

Казалось, что нежить не попала, но когда Аот переместился, чтобы избежать ответного удара, он увидел, что это была всего лишь уловка – настоящая атака была нацелена в его ноги.

Поскольку его щит находился не на той стороне его тела, Аоту пришлось парировать атаку копьем. Выкрикнув слово силы, он остановил пьющее жизнь оружие на расстоянии пальца от своего тела, хотя сила удара сотрясла его руку до самого плеча.

Он поджег свое копье хаотической силой и ударил врага в бок. Острые разорвало кольчугу кощунства и пронзило серую кожу под ней.

Но в тот же момент нежить ударила Аота по голове сбоку. Его шлем лязгнул, и, оглушенный, он потерял равновесие.

Он лихорадочно пытался подготовиться к тому, что будет дальше. Покачиваясь, он пытался восстановить равновесие и поднять щит и копье в нужную позицию, но он действовал намного медленнее меча своего врага.

Когда воин—нежить нанес горизонтальный удар, один из ледяных троллей, которых он привел в хранилище, бросился между ним и Аотом. Намереваясь сразиться с каким—нибудь рашеми или эльфом—оленом, он, видимо, не заметил, как вмешался в чью—то драку.

Большой меч вонзился глубоко, и тролль рухнул, а его плоть сморщилась. Кощунство дернул за рукоять своего оружия, чтобы освободить его из тупа.

По милости Девы удачи, это заняло мгновение. Этого было достаточно, чтобы мысли Аота снова сфокусировались, и он выпалил заклинание.

В воздухе появилось призрачное голубоватое оружие, почти такой же длины, как и оружие нежити. Меч полетел во врага Аота, но тот со звоном отбил удар.

Это дало Аоту еще несколько мгновений на подбор подходящего заклинания. Но когда он сделал вдох, чтобы начать читать слова силы, лоскутный воин прорычал

лишь одно слово. Аот никогда раньше не слышал его, но заряд магии, который оно несло в себе, заставил его зубы сжаться, и большая голова боевого мага снова запульсировала. В тот же момент труп ледяного тролля схватил его за лодыжку.

Аот едва успел отпрыгнуть. Возрожденный ледяной тролль поднялся с пола.

— Ладно, подумал он, — это соревнование. Мне нужно избавиться от тебя, прежде чем кощунство найдет способ избавиться от моего летающего меча.

Внезапно над склепом раздался бестелесный женский голос, магия сделала его слышимым, несмотря на рев боя.

— Урамар! – крикнул голос. — Отступайте! Все отступайте!

Все еще защищаясь от меча из света, кощунство начал делать именно это, а вместе с ним и его войска. Аоту пришло в голову, что благоразумный человек был бы рад отпустить его, но он был уверен, что кощунство был одним из лидеров нежити, угрожающей Рашемени. Он принялся атаковать тролля с удвоенной энергией, дабы поскорее избавиться от него.

К сожалению, на это ушло несколько ударов сердца, и после этого Аот обнаружил, что перед ним были лязгающие, дымящиеся вепреподобные конструкции из стали и латуни — вероятно, продукт колдовства Роматари — которые прикрывали отступление нежити. Когда Аот и его союзники уничтожили их и склеп был зачищен, кощунство уже давно исчезло.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Как и планировалось ранее, уцелевшие лидеры нежити собрались в подвале на два уровня глубже, чем тот, который они только что уступили атакующим. Несколько их утомленных последователей столпились в зале с его замысловатыми барельефами в виде демонов и проклятых душ, ползающих друг по другу. С каждым мгновением нежити становилось все больше и больше, но Ниварра и ее сверстники потребовали небольшой боковой склеп в свое исключительное пользование, чтобы они могли поговорить наедине.

Поскольку она так часто видела его, Урамар стоял, уставившись в никуда, и время от времени что—то шептал себе под нос. Темная кровь, или что—то похожее, сочилась из разреза на его теле; и, несмотря на всю серьезность сложившейся ситуации, она поймала себя на том, что задается вопросом — какой на вкус этот гелеобразный ихор. Отравит ли он ее или возвысит так, как никогда не смогла бы кровь живых? В последнее время, засыпая в то время, когда на небе сияло солнце, ей снились восторженные сны и ужасающие кошмары — иногда было трудно их отличить — о том, что могло бы случиться, если бы он позволил ей напиться досыта своей кровью...

Она поняла, что Певкалондра смотрит на нее.

— Прости. — сказала она.

— Я спросила, — сказала упырь с раздражением в голосе, — уверены ли вы, что мы побеждены. — Жемчужина в ее глазнице мерцала, как будто у нее тик, а

крошечные серебряные скорпионы, ползающие в складках ее халата, издавали еле слышный шорох. Ни один живой человек не смог бы услышать их, но вампир мог.

Вопрос ромвирианца и намек на трусость, который он нес, изгнал мысли об экзотической крови из разума Ниварры.

— Конечно! — отрезала она. — Как только я вышла из самой гущи сражения, я увидела всю битву. И да, мы убили Короля—оленья, — или, вернее, она убила. Она и ловушка, которую она подготовила, так как же кто—то смеет сомневаться в ее мужестве или ее здравомыслии? — Но в остальном все пошло не так, как мы надеялись. Враг уничтожил Сокольников и глабрезу.

А светловолосая ведьма, казалось, была на грани того, чтобы сжечь ее и ее сестру дуртан дотла. Хотя, оглядываясь назад, Ниварра понимала, что есть основания сомневаться в том, действительно ли эта сука обладала достаточной силой. Возможно, Ниварра слишком быстро отказался от этой борьбы. Но она предпочла бы вонзить себе в сердце кол из ясеня, чем признаться в этом.

Певкалондра сплюнул угольно—черную жижу.

— Если бы я думала, что битва будет зависеть от грязных наров и их питомцев, — сказала она, — я бы вообще не согласилась участвовать в ней.

Ниварра усмехнулась и почувствовала, как удлиняются ее клыки.

— На твоём месте я бы говорила тише, — сказала она. — Снаружи есть нары. И их гораздо больше, чем ромвирцев.

— Я не боюсь ни их, ни ведьм—варваров. — сказала упырь.

Ниварра крепче сжала свое новое оружие – топор фейри. Но прежде чем дело дошло до драки, Урамар рывком вскочил, и его неравномерно расположенные глаза расширились от проявления растущей враждебности.

— Довольно!

Певкалондра нахмурилась настолько, насколько ее сморщенное, шелушащееся лицо было способно выражать эмоции.

— Меня это не волнует, даже если ваши нары и дуртан превосходят меня численностью в тысячу раз, — сказала она. – Я требую уважения.

Урамар заколебался, прежде чем ответить, как будто кто—то шептал ему на ухо правильный ответ.

— Тебя уважают, — сказал он. – Если тебе показалось иначе, то это просто потому, что в нас, нежити, есть некая... свирепость. А когда что—то идет не так, это может даже заставить нас срывать друг на друга.

— Что ж, очень жаль, что твоя помощница не чувствовала себя немного более свирепой наверху, — сказала упырь. — Тогда, возможно, дела пошли бы лучше.

— Я была в эпицентре боя, — сказал Ниварра. — Где была ты? Думаю, управляла своими конструкциями с безопасного расстояния.

— Потому что это эффективный способ убить врага, — ответил Певкалондра. — В отличие от приказа бежать.

— Пожалуйста, — сказал Урамар сквозь стиснутые зубы. — Больше никаких ссор. Леди Певкалондра, я понимаю твоё разочарование. Я тоже думал, что мы победим. Мы должны были победить. Но удача была не на нашей стороне, и я доволен, что Ниварра приняла правильное решение. Я обещаю вам, что когда придет время, мы отомстим за это поражение.

Певкалондра снова сплюнула.

— Но сейчас нам пришлось бежать.

— Да, — сказал кощунство. — Итак, давайте приступим к делу и разместим тех, кто остался, таким образом, чтобы враг заплатил цену за желание охотиться на нас.

* * * * *

Аот повернулся к Цере как раз вовремя, чтобы увидеть, как из—под грязных льняных повязок, обернутых вокруг ее лба, потекла кровь. Выругавшись, она прижала руку к повязке.

— Тебе нужна помощь? — спросил он.

Она фыркнула.

— Каким бы целителем я была, если бы не знала, как стянуть порез? — сказала она, склонив голову. Она изучала его, и выражение ее лица смягчилось. — Ничего, все хорошо.

Но ты похоже чуть не потерял глаза, подумал он, и, может быть отчасти потому, что он сам когда—то был слепым, эта мысль ужаснула его. Она была права, однако, не было смысла суетиться из—за этого, особенно когда большинство из их союзников были в худшем состоянии.

— Достаточно справедливо, — сказал он. — Твоя магия возвращается?

— Возвращается, — сказала она. — Я начну помогать тем, кто пострадал больше всего, как только смогу.

— Хорошо. И мне нужно делать свою работу. — сказал он, обнимая ее. Их доспехи звякнули друг о друга.

Аот пересек склеп. Трупы — наиболее заметный из них — гигантский, воняющий гарью труп глабрезу — валялись на полу. Берсерки сидели, сбившись в кучу, и дрожали, ожидая, когда слабость, последовавшая за их яростью, сойдет. Тем временем эльфы—олени охраняли арки, ведущие к туннелям. Джесри позаботилась об этом. Очевидно, глуповатые фейри подчинялись её приказам.

Аот задавался вопросом — что, по их мнению, они увидели в ней, и что такого сделали дуртан, из—за чего они побежали? Он сказал себе, что они просто слишком остро реагируют на огонь, текущий внутри нее. Своими изуродованными заклинаниями глазами он тоже мог это видеть, но это не означало ничего, кроме очевидного, хотя оно и было странным.

Когда она увидела, что он идет, Джесри кивнула ему.

— Твоя магия возвращается? — спросила она.

— Актуальный вопрос, — сказал он, улыбаясь. — Да, а что насчет твоей?

— Тоже, — сказала она, отвечая на его вопрос быстрой улыбкой. — Я так понимаю, она нам понадобится.

— Надеюсь, да. — сказал Вандар.

Аот повернулся к человеку, подошедшему сзади. Хотя он выглядел таким же истощенным и трясущимся, как и любой из его братьев по клыку — он опирался на красное копьё, как старик, опирающийся на трость — глаза Вандара сверкнули, а губы скривились в усмешке.

— Что это значит? — спросил Аот.

— Я думал, что вас обоих убил глабрезу, — сказал рашеми. — Но теперь я вижу, что ты просто отказался от попыток убить его.

Аот почувствовал укол гнева и сделал глубокий вдох, чтобы подавить его.

— Борьба с демоном была важна, — ответил он. — Но происходили и другие вещи, которые были не менее важными, а Джесри и я — и Цера — должны были разобраться с ними. Мы не хотели оставлять вас, берсерков, наедине с глабрезу, но это было необходимо.

Вандар хмыкнул.

— Как скажешь, — сказал он. — Я... я имею в виду, мои братья и я — сумели убить это существо без тебя. Теперь я хочу знать, почему мы медлим. Нам нужно догнать врага, чтобы сокрушить его раз и навсегда.

— Конечно, — сказал Аот, — я согласен с тобой. И я намерен броситься в погоню, как только мы сможем. Но мы уже говорили об этом. Ты же не хочешь втягивать своих братьев в новые сражения, пока они не будут готовы.

— Нет, — сказал Вандар. — Но что, если дуртан убегут?

— У нас есть способ это проверить, помнишь? — сказал Аот. — Я сделаю это сейчас.

Он связался с Джетом и глазами фамильяра увидел ночное небо. Селунэ поднималась на востоке и оставляла за собой дымку мерцающих слез. Свежие белые снежинки неслись на холодном, завывающем ветру.

— *Из туннелей до сих пор никто не выходил,* — сказал Джет. — *Ты должен был взять меня с собой. Ты мог бы использовать меня, когда лоскутный человек разрывал тебя на части.*

— *Возможно, ты прав, но уже слишком поздно. Оставайся на страже.*

— *Хорошо. Но я собираюсь убить и дикую свинью. Я видел её некоторое время назад, и я голоден.*

Аот вернул взгляд на Вандара.

— Джет говорит, что на поверхности нет признаков нежити. — сказал он. — Значит, они все еще здесь, с нами, — он улыбнулся. — Расслабься. Вождь Клыка Грифонов должен поверить своему тотемному животному.

Вандар не улыбнулся в ответ, а сказал:

— Будь готов, как только сможешь.

Затем он повернулся и зашагал к своим братьям по клыку.

— Мне это не нравится, — сказала Джесри. — Он всегда был своевольным и обидчивым, и ты ему никогда особо не нравился. Но теперь он... другой.

— Я согласен, — сказал Аот, — и мне это тоже не нравится. Но, несмотря ни на что, враг в бегах. Давай покончим с этим, заберем нашу награду и вернемся к Братству.

Дай Шан стоял на носу «Бури Возмездия» и смотрел на расплывчатую черную землю внизу. Это было интересное зрелище, одновременно величественное и таинственное, но все же не похожее на Крепость Полудемона.

Облокотившись на перила рядом с ним, Марио Без сказал:

— Мы почти у цели.

— Вы уверены?

Наемник изогнул бровь.

Дай Шан поклонился.

— Тысяча извинений, самый проницательный из штурманов, — добавил он. — Конечно же, да.

— Именно, — сказал капитан. — И поскольку я готов, пришло время для тебя совершить еще несколько твоих духовных путешествий и выяснить, что мы найдем, когда прибудем.

Внутренне шу вздохнул. Возможно, было ошибкой сообщать Безу, что он обладает такой способностью. Конечно, при входе в транс в присутствии наемника присутствовал элемент риска. Что, если бы Без предположил, что Дай Шан по—прежнему намеревался забрать грифонов себе? Что, если халруаанцы решат воспользоваться ослаблением соперника, воткнув в него свою рапиру или сбросив за борт? В конце концов, именно это мог бы сделать Дай Шан на месте Беза.

Но только после того, как упомянутый соперник изживет себя. Дай Шан не знал, когда его проницательный соперник решит, что от шу больше нет пользы. Поэтому он сказал:

— Я полностью уверен, что вы безукоризненно рассчитали время, мой доблестный союзник, и мне будет предоставлена честь собрать любую информацию, которую я смогу.

Он прошел в центр палубы, сел на неё, скрестив ноги, закрыл глаза и медленно и глубоко вздохнул. Когда он почувствовал себя сосредоточенным, он потянулся к тени, которую десять дней назад отправил шпионить за Клыком Грифонов. Если с ней ничего не случилось, она все ещё следовала за берсерками на север, к Крепости Полудемона.

Да. Она все еще была жива. Он чувствовал боль пустоты, странную смесь злобы, хитрости и тупости, а также абсолютную потребность служить тому, кто контролировал её разум. Он велел ей отказаться от всего, что у неё было, и полностью захватил все её существование.

Возможно, тень сопротивлялась или сожалела, но если и так, то только мгновение. Затем оно исчезло, и на его место встал Дай Шань.

Конечно, сам он все еще сидел на носу «Бури Возмездия», но Дай Шан был доволен тем, что опустошил свой разум и опосредованно испытал то, что испытал его двойник.

Дай Шан—тень оказался в туннеле, темнота которого, конечно же, не мешала его зрению. Вглядываясь, чтобы убедиться, что в непосредственной близости от него никого нет. Он предположил, что находится в пресловутой путанице подземелий под Крепостью Полудемона. Вдалеке двигались колеблющиеся желтые огни факелов, перекликались люди, и, к его удивлению, звенели бубенцы или что—то в этом роде.

Он предположил, что Аот Фезим, Вандар Черлинка и их союзники, должно быть, выиграли первую битву с Сокольничим, его братьями—нежитью и их слугами. Только так люди могли оказаться здесь. Но что произошло?

Был один способ выяснить это, и Дай Шан полагал, что ему нужно воспользоваться им до того, как его временное воплощение погибнет. Он прошептал заклинание, и прохладное покалывание пробежало по его коже, когда он стал невидимым. Затем он подкрался к ближайшему источнику света факелов.

Сохраняя безопасную дистанцию, он наблюдал за существами, похожими на изможденных полуэльфов—полуолений, которые ходили на двух ногах и сражались с оружием в руках. Они уничтожили стального быка, который выдыхал из ноздрей струи обжигающего пара. Колокольчики, привязанные к рогам этих воинов, издавали звон, который он ранее слышал.

Оттуда он подкрался к месту, где дюжина воющих и визжащих рашеми загнала в угол дуртан и нескольких гоблинов, разрубая их на куски. Гоблины кричали ведьме в маске, чтобы та произнесла заклинание, но она этого не сделала, даже когда берсерки принялись за неё. Возможно, она уже израсходовала всю свою силу.

Такие сцены давали Дай Шану больше понимания ситуации, разворачивающейся вокруг него. Поскольку бой все еще шел, было бы преждевременно называть нападавших победителями, но их победа казалась неизбежной. Они охотились на своих врагов и загоняли их все глубже и глубже в подземелья.

И где был Сокольниковый? Уничтожен? Окружен? Сбежал через какой—то секретный выход? Невозможно было узнать.

Но, возможно, это не имело значения. Едва ли это казалось подходящим моментом, чтобы помогать нежить. Нет, если Дай Шан и покажет себя, то пусть в роли честного торговца, пообещавшего помочь спасти Рашемен. И все же не было особого смысла выдавать себя в этом облике. Нападающие не нуждались в его помощи и вряд ли с радостью приняли бы конкурента, пытающегося примкнуть к ним в момент их триумфа. Так что он просто обновил свой саван невидимости и двинулся дальше. Он хотел узнать больше.

Он пошел навстречу эху криков и шума того, что звучало как близлежащая стычка. Но прежде чем он добрался до неё, он заметил арочный проход, увенчанный тремя относительно незаметными вертикальными вырезами, подобными тем, которые он сам выточил под замком Железного Лорда. Но что—то в этих канавках выглядело по—другому.

Нет, на самом деле нет. Они выглядели одинаково, но чувствовались по—разному. Дай Шан не мог объяснить как, пока не вспомнил, что он не был самим собой. Скорее, он был тенью, преобразованной в человеческую форму, и некоторые из таких призраков обладали особым восприятием, которое позволяло им чувствовать живых и нежить.

Он все еще пытался понять, что все это значит, когда услышал приглушенные, но настойчивые голоса, перешептывающиеся в коридоре. Не желая полагаться только на магию, чтобы скрыться в ближнем бою, он отступил в ответвляющийся туннель.

Излучая неестественный холод и тошнотворное чувство неправильности, в поле зрения появилась расплывчатая, колеблющаяся и почти безликая призрачная форма. Дай Шан не мог точно сказать, шла ли она, летела или двигалась каким—то другим странным образом. Мысль о том, чтобы присмотреться повнимательнее, заставила его желудок сжаться.

Многokrатно оглядываясь через плечо, троица дуртан в масках и капюшонах поспешила за своим призрачным проводником. С ними спешили их мерцающие, полупрозрачные фамильяры: дикая кошка и рой пчел.

Ориентируясь на арку с резьбой, призрак вытянул три тонких пальца и махнул рукой вниз, как будто царапая в воздухе такие же следы. Пространство за дверным проемом изменилось.

За аркой все еще был тоннель, но теперь он разветвлялся, в то время как раньше был только один проход.

И это было не единственное изменение. Поскольку нигде поблизости не светилось никаких огней, было насмешкой над здравым смыслом предположить, что проход стал темнее, чем раньше. И все же он стал. Видимо, некая сущность тьмы роилась там настолько густо, что даже усиленное магией зрение Дай Шана с трудом различало детали готической резьбы, украшавшей стены в ошеломляющем изобилии.

Призрак провел своих подопечных через арку и повторил жест. Так же быстро, как и прежде, проход вернулся к своему первоначальному состоянию, а те, кто вошел в него, исчезли.

Дай Шан слегка покачал головой. Он задавался вопросом, могут ли у Сокольников и его сверстников быть подобные секретные способы побега? Если так, то повелитель черепов был мудрее, чем думал шу. И в таком случае, может быть, он мог бы сделать что-то большее — гораздо больше! — чем простая разведка, если бы только у него не было времени.

Он подождал еще мгновение, убедившись, что призрак и ведьмы не вернуться. Затем он подошел к арке и попробовал повторить царапающее движение.

* * * * *

Во множестве кошмарных миров, составляющих Бездну, манзы были низшей формой демонов. Они были рабами или добычей всех остальных — ковыляющие, раздутые существа размером с ребенка, с личинками, извивающимися язвах на их теле. Аот никогда не видел таких, но вспомнил, как Сзасс Тэм избавился от Неврона, превратив его в манза — в высшей степени позорный конец для выдающегося тэйского повелителя демонов.

Возможно, именно эта вспышка памяти замедлила его реакцию, потому что к тому времени, как он нацелил свое копье, Джесри уже извергала ярко—желтое пламя из своего посоха. Охваченные огнем, как и сама волшебница, несколько танар'ри упали, крича и корчась.

Аот предположил, что его задачей стала борьба с нарм, призвавшим манзов. Стараясь не споткнуться о горящего демона, он бросился на нежить с посохом в иссохших татуированных руках и большим круглым железным амулетом, свисающим с сухой шеи. Цера и пара эльфов—олений помчались за ним.

К некоторому удивлению Аота, нар не стал вызывать нового демона. Вместо этого он просто взмахнул своим посохом. Аот одновременно заблокировал удар своим щитом, зарядил копье молнией и вонзил его в грудь ходячего трупа. Вспышка и взрыв разорвали его туловище на части, раскидав куски мертвого тела в разные стороны. Эльфы—олени все равно начали рубить то, что осталось от нара — они узнали, что нежить и троллей иногда мало было убить один раз.

Тем не менее, с этим было покончено. Глаза Церы смотрели на останки нежити из—под бинта рыжевато-го цвета. Тяжело дыша, она сказала:

— Это было довольно легко.

Аот нахмурился.

— Да неужели. — После всех тяжелых боев, которые они прошли, чтобы зайти так далеко, он полагал, что должен быть благодарен за лёгкий бой. Тем не менее, что—то в этом не давало ему покоя, и он пытался понять, что именно.

Внезапный баритон, говорящий с культурным акцентом шу, отвлек его от размышлений:

— Капитан Фезим.

Удивленный, Аот повернулся и увидел, как Дай Шан приближается к золотому сиянию сотворенного Церой солнечного света. Одетый в свое обычное зеленое пальто, маленький торговец был так безукоризненно ухожен, что выглядел невероятно странно посреди битвы в глубинах лабиринта, кишящего тварями из всего Рашемана.

Но все же его чистоплотность и опрятность не были самыми странными элементами его внезапного появления.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Аот.

Шу поклонился.

— Проницательный боевой маг проникает в суть дела так остро, как я и ожидал, — сказал он. — Как вы помните, я тоже обладаю некоторыми познаниями в оккультных искусствах. Мои исследования показали, что поиски по заданию хатран привели вас и ваших бесстрашных союзников в Крепость Полудемона. Так что, поскольку это и мое задание, я бросился сюда с помощью колдовства, чтобы помочь, чем смогу.

Аот фыркнул и сказал:

— Другими словами, застолбить свои права хотя бы на пару грифонов.

Дай Шан поднял свои холеные руки.

— Как бы я ни сочувствовал трудностям наших нанимателей—рашеми, я признаю, что мои мотивы не совсем альтруистичны, — сказал он. — Возможно, если надавить, даже самые доблестные наемники могли бы признать то же самое.

— Вполне справедливо, — сказал Аот. — Но ты опоздал окунуть свою морду в эту бочку. Ты нам не нужен. Разве что ты захочешь убраться.

— Тогда поздравляю вас, — сказал Дай Шан. — Тем не менее, услышав, что дело зашло так далеко, как вы говорите, я озадачен той конкретной группой нежити, которую я видел, идущей по определенному проходу. Судя по их поведению и снаряжению, я предположил, что они могущественные существа высокого ранга. Хотелось бы уничтожить врагов прежде, чем объявить, что с угрозой покончено навсегда.

— Вы видели большого монстра, которая выглядел так, будто был соткан из частей разных тел? — спросила Цера. — Или ведьму в потускневшей серебряной маске? Она должна была нести посох с рогами на конце.

Дай Шан слегка кивнул.

— На самом деле, мудрая дочь солнца, — сказал он, — именно их я и видел. Их двоих и троих других.

Рот Аота сжался. Ему не очень нравилось быть партнером такого бойкого маленького угря, но в свое время он сражался бок о бок с людьми и похуже.

— Если ты приведешь нас к этим существам, может быть, мы сможем выделить тебе пару грифонов, — сказал он. — Так или иначе, найдем способ рассчитаться.

— Да будет так, — ответил шу. — И теперь, когда мы обсудили это, могу ли я порекомендовать вам поторопиться? Мы бы не хотели, чтобы враг ушел слишком далеко от того места, где я его заметил.

— Один момент. — сказала Джесри. Погасив огненную ауру, она подошла к стене и приложила к ней кончики пальцев. Аот знал, что она разговаривает с камнем вокруг них, выясняя, где находятся другие отряды их армии.

Джесри повернулась.

— Кажется, все под контролем. — сказала она.

— Хорошо, — ответил Аот, глядя на Дай Шана. — Теперь мы можем идти.

Шу вел их по извилистому маршруту через своды и проходы, в которых эхом разносились крики и грохот стычек. Высматривая признаки неприятностей, Аот не мог не восхищаться легкостью, с которой Дай Шан преодолевал лабиринт.

С умолкшими колокольчиками и цокающими по полу раздвоенными копытами восемь эльфов—олений выстроились в линию позади своих товарищей—людей. Аот задался вопросом — насколько они понимают, что происходит, и решил, что он, вероятно, никогда не узнает. В своей немой непостижимости они казались символом всей страны, захваченной феями и духами.

Еще один поворот открыл перед ними арочный проход и прогнал эти мысли из его разума, когда он удивленно хмыкнул.

Дай Шан посмотрел на наёмника.

— Что—то не так, бесстрашный капитан? — спросил он.

— Это интересно. Цера и я видели три точно таких же выреза на вершине арки в гробнице в священной роще.

— Те самые склепы, — сказал Дай Шан, — из которых, как вы сказали, появились дуртан и оборотни, хотя до этого вы установили, что они пусты.

— Да. — ответил Аот.

— Что ж, мне приятно, что я могу решить эту конкретную загадку для вас, — сказал шу. — Посмотрите на арку, пока я буду повторять слова, которые я слышал от покрытого шрамами существа. Именем Прославленного, Посохоносца, Владыки Забытого Склепа, откройся.

Пространство за отверстием изменилось. То, что было одним проходом, разделилось на два. То, что раньше было безликими стенами, внезапно покрылось замысловатой резьбой, похожей на грибок, выросший в одно мгновение: сбивающая с толку мешанина из черепов, скелетов, плакальщиц, цветов, венков, закатов и душ, стоящих перед своими богами на страшном суде. Кроме того, неприятная тьма блокировало освещение, сотворенное Церой. Это напомнило Аоту описание Царства Теней, данное Гаэдинном и Джесри, и он подозревал, что именно на него он и смотрит. Или, если не сама Тень, то производный от нее полуплан.

Эльфы—олени испугались изменений, и Джесри повернулась, чтобы успокоить их. Цера ухмыльнулась Аоту.

— Значит, ты видишь абсолютно все, да?

— Время от времени, — ответил он, пытаясь казаться раздраженным, чтобы ей больше нравилось ее поддразнивание. — Просто бывают вещи, которые не увидят ни одна пара глаз. Эта вещь — одна из них.

— Как скажешь, любовь моя, — сказала она. — Как скажешь.

— Если мои бесстрашные товарищи готовы, то нам пора, — сказал Дай Шан. — Я не думаю, что ворота останутся открытыми навсегда.

— Вероятно, нет, — сказал Аот. С копьем наизготовку он двинулся вперед, а Дай Шан отошел в сторону и уступил лидерство. Аот полагал, что это было достаточно справедливо — торговец сделал свою работу, и пришло время солдату заняться своей.

Как только он перешагнул порог, он почувствовал опустошение. Он потерял связь с Джетом, как и при входе в Страну Фей. Это было доказательством того, что он и его товарищи действительно перешли на другой уровень реальности.

И это был не единственный признак изменений. Тут было холоднее, чем снаружи арки. Цера пробормотала молитву, которая наполнила свет, следовавший за ней, как верная собака, теплом, но окружающий мрак тут же начал высасывать и жар, и сияние. Ей придется продолжать вкладывать силы в чары, если она хочет, чтобы они продолжали существовать.

Это была еще одна веская причина быстро найти и уничтожить вражеских лидеров. Аот двинулся вперед, но тут услышал звон колокольчиков. Он повернулся, чтобы посмотреть, что взволновало эльфов—оленей.

Как и предсказывал Дай Шан, арка позади них снова изменилась. Вместо того, чтобы соединяться с туннелем, который они только что покинули, теперь она обрамляла прямой участок прохода, также окутанный мраком и украшенный погребальной резьбой. Однако, к счастью, на их стороне арки были свои три метки, обозначающие вход в мир смертных. У Аота и его товарищей не должно возникнуть проблем с его нахождением, когда их дела будут завершены.

Джесри снова успокоила эльфов—оленей. Все они шли вперед через гулкое пространство, которое оказалось не менее лабиринтным, чем те коридоры, что лежали под крепостью. Саркофаги стояли на возвышениях или стояли дыбом в нишах. Урны стояли на полках. Нагромождения траурной резьбы на стенах иногда уступали место более упорядоченным пространствам, где изображения напоминали фасады гробниц. Иногда проход расширялся, чтобы вместить ряды надгробий, отдельно стоящий мавзолей или даже целое кладбище под сводчатым потолком. Это место походило на лихорадочный сон о загробном мире.

И его обширность была проблемой. В конце концов, Цера заявила то, что все уже наверняка начали понимать:

— Слишком много коридоров во всех направлениях, — сказала она. — Нежить могла уйти куда угодно.

— Вы можете отследить их? — спросил Аот у нее и у Джесри.

— Возможно, — сказала Цера. — Я могу спросить Хранителя, куда они пошли.

— А я могу говорить с камнем и воздухом. — сказала Джесри.

Аот дал им время на их ритуалы. Тем временем он бродил вокруг, вглядываясь и прислушиваясь, пытаясь уловить любые признаки их врага или любой скрытой угрозы, присущей склепам. По—видимому, делая то же самое, эльфы—олени также ходили по периметру сияния Церы.

Однако Дай Шан пошел дальше. Аот вспомнил, как шу одурачил Фолкерра Дульсаэра, и решил, что он из тех магов, которые чувствуют себя в темноте как дома. И все же это может не помочь ему, если призрак или нежить набросится на него из засады.

Но ничего не произошло. Дай Шан повернулся и побежал обратно. На этот раз на его невозмутимом лице отразилось волнение.

— Храбрый капитан, — сказал он, — посмотрите там.

Аот оглянулся на Церу и Джесри, каждая из которых все еще была сосредоточена на своих ритуалах, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Он последовал за Дай Шаном во мрак.

Шу повел его за угол, к арке, окруженной черными мраморными статуями сфинксов, сидящих на корточках. На остроконечном замковом камне были прорезаны три канавки.

— Видите?

— Да, — сказал Аот. — Предположительно, враг прошел через другой дверной проем, чтобы покинуть это место. Это вполне может...

Вид перед ним изменился. За аркой все так же виднелась мешанина из барельефов, но теперь каменная кладка изменилась. Барельеф скелета Келемвара на троне с чешуей уступил место ряду гримасничающих демонических голов, торчащих из стены, как дождевые трубы. Саркофаг, достаточно большой для фомора, превратился в ступеньки, ведущие вниз к маленькой лодке с пустой кроватью в центре, кораблю, которому, возможно, суждено вечно ждать, пока кто—нибудь положит на борт труп, подожжет его и пустит к центру черного озера.

Аот понял, что никто раньше не произносил слова, которые якобы вызвали такую трансформацию. Затем он понял, что Дай Шан стоит в шаге позади него.

Когда он начал поворачиваться, что—то врезалось ему в голову. Если бы не его шлем и столетний опыт противостояния ударам, которых он не мог избежать, удар вполне мог сломать ему позвоночник.

Как бы то ни было, боль пронзила его шею и вывела из равновесия. Он изо всех сил пытался устоять на ногах, в то время как Дай Шан врезался в него, как борец, намеревающийся выбить своего противника с ринга.

Это ошибка, подумал Аот. Он переместил руки на древке своего копья и ударил в то место, где шея Дай Шана соприкасалась с его плечом.

Каким—то образом шу почувствовал приближение атаки. Он отпустил Аота и дернулся назад. Это спасло ему жизнь, но полностью избежать урона не удалось — острое ударило его по передней части туловища и ранило.

— Сдавайся, — сказал Аот. — Ты безоружен и ранен. Ты не можешь победить.

Дай Шан сделал неглубокий поклон.

— Как бы мне не хотелось противоречить такому проницательному капитану, — сказал он, — мне кажется, что я уже победил. Вы можете найти поучительным изучение окружения.

Аот рискнул бросить взгляд и обнаружил, что когда шу схватил его, он оттолкнул его на другую сторону арки. То, что было позади, теперь выглядело намного, намного хуже. Аот увидел могилу, но там больше не было Джесри и Церы.

— Теперь прославленный боевой маг понимает? — спросил Дай Шан с легчайшей улыбкой, приподнявшей уголки его рта. — Не зная истинного секрета порталов, вы будете бродить здесь в одиночестве, пока либо не поддадитесь жажде, либо не привлечете внимание чего-то, что уничтожит нарушителя. Повелительница Солнца, волшебница и эти необычные эльфы—олени находятся, по сути, в одном и том же затруднительном положении, хотя они, по крайней мере, составляют друг другу компанию.

— И у меня есть ты, — сказал Аот. — Я просто подожду, когда ты снова откроешь врата.

Шу склонил голову.

— В высшей степени практичное решение, — ответил он, — если бы только я был во всех смыслах настоящим, уникальным Дай Шаном. Но увы, это не так. Я всего лишь тень, обреченная на исчезновение, несмотря ни на что, поэтому ни пытки, ни убийства не беспокоят меня.

— Тогда зачем тебе вообще на меня нападать? — спросил Аот. — Почему бы просто не заманить нас сюда, «исчезнуть» и оставить нас в ловушке?

— Еще раз отмечу остроту вашего ума, — сказал шу. — Вполне разумный вопрос. Ответ в том, что я не знаю ни всех особенностей этого места, ни всех возможностей вас и ваших союзников. Объединив свои ресурсы, вы, Джесри Колдкрик и Цера Иуртос, возможно, нашли бы выход. Две дамы все еще могут сделать это. Но не вы, могучий воин, только не в одиночку, ибо ваша сфера разрушения и битвы, а не загадки и тайны. И, в конце концов, это вы мой соперник в борьбе за грифонов.

У Аота возникло ужасное чувство, что Дай Шан только что сказал ему правду во всех отношениях. Тем не менее, возможно, он блефовал — что на самом деле он не собирался таять, а вместо этого просто ждал, когда выдастся шанс сбежать.

И даже если бы это было не так, Аот очень хотел причинить ему боль. Он прорычал слово силы, ткнул копьем и метнул из острия дротики сине—зеленого света.

Снаряды вонзились в туловище Дай Шана, и он потерял равновесие, наткнувшись на стену. Аот бросился за ним.

Тьма сгустилась и закружилась вокруг шу, как черный вихрь. Затем он исчез.

Аот подозревал, что его противник отошел лишь на небольшое расстояние. Он повернулся, ища его, и сразу же заметил. Но прежде чем он успел что-либо сделать, мрак рассеялся, и Дай Шан исчез во второй раз.

Боевые инстинкты Аота подсказывали ему, что торговец вернулся в исходное положение. Он развернулся как раз вовремя, чтобы заметить приближение врага. Вращаясь и прыгая, Дай Шан тут же попытался перепрыгнуть через верхнюю часть щита наёмника.

Аот одновременно переместил щит, чтобы защитить свое лицо, и ударил сбоку от него. Удар подхватил Дай Шана в воздухе и попал ему в живот.

Шу приземлился на спину. Он попытался подняться с пола, но усилие оказалось для него непосильным. Он слегка кивнул Аоту.

— Для меня было исключительной честью, — прошептал Дай Шан, — наблюдать, как такой прославленный воин занимается своим делом. Благодарю...

Шу исчез, но это было не так, как ожидал Аот. Тьма не шевельнулась, чтобы помочь ему переместиться через пространство. Скорее, он просто исчез, как и обещал.

Вместе с ним исчезли все следы мстительного удовлетворения, которое в противном случае мог бы испытывать Аот. Потому что не имело значения, что он уничтожил конкретное проявление силы своего соперника. Дай Шан перехитрил его, и в результате не только он, но также Джесри и Цера оказались в беде.

Аот слишком хорошо понимал, что не знает, как управлять порталами. Дай Шан не показал ему настоящую процедуру. Но чтобы быть абсолютно уверенным, он повернулся лицом к арке и сказал:

— Именем Прославленного, Посохоносца, Владыки Забытого Склепа, откройся.
Ничего не произошло.

* * * * *

Чувствуя себя таким же энергичным и злым, как когда он впервые спустился в туннели, Вандар побежал на поиски новых врагов. Берсерки, которых он взял в свою группу, поспешили за ним. Прямо впереди слева арка открывалась в проход, ответвляющийся от основного коридора под косым углом. Это была архитектурная особенность, которую любили использовать древние нары при строительстве своих подземелий, гробниц и колдовских комнат.

Что—то в арке привлекло внимание Вандара, хотя он понятия не имел, что и почему. Если не считать трех канавок, вырезанных наверху, она ничем не отличалась от многих других отверстий, через которые он прошел.

Озадаченный, он остановился и осмотрел арку. Он все еще не видел в ней ничего особенного и уже собирался идти дальше, как вдруг понял, что, хотя он сам ничего не заметил, красное копьё в его левой руке и малиновый палаш в правой что—то почувствовали. Давая о себе знать способом, почти неотличимым от его собственной врожденной интуиции, восприятие оружия фейри проникло в его мысли.

Хмурясь и пытаясь понять их, он сосредоточился на чуждых чувствах. Через несколько мгновений он решил, что и само оружие не может интерпретировать то, что ощущает. Но поскольку он был внимателен, всего на мгновение он услышал зов Церы.

Или ему показалось? Ее голос звучал слабо и издалека, и, более того, в нем было что—то не совсем настоящее, как будто он звал только в памяти или воображении.

Тем не менее, он ответил. Он выкрикнул ее имя, но она не ответила. Что бы он ни слышал или думал, что слышал, от этого ничего не осталось. Он махнул одному из своих озадаченных факелоносцев к арке. Колеблющееся желтое пламя освещало не такую уж большую часть ответвляющегося прохода, но насколько Вандар мог видеть, путь был чист.

Он покачал головой. Если он пробудет здесь достаточно долго, сможет ли фейское оружие объяснить эту загадку? Если да, то что он должен был сделать? Если Цера в опасности...

Болезненное зеленое свечение появилось во мраке впереди, в проходе, который он шел до того, как арка привлекла его внимание. Это был предательский отблеск каких—то чар, окружавших призрачные фигуры, преодолевавшие перекресток, где

туннель пересекался с другим. Существо во главе группы было большим. Оно хромало и несло двуручный меч.

У Вандара перехватило дыхание. Он был почти уверен, что только что видел «лоскутного человека» или «кошунство» — громадное существо, которое, по мнению его союзников—чужеземцев, вполне могло быть предводителем всех дуртан—нежити и наров.

Вандар и его братья по клыку уже убили гигантского демона наверху, тем самым выиграв эту битву, независимо от того, что думал Аот Фезим. Если они уничтожат и лоскутного человека, то, конечно же, никто не сможет отрицать, что берсерки были истинными спасителями Рашемена и заслужили права на диких грифонов.

Но Цера...

Нахмурившись, Вандар выбросил из головы Повелительницу Солнца. Он не знал, действительно ли она попала в беду и вообще была ли в коридоре за аркой. И даже если бы он знал, то она все равно была одной из союзниц Аота Фезима, а Аот был тэйцем и наемником. Он был достаточно бесчестным, чтобы пренебречь волей самих духов и украсть диких грифонов, что он доказал, когда пытался забрать копье Вандара. Достаточно бесчестен, чтобы бросить братьев из Клыка Грифонов сражаться с глабрезу в одиночку — либо из трусости, либо в надежде, что демон убьет соперника. И, учитывая, что уловка не удалась, он был достаточно бесчестным, чтобы попытаться убить Вандара с воздуха, по крайней мере, так его предупредил хранитель фейри.

Поскольку Вандар был честным человеком, он никогда бы не поднял руку на Аота и его друзей, пока они не продемонстрируют, что намерены обмануть его. Но это не означало, что он собирался празднично и бесполезно стоять перед пустым проходом, пока его судьба бежала в другом направлении. Он бросился бежать, а его товарищи—берсерки бросились за ним. Через мгновение они оставили арку позади.

* * * * *

Цера снова позвала Аота по имени, и звук эхом разнесся во тьме.

Джесри почувствовала укол раздражения и напряглась, чтобы не показать его на лице, потому что Цера не была солдатом—ветераном. Если кто и виноват в исчезновении Аота, так это сама Джесри. Если бы она держала его в поле зрения или быстрее реагировала на звуки борьбы...

Она вздохнула. Крик Церы точно не поможет.

— Прекрати кричать. — сказала она.

— Но...

— Если бы Аот собирался ответить, он бы уже это сделал. — сказала волшебница.

Цера покачала головой.

— Это все моя вина, — ответила она. — Я сказал Дай Шану, на кого мы охотимся. Поэтому он наврал нам, чтобы заманить в это место.

— Возможно, — сказал Джесри. — Но обсуждение этого факта нам не поможет. Мы должны найти выход.

Цера глубоко вздохнула.

— Ты права, — ответила она. — Когда они вдвоем исчезли, мы с тобой пытались найти след кощунства. Я не смогла этого сделать. А ты?

— Нет.

— Не удивлюсь, если он вообще никогда сюда не приходил. Давай попробуем еще раз, только на этот раз поищи Аота.

— Хорошо.

Под наблюдением эльфов—олений она и жрица вернулись к местам, которые каждая из них выбрала для творения своей магии.

Челюсти Джесри сжались, когда она оперлась рукой о стену и потянулась к сознанию внутри. Она любила общаться с духами стихийного мира смертных. Они были чисты и просты — не безумно сложными и извращенными, как многие люди — и почти всегда были дружелюбны и рады помочь ей. Силы места, в котором они сейчас находились, как и силы Царства Теней, были отвратительны, злобны и соглашались помогать только под принуждением.

Значит, она применит принуждение. Рыча и бормоча слова силы на одном из тяжеловесных языков Крепости Корней, она обратилась к здешним духам. Магия раскалывала камень вокруг нее, пока, наконец, он не сказал ей, что не знает, где находятся Аот или Дай Шан. Он получил удовольствие от ее разочарования.

Может быть, холодный спертый воздух знал то, чего не знал камень. Готовясь задать вопрос, Джесри заново сосредоточила свою волю. Цера прекратила свое бормотание и сказала:

— Я не могу их найти.

— Конечно не можешь, — сказал глубокий шелковистый голос, который, казалось, исходил отовсюду и ниоткуда одновременно. — Как может Амаунатор проливать свет на секреты в месте, где Желтое Солнце никогда не светит?

Словно подтверждая это утверждение, мрак заглушил сияние, которое Цера призвала для освещения пространства, и не медленно, как это было прежде, а в один момент, как будто два пальца погасили спичку. Со звоном колокольчиков эльфы—олени подняли оружие и начали осматриваться. Джесри призвала пламя из сердцевины своего посоха и сосредоточила его у головки своего оружие.

Из темноты появилось нечто ужасное.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

С горящими факелами и стучащими по полу ногами Вандар и его братья по клыку не надеялись застать врасплах лоскутного человека и его приспешников. Когда они приблизились, он понял, что этого не произойдет. Ходячие мертвецы и их зеленоватая дымка остановились и повернулись, чтобы встать в том месте, где коридор расширился в пятиугольную комнату.

Несмотря на то, что Вандар выбился из сил, ему удалось вскрикнуть, как и некоторым его товарищам. Когда он побежал, чтобы сократить оставшееся расстояние, он наблюдал, как одна из сгорбленных, разлагающихся фигур перед ним

нацелила палочку и собралась метнуть вспышку мороза или какой—нибудь тени. Но ничего не произошло. Возможно, ведьмы и остальные уже исчерпали свои силы, подумал он.

Вандар метнул красное копье, и оно пробило кольчугу лоскутного человека, вонзившись в его грудь. Не дёрнувшись и не изменив выражения лица, кощунство схватил древко оружия, выдернул его и с лязгом бросил на пол.

К тому времени Вандар был достаточно близко, чтобы увидеть посаженные на разном уровне глаза, о которых упоминал Аот: один мерцающий желтый, другой тусклый, истекающий слизью и, возможно, слепой. Шрамы, пересекающие кожу воина, тоже сочились слизью, будто суставы не были защищены от окружающего воздуха.

Пока Вандар продолжал мчаться к нежити, большой меч кощунства нанес низкий удар. Вандар бросился на пол и перекатился, чтобы избежать удара. Лоскутный человек развернулся, пытаясь нанести второй удар, но Вандар был слишком быстр для него. Он одновременно поднялся на ноги и порезал запястье нежити.

Багровое лезвие глубоко вонзилось в тело нежити, и большой меч задрожал в руке лоскутного человека. Может быть, он и мог выдержать удар копьем в туловище, но он не сможет поднять тяжелое оружие с разрезанными мышцами и сухожилиями.

Внезапно Вандар почувствовал опасность за своей спиной — или, может быть, красный меч почувал ее за него. Он обернулся и увидел дуртан в маске и капюшоне, пытавшуюся порезать его когтистой рукой. Она была уже достаточно близко для удара мечом, поэтому вместо того, чтобы увернуться, берсерк нанес удар. Это отбросило ее обратно к зомби, мчавшемуся за ней.

Его контратака лишь на мгновение остановила их, но в этот момент братья Вандара догнали его. Они бросились на меньшую нежить и освободили его от боя, дав возможность сосредоточиться на кощунстве.

Когда он развернулся, двуручный меч ударил его по голове. Вандар рванул в сторону и порезал неповрежденное запястье богохульника. И снова красный меч вонзился глубоко в тело.

Даже после этого лоскутный человек каким—то образом продолжал держать рукоять двуручного меча, но он едва мог поспевать за Вандаром и блокировать его энергичные удары.

Пара зомби бросилась к своему хозяину, но берсерки из ложи быстро устранили их.

* * * * *

Джет приблизился к «Буре Возмездия» с высоты — самый безопасный и незаметный способ сделать это. Он не был уверен, что его примут враждебно, но причин опасаться Марио Беза и его команды было достаточно. У халруаанца была щепетильность голодной крысы, он был соперником Аота в борьбе за диких грифонов, и его появление в Крепости Полудемона было столь же неожиданным и, возможно, столь же неудачным, как...

Дай Шан? Как представитель более разумного вида, Джет был в значительной степени невосприимчив к чувству недоверия и неуверенности в себе, которые

сжигали людей изнутри. Что видел, то видел, и что знал, то знал. Но он поймал себя на том, что всматривается в приподнятый нос «Бури Возмездия», чтобы убедиться, что темнота не играет с ним злую шутку.

Это было не так, поэтому он внимательно изучал небесный корабль. Его опыт управления любым типом кораблей был, к счастью, ограниченным — как и от любого грифона, он него было мало пользы в море — но он понимал опасность столкновения с любой частью сложной паутины такелажа и парусов. Результаты могут быть фатальными. Полезно было то, что Дай Шан находился в конце корабля, а не где-то посередине, но это не устраняло опасность полностью.

Джет выбрал желаемую траекторию. Затем он сложил крылья и нырнул вниз.

Несмотря на темноту, один из членов экипажа увидел, как он пикирует, и закричал. Но никто не успел среагировать на крик. Мгновение спустя когти Джета сомкнулись на Дай Шане, когда он стоял, глядя вниз на мрачную крепость вместе с Безом. Он рывком сбил торговца с ног и перенес его через дальний поручень.

Взмахнув крыльями, чтобы снова подняться в воздух, грифон прохрипел:

— Где капитан Фезим?

Дай Шану потребовалось время, чтобы ответить. Может быть, ему нужно было преодолеть шок от того, что так внезапно обрушилось на него.

— При всем уважении, величественный повелитель небес, — наконец сказал он, — откуда мне знать? Я только что прибыл сюда.

Джет сжал когти достаточно сильно, чтобы Дай Шан ахнул и напрягся.

— Не лги мне, — сказал грифон. — Аот и я связаны разумами. Я видел, как ты провел его и остальных через ворота в Тень. Его все еще нет, но ты каким-то образом уже здесь. Скажи мне, что произошло.

— Это довольно сложно. Боюсь, у нас может не хватить времени.

— Хватит тянуть время! Без тебе уже не поможет!

— Я думаю, что он собирается делать совсем другое. Если мой могучий похититель сможет быстрее подняться над кораблем или удалиться от него подальше, я с уважением советую сделать это.

* * * * *

Марио Без считал себя зорким и сообразительным. Тем не менее, несмотря на то, что огромный черный грифон пролетел на расстоянии вытянутой руки от него, он едва успел заметить его, когда он схватил и унес Дай Шана.

Тем не менее, беглого взгляда было достаточно, и, к счастью, команда «Бури Возмездия» была готова.

— Катапульти и баллисты, приготовиться! – крикнул Марио.

Артиллеристы подчинились. Мелемер убедился, что команда под его непосредственным руководством работает должным образом, а затем искоса посмотрел на палубу.

— Грифон думает, что мы не нападем на него, потому что боимся убить и шу. — крикнул он.

Без улыбнулся в ответ маленькому тифлингу.

— И это было бы неблагодарно с нашей стороны. Дай Шан привел нас сюда. Он изучил ситуацию, и рассказал нам, как лучше действовать. Он утверждает, что избавил нас от Аота Фезима, хотя и не знает подробностей. Тем не менее, мы бы не хотели, чтобы ему взбрело в голову шантажировать нас тем, что он знает, и говорящий зверь тэйца представляет аналогичную угрозу. Итак, учитывая все обстоятельства, я считаю, что мы должны воспользоваться счастливой возможностью решить две проблемы разом.

— Готово, капитан! — крикнул один артиллерист. Другие наемники кричали по всему кораблю.

— Арбалетчики, огонь! – приказал Без.

Арбалетчики начали стрелять во все стороны. Арбалетные болты взорвались шарами света, которые медленно дрейфовали к земле, как пушинка чертополоха. На данный момент их серебристое свечение хорошо осветило небо вокруг Бури.

— По левому борту, — крикнул матрос, — и три руки над палубой!

Артиллеристы начали корректировать свои орудия.

— Нелегкий выстрел. — сказал Мелемер.

— Мы успеем. — прорычала Олте. Боевая жрица подошла к катапульте тифлинга, положила руку на метательное плечо и пропела молитву Темпусу. Ухмыляясь, Мелемер прошептал собственное заклинание, и на поверхности оружия замерцали точки красного света.

— Убить грифона! — крикнул Без.

Катапульти и баллисты издали лязгающий, щелкающий звук, и снаряды на полпути превратились в сверкающие молнии и огненные шары. Большинство из них не долетали, либо разлетались на части, либо и то, и другое.

Но огненный шар из катапульты Мелемера полетел прямо в цель. Явно почувствовав опасность, черный грифон взмахнул крыльями и увернулся в сторону.

Олте взмахнула топором и закричала:

— Темпус!

Мелемер хлопнул ладонями по своим коротким рогам и прорычал два рифмующихся слова на каком-то языке Абисса. Схватив рукоять рапиры, висевшей на боку, Без отбарабанил собственное заклинание, но больше за компанию, чем в расчет на то, что его заклинание поразит грифона. Но тот снова просто уклонился.

Однако огненная сфера сделала резкий поворот — магическая коррекция направления была настолько явной, что, несмотря на десятилетия, потраченные на практику боевого волшебства, Без никогда не видел ничего подобного. В магии всегда был элемент хаоса и неопределенности, особенно когда несколько заклинаний работали согласованно. И оказалось, что тайные и божественные силы членов экипажа «Бури Возмездия» достигли удивительно мощной синергии.

Возможно, их сила застала и грифона врасплох. Зверь снова попытался нырнуть и увернуться, но светящаяся сфера все равно попала в него. Снаряд взорвалась гулкой вспышкой желтого огня, и горящая масса вылетела из центра взрыва и рухнула на землю.

На мгновение забыв, что он ей не нравится, Олте хлопнула Мелемера по плечу. Удар чуть не сбил его с ног.

* * * * *

Вандар бродил по заваленному трупами двору и примыкающим к нему покоям, проверяя своих братьев. Несмотря на магию его багрового оружия, которое, очевидно, обладало некоторой силой, отсрочивающей наступление усталости, он чувствовал такое же мучительное изнеможение, как и другие. Но как вождь клыка, он должен был поддерживать, направлять, ободрять, шутить или утешать по мере необходимости.

Слишком часто он делал последнее. Весь Клык Грифонов был сплоченным братством, и почти каждый потерял по крайней мере одного близкого товарища. В целом они потеряли половину своих посвященных, а также всех наиболее заметных союзников. Аот, Джесри, Джет и Король—олень либо погибли, либо исчезли.

Вандар почувствовал укол горя или, возможно, даже вины. Его братья погибли, потому что он привел их в Крепость. И насколько он знал, Цера и другие чужеземцы, возможно, выжили бы, если бы он не отвернулся, когда услышал ее зов.

Красное металлическое древко его копья нагрелось в его руке, и он понял, что такое самобичевание бессмысленно. Его падшие братья были воинами, и они умерли в результате своего выбора — сражаясь, чтобы уничтожить угрозу Рашемуну. Им это удалось, и в результате клык, который они любили, отныне будет стоять так же высоко, или даже выше, чем любой другой в стране. Новобранцы хлынут, чтобы пополнить его истощенные ряды.

А что касается чужеземцев... В пророчестве хранителя кургана говорилось, что если бы они выжили, им с Вандаром суждено было стать врагами. В таком случае не было ли глупо сожалеть об их кончине? Не лучше ли было бы им умереть до того, как они успеют предать товарища и таким образом опозорить свое имя?

Помни мертвых, но иди дальше, подумал он. Сосредоточься на том, чтобы вернуть своих усталых, раненых братьев домой, забрать и приручить грифонов и превратить клык в братство воинов, чья слава будет жить вечно.

Улыбаясь, он вышел на утренний солнечный свет, чтобы организовать поход на юг. И тут он запнулся, потому что перед дверью ждали пять эльфов—олений. Их карие глаза остановились на нем.

Вандар был так занят удовлетворением потребностей своего народа, что забыл о фейри. Ему пришло в голову, что они вполне могут чувствовать себя деморализованными и сбитыми с толку. Они понесли тяжелые потери, как и берсерки, и вдобавок ко всему, они потеряли своего правителя и прародителя, который до вчерашнего дня давал цель и порядок их жизням.

— Э... привет, — сказал он. — Мои братья и я благодарны вам за то, что вы сражались вместе с нами, и мы скорбим о ваших павших товарищах. И... Что ж, теперь наша работа сделана. Бой окончен. Так что я полагаю, что вы должны взять все, что захотите, и вернуться домой. И знайте, что мы всегда будем вашими друзьями.

Эльфы—олени продолжали смотреть на него. Они не поняли ни слова из того, что он только что сказал, а поскольку не осталось никого, кто говорил бы по—эльфийски, некому было и переводить.

Вандар указал на открытые ворота и мир снаружи. Эльфы последовали за взмахом его руки, но потом просто оглянулись на него.

Он в недоумении покачал головой. Ему пришло в голову задаться вопросом — почему они интересовались именно им. Что отличало его от всех остальных людей? Возможно, они слушались его, но берсерк подозревал, что они слушались оружия.

Он поднял красное копье, чтобы показать его. Эльфы—олени качнули головами и звенели колокольчиками на рогах.

— Хорошо, — сказал Вандар. — Поймите, я не приказываю вам это делать. Вы действительно можете идти домой. Но если вы хотите пойти со мной — и моими братьями — то вы можете.

Именно это они и сделали.

Пока все брели на юг по снегу, им в спину дул холодный ветер. Вандар подумал, что Йельбруна наверняка сможет общаться с эльфами—оленими. Она могла отправить их домой.

Если, конечно, они действительно хотят вернуться. Что если в их характере было что—то такое, что заставляло их нуждаться в вожде, отличном от них самих, и они выбрали на эту роль Вандара?

Он полагал, что клыку придется предоставить им жилье и можно лишь представить, какой будет слава Клыка Грифонов, если у них будут грифоны, которые будут нести берсерков в бой, и эти необычные и очень ловкие лучники.

Он представил себе эту интригующую возможность на несколько мгновений, прежде чем почувствовал предупреждающую пульсацию своего копья и меча. Мгновение спустя один из мужчин за его спиной закричал.

Вандар повернулся. С развевающимися парусами и расправленными крыльями «Буря Возмездия» летела с северо—востока, подобно дракону. Демоническая фигура будто искоса смотрела на людей на земле, как и малиновый череп на развевающемся знамени.

Глядя снизу вверх, было почти невозможно разобрать, что делают наемники на борту небесного корабля. Но инстинкт Вандара кричал, что они собираются атаковать. Именно об этом, а не об Аоте и Джете, атакующих его с неба, говорил хранитель кургана.

В этот момент жуткой ясности Вандар понял, почему это происходит. Клык Грифонов и ее союзники уничтожили нежить, угрожавшую Рашемену, но если Марио Без и его команда убьют победителей, они могли забрать и приз.

Вандар огляделся. В бушующем поле негде было укрыться. Наемники, очевидно, прятали свой корабль до тех пор, пока их добыча не ушла из относительной безопасности крепости, а затем полетели за ними, чтобы поймать их на открытом пространстве.

И что могли с этим поделать измученные воины на земле? Те мужчины, которых несли на носилках или которые хромали, используя свои копья вместо костылей, из всех сил пытались стоять на собственных ногах? Другие же хрипло завизжали, из всех сил стараясь снова разбудить ярость, и подняли дротики, которые, как они наверняка понимали, никогда не смогут достичь врага в небе. Эльфы—олени со своими длинными луками, может, и были лучше, но не настолько, чтобы это имело значение.

Вандар сжал свое копье и рукоять меча.

— Оружие, — тихо взмолился он. — Когда волшебники и Повелительница Солнца ушли, ты единственная магия, которая у нас осталась. Сделай что—нибудь! Скажи, что мне делать!

Но оружие не ответило — по крайней мере, не так, чтобы он мог это воспринять. И он понял, что, какими бы сильными они ни были, они не могли вырастить крылья на его спине.

«Буря Возмездия» спикировала под углом к дороге, и берсерки растянулись по ней. Круглый объект пронесся над бортом корабля. Когда он ударился о землю, он взорвался облаком зеленого пара. Те, кого коснулся дым, падали — их рвало и дергало какое—то время, а затем они оставались лежать неподвижно.

Оглушительный звук сбил с ног других воинов. С кровью из ушей и носов некоторые из них попытались снова встать, но это удалось только одному эльфу—оленю.

Болты и стрелы полетели с корабля в таком количестве, в каком их и ожидал увидеть Вандар.

Он вспомнил свои фантазии всего несколько мгновений назад и презирал себя за них. Потому что он никогда не приведет своих братьев к славе. К тому времени, как бледное солнце достигнет своего зенита на сером зимнем небе, Клык Грифонов вымрет.

Он потянулся вглубь себя, чтобы разбудить ярость. Что ему еще оставалось?

ЭПИЛОГ

Аот не знал, как долго он бродил по темному безмолвному лабиринту из гробниц, кладбищ и погребальных скульптур. Достаточно долго, чтобы от жажды пересохло горло. Возможно, достаточно долго, чтобы борьба под Крепостью Полудемона подошла к концу с тем или иным исходом.

Достаточно долго, чтобы Цера и Джесри потерпели фиаско?

При мысли о том, что они застряли в холодном, мертвом лабиринте, как и он, возможно, сражаясь за свою жизнь с существами, на которых намекал Дай Шан, его челюсти сжались. Внезапно он не смог поверить, что смиритсся с потерей Церы, если ее призвание приведет ее к трону Верховной жрицы. Конечно, они все еще могли бы найти способ быть вместе, даже если бы это было только в некоторые периоды года. Он также не мог поверить, что действовал так осторожно, изучая внутреннюю трансформацию Джесри. Правда, она ненавидела говорить об интимных вещах, но он не мог просто смотреть и ждать, когда с ней случилось что—то действительно плохое.

— Эти вещи ускользнули от меня, — подумал он. — Потому что последние пару лет были тяжелыми. Безумные замыслы некромантов и драконов, которым нужно было помешать, и Братство, которое нужно было оттащить от края обрыва.

Но это было плохое оправдание, и он пообещал себе, что будет действовать лучше, когда они втроем освободятся из этого места.

Прежде всего, ему нужно было освободиться отсюда. Как заметил Дай Шан, ему не хватало специализированных эзотерических знаний, которые могли бы

подсказать ему, как это сделать, поэтому все, что он мог сделать, это исследовать окружение своими глазами. Они еще не заметили ничего полезного, но он должен был верить, что, в конце концов, они это сделают.

Всякий раз, когда он натыкался на арку, увенчанную тремя зазубринами, он долго и внимательно смотрел на неё, прежде чем двигаться дальше. И со временем он оказался в восьмиугольной комнате—склепе со сводчатым потолком. Замысловатые цветочные узоры, каждый из которых был сделан из определенной человеческой кости, украшали стены.

Некоторое время он изучал роспись, затем вздохнул и начал отворачиваться. Но прежде чем он успел это сделать, пространство за порогом замерцало. Оно превратилось в более скромный свод с шестью каменными саркофагами на постаментах. Само пространство было темным только из—за отсутствия света, а не потому, что было создано холодным, мерзким мраком, через который он двигался прежде. Но оно показалось лишь на мгновение, а затем исчезло.

Рука Аота сжалась на копье. Он слышал о таком. Обычно требовался правильный спусковой крючок, правильная магия, чтобы открыть дверь в месте, где соприкасались два мира. Но иногда это происходило спонтанно или в ответ на какое—то космическое явление — например, на определенную фазу луны. Такое событие и затянуло Гаэдинна и Джесри в Царство Теней, и, если он не ошибался, прямо перед ним сейчас произошло нечто подобное.

Он решил, что когда арка снова изменится, он пройдет через неё.

Он понял, что с этой идеей связаны две потенциальные проблемы. Во—первых, насколько он знал, ворота могут открыться нескоро. Другая заключалась в том, что когда это произошло, дверь была открыта всего одно мгновение. Если он не сможет пройти через неё полностью, то она захлопнется, а он разлетится на куски.

В Бездну меня с такими пораженческими мыслями, подумал он. Он встал перед аркой, как бегун, ожидающий стартового сигнала. И начал ждать.

Он ждал, пока его мышцы не заболят от стояния на месте, и, несмотря на сложность своей задачи, его внимание попыталось блуждать, как собака, дергающая поводок. Он использовал магию своих татуировок, чтобы освежить свое тело и разум, и сосредоточил свое внимание на том, на чём было необходимо.

Внезапно снова появились шесть саркофагов.

Аот так стремительно рванулся вперед, что не смог вовремя остановиться, чтобы не удариться коленом об один из саркофагов, и вспышка боли, возникающая в этот момент. Подсказала, что он перенапряг свою поврежденную шею. Но он прошел. Он оглянулся и увидел, что арка теперь ведет в простой темный коридор, не наполненный гнойным мраком лабиринта.

Когда он крался по коридору с копьем и щитом наготове, он прислушивался к звукам тех, кого оставил в мире смертных: к разговорам, крикам, бречению клинков о щиты, грохоту и треску битвы, магии или звону колокольчиков эльфов—олений. Но ничего этого не было, и после того, как он миновал несколько других хранилищ и завернул за угол, он заметил впереди солнечный свет.

Он лился сквозь прутья кованых ворот. Аот зарядил свое копье силой и использовал его как монтировку, чтобы выломать замок. Он осторожно вышел из мавзолея на кладбище для обычных людей.

Снег здесь был серым от пепла, а замок, окружавший кладбище, имел такой же закопченный вид.

Что логично, Аот почти не видел окружающих гор. Стены цитадели блокировали их. Но красное зарево вулканов отражалось от свинцовых облаков.

Потрясенный, он понял, почему не слышал никаких следов ни своих товарищей, ни их врагов. Это было потому, что он был далеко от Крепости Полудемона. Он был даже не в Рашемене.

Он вернулся в Тэй.

